

ОКСАНА
ВИНОГРАДОВА

18+

Оксана Николаевна Виноградова

Забытое слово

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36630209

SelfPub; 2018

Аннотация

Главная героиня повести – Надежда – родилась в волжском провинциальном городке в простой семье. Воспитанная в детстве на советских нравственных началах, девушка выходит в жизнь, которую «перестроили». Надино мироощущение «накладывается» на пласт неприемлемых для неё «ценностей», которые разрушили и продолжают разрушать страну. Совесть, раскаяние и мужество главной героини помогают ей вспомнить «забытое слово», которое не только спасает ее от безысходности, но и вселяет веру в будущее – своё и страны. Повесть вошла в короткий лист «Золотого Витязя» – 2017, девиз которого: «За нравственные идеалы, за возвышение души человека».

Содержание

Вступление	5
От автора	11
Часть первая	12
Детство	13
Рождение сестры	21
Катастрофа	28
Перемены	38
Новая школа	48
Тяготы	58
Последние годы школьной учебы	66
Часть вторая	95
Борис	95
Друзья	111
Метаморфозы	127
Писательские и художественные наклонности	146
Точка	159
Часть третья	167
Захар	167
Бузулук	180
Первая беременность	194
Борьба со страхом	211
Замужество	222
У свекрови	241

В общежитии	247
Прелюбодеяния	256
Часть четвертая	268
Поворот	268
Испытания	291
Взросление	311
Послесловие	324

Оксана Виноградова

Забытое слово

Моим детям посвящается

*...Всякая плоть – как трава, и всякая слава
человеческая – как цвет на траве, засохла трава, и
цвет ее опал;*

*Но слово Господне пребывает вовек; а это есть
то слово, которое вам проповедано.*

*Первое соборное послание святого апостола Петра. Гл.
1, 24–25*

Вступление

Прежде чем вдумчивый читатель прочтет данное произведение, мне хочется рассказать историю его создания.

Год назад я получила по электронной почте письмо от Натальи Викторовны Разумовой – моей хорошей знакомой. Не буду утруждать читателя рассказом, при каких обстоятельствах мы с ней познакомились, уточню только, что живет Наталья Викторовна в селе, работает директором краеведческого сельского музея; два раза я приезжала к ней на устраиваемый ежегодно «музейный праздник». Наталья Викторовна любит читать, пишет краеведческие статьи. Под влиянием нашего знакомства я увлеклась написанием небольших рас-

сказов и даже задумала повесть о событиях в нашей стране, произошедших в 90-х годах прошлого века, о чем рассказала Наталье Викторовне.

Вскоре она прислала мне письмо следующего содержания:

«Десять лет назад дальние родственники по линии моего мужа продали нам старый дом. Дом нам в то время был без надобности, а вот земля, на которой он стоял, для осуществления наших планов была необходима. Дом мы хотели снести сразу, но обстоятельства сложились так, что разбирать старую постройку стали только в этом году.

На чердаке среди старых журналов, газет и квитанций я обнаружила пачку толстых тетрадей, исписанных ровным, размашистым почерком. Это оказались дневники незнакомой мне особы; я рискнула их прочитать. Мне они показались интересными. В наше время люди редко ведут дневники: для большинства они – отголосок ушедшей эпохи. Времени Чехова, Тургенева, Толстого. Между тем ведение дневника – способ самопознания и познания, притом очень эффективный. Автор найденных мною дневников – некая Люба, – описывая повседневность, видит в ней то, что является смыслом и целью жизни любого человека. Зная, что ты, как и я, любишь читать и интересуешься историей, я подумала, что тебе эти тетради тоже были бы интересны. Может, они пригодятся при написании задуманной тобой повести. В дневниках ценный исторический контекст,

на основе которого можно восстановить многие события в период с 1980-го по 2000-е годы. Высылаю тетради посылкой по почте. Сообщи, как получишь. С уважением, Наталья Викторовна».

Дневники я получила и прочитала с большим интересом. Автор оказалась близкой мне по духу и даже по возрасту: по моим подсчетам, мы с ней почти ровесники. События общественные и государственные, которые она описывает, свежи еще в моей памяти.

До сих пор в России нет ясного понимания, что произошло в начале 90-х годов прошлого века. Между тем катастрофа, произошедшая в СССР в конце 80-х – начале 90-х, погрузила страну в тяжелейшую депрессию. Россия в одно десятилетие лишилась 1/5 своего населения. Есть мнения экспертов о том, что в это пореформенное время людские потери, несравнимые даже с войнами, потрясшими Россию в XX веке, привели к демографическому коллапсу, который не будет преодолен никогда.¹

Существует даже такой термин: «сверхсмертность».

¹ Есть, однако, мнения иные. Например: «Сокращение числа рождений и рост числа смертей в начале 90-х годов привели к тому, что число смертей стало больше числа рождений и естественный прирост населения впервые за послевоенные годы сменился его естественной убылью (появился „русский крест“). Естественная убыль населения – вещь крайне нежелательная, но списывать ее на „катастрофу“ 90-х годов нет никаких оснований» (А. Вишневский, директор Института демографии НИУ-ВШЭ. Были ли 90-е демографической катастрофой для России? <https://thequestion.ru/questions/41951/byli-li-90-e-demograficheskoi-katastrofoi-dlya-rossii>).

«Преодоление сверхсмертности требует выяснения ее основных причин. Доминирует точка зрения, что таковыми являются злоупотребление алкоголем, табакокурение, экологическое неблагополучие, ухудшение социально-экономической ситуации и вызванный этим стресс».² Однако в 1994 году, когда смертность в России достигла максимальных значений, потребление абсолютного алкоголя на душу населения было значительно меньше, чем в других развитых государствах. «Россия никогда не была самой „курящей“ страной», а о проблемах экологии, когда в 90-х почти остановилось промышленное производство, говорить не приходится. Про холестерин и гиподинамию в пореформенные годы позабыли. Остается экономический фактор и стресс, им вызванный. Да, с началом реформ экономическое положение большинства россиян сильно ухудшилось. «Душевое потребление снизилось до показателей начала 1960-х годов. Однако смертность в России 1960-х была самой низкой среди развитых государств мира». Следовательно, состояние бедности не является прямой причиной сверхсмертности. «Об этом свидетельствует и тот факт, что наибольший рост смертности отмечался не у стариков и детей, экономически наименее защищенных, а среди лиц трудоспособного возраста».

² И. А. Гундаров, канд. философ. наук, д-р мед. наук, проф. НИИ общественного здоровья и управления здравоохранением Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. Статья «Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа». Здесь и далее цитаты из этой статьи. http://ricolor.org/rus/zn/tz/demograf_nabat/4/.

Стресс, вызываемый бедностью, не идет ни в какое сравнение со стрессом, который люди испытывали во время войны.

Поэтому, «поскольку ни один из известных социально-экономических параметров риска не объясняет в сегодняшней России истоков сверхсмертности, постольку неизбежен вывод, что жизнеспособность населения зависит и от каких-то *иных условий* [Выделено мной. – О. В.]».

В найденных Натальей Викторовной дневниках сначала девочка, потом девушка, потом женщина Люба исследует происходящее с целью поиска этих *иных условий*, от которых зависит будущее России.

Люба, воспитанная на советских нравственных началах в детстве, выходит в жизнь, которую «перестроили». Произошла трансформация понятий о добре и зле, о чистоте и пороке, о том, что такое хорошо и что такое плохо... Любино мироощущение «накладывается» на пласт навязанных, чужих, неприемлемых ценностей, которые разрушили и продолжают разрушать страну.

Народ, не способный извлечь из истории выводы и измениться в лучшую сторону, обречен.

Я взяла на себя смелость переработать Любины дневники, объединить их в единое целое и увенчать подходящим названием. Кое-что убрала, кое-что добавила из своих впечатлений о 90-х годах. Имена и фамилии везде, где возможно, изменила. Любе нашла другое подходящее имя – Надежда.

Ведь *Надежда* умирает последней...

Так появилась на свет Божий моя повесть «Забывтое слово», основанная на дневниках более чем десятилетней давности, неизвестного мне автора, разыскать которого не представляется возможным. Сомневаюсь, что Любовь (надеюсь, она жива) сможет в данной повести узнать себя, но все-таки прошу у нее прощения за допущенную мной вольность.

И ты прости меня, читатель!

От автора

Человек всегда стоит перед выбором.

И только личным усилием можно выбрать в себе добро или зло, веру или отчаяние, любовь или ненависть, Бога или... Главное – знать о возможности и необходимости выбора.

Часть первая

Кружение

Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд.

Екклесиаст. Гл. 11, 9

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч;

Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее.

И враги человеку – домашние его.

Евангелие от Матфея. Гл. 10, 34–36

Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит;

Тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И придя, находит его незанятым, выметенным и убранным;

Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого.

Евангелие от Матфея. Гл. 12, 43–44

Детство

– Советский народ понес тяжелую утрату. Оборвалась жизнь выдающегося деятеля ленинской партии и Советского государства Леонида Ильича Брежнева. Его жизнь – образец беззаветного служения интересам партии и народа. В памяти всех советских людей Леонид Ильич Брежнев навсегда останется как человек, беспредельно преданный учению Маркса – Энгельса – Ленина... – раздавался эхом в углах актового зала голос Ларисы Игнатьевны, завуча общеобразовательной средней школы № 45, куда родители привели меня «учиться, учиться и еще раз учиться».

Я, первоклашка, стояла в первом ряду и думала о том, что умер великий человек.

Когда я пришла в первый класс, то первым уроком был урок мира. Мы раскрыли букварь и прочитали вслух заголовков: «Наша Родина – СССР». Потом нам рассказали то, что мы и так хорошо знали: что живем в прекрасной огромной стране, где о каждом заботится государство и партия, и нам повезло, что мы не родились где-нибудь за океаном, где ужасный капитализм, голод, нищета и войны и где «маньяк Рейган ставит человечество на грань ядерной пропасти».

Когда я пришла в первый класс, я жаждала учиться на пятёрки, стать поскорее пионеркой и комсомолкой и посвятить

свою жизнь борьбе за благо человечества. Я «горела» за счастье своего народа и «кипела» ненавистью ко всем инакомыслящим. Мне хотелось поскорее вырасти и стать кем-то, кем нация могла бы гордиться. Еще в детском саду я сочинила стихи:

Родина моя – прекрасная.
Как люблю тебя – не высказать.
Реки, и леса, и поля —
Вот моя земля. Советская!

Мама мою поэзию не оценила, но бабушка хвалила очень, говоря, что есть «искра Божья» в моей душе. Я была счастлива, хотя и не верила в существование «Божьих искр», в чем убеждать старую бабушку было бесполезно.

С первых дней учебы обо мне заговорили как об отличнице, активистке и помощнице учителя, как об одной из тех, кому «больше всех надо».

Родителям как бальзам на душу лились слова благодарности в моих грамотах и похвальных листах. Я верила в свое блестящее пионерское будущее точно так же, как многие верили в грядущий коммунистический рай.

Все были счастливы.

Спустя два года советский народ и мы, школьники, во главе с нашей учительницей Ларисой Игнатьевной провожали умершего Юрия Владимировича Андропова.

Я опоздала на торжественную линейку, но успела на минуту молчания. Минуту молчания озвучили сопением и шмыганьем. После все разошлись по классам, кроме меня и еще нескольких опоздавших. Нас попросили пройти в пионерскую комнату. Там ярая комсомолка – пионервожатая Юлия Эдуардовна – на фоне распластанного красного флага и недоукрашенного лозунга «Руки прочь от Никарагуа!» заговорила о том, что «...из нас должны выйти настоящие граждане социалистического общества, активные строители коммунизма, люди с высокой моралью, культурой труда и поведения...». Эта проникновенная речь преследовала цель вызвать в нас чувство глубокого раскаяния, но мне было не совестно за опоздание по одной уважительной причине. Настолько уважительной, что трудно было скрывать радость.

У меня родилась сестренка! Я так давно просила ее, но у мамы все не получалось; а потом врачи сказали, что сестренки не получится никогда. Но она получилась!

– Надежда!.. Скоро вы станете пионерами и должны понимать, к чему вас это обязывает! – распялась Юлия Эдуардовна. – Я еще поставлю вопрос на общем собрании, а сейчас – разойтись по классам!

Это, пожалуй, был первый сбой в моем безупречном поведении и учебе.

В тот день после уроков я пошла к Маринке, моей подруге, в гости. Мы могли пойти и ко мне, но у меня дома не было никого, кто бы нас покормил. Папа работал допоздна, де-

лал «шабашки», а маму выписывали из роддома только через неделю. А у Маринки была бабушка, которая кормила горячим и вкусным обедом.

– Ну как дела у твоей мамы? – сразу поинтересовалась она, как только мы вошли, точнее – протиснулись в заставленный мебелью коридор.

– Она родила сестренку.

– Как хорошо! Как хорошо! Слышала я, что в роддоме была торжественная выписка 250-тысячного жителя. Растет наш город! Но как жалко, умер Юрий Владимирович... Единственный приличный генеральный секретарь партии, и надо же... Опять какого-нибудь старого выкопают...

– Думай, что говоришь, бабка! – заворчал на Маринкину бабушку вышедший из комнаты дед. – Совсем из ума выжила.

– Ой! – всплеснула руками Маринкина бабушка. – Хотите, вам плитку кухонную новую покажу? Маринин отец, пока вы в школе были, привез. Мы ей кухню выложим в новой квартире. «Лунный камень» называется. В Москве за ней такая очередь была, чокнуться можно. Хорошо, что до похорон успели купить, сейчас бы не въехать, не выехать...

– Дети есть хотят, а ты их баснями кормишь! – пробубнил из дальнего угла комнаты дед.

– А скоро вы переезжаете? – спросила я, садясь за кухонный стол, Марину.

– Как только, так сразу. У меня там будет отдельная ком-

ната.

– А какие обои мы туда достали!

– Бабушка!

– Еще мы стоим в очереди на видеоманитофон. Только почти не движемся. Думаем с дедом: может, сервис хрустальный взять в кредит, с рассрочкой на два года?

– Бабушка! Дай нам покушать спокойно! – Марина сделала обиженное лицо.

– Ладно, ладно. Пойду. Кушайте как следует.

Последовала минута молчания.

– Жалко только школу менять. А чтоб к тебе в гости зайти, полчаса придется ехать, – вздохнула Маринка.

– Ну, ничего. В выходные будем встречаться, в кино вместе ходить.

Мы часто ходили по субботам смотреть детские фильмы за десять копеек в кинотеатр неподалеку. Правда, это был не совсем кинотеатр, а церковь без купола, хотя об этом уже мало кто помнил. Рядом возводили новый, просторный, с шикарным названием «Полет». Церковный кинотеатр никак не назывался, и нас часто водили туда всем классом смотреть фильмы о пользе атеизма и разложении буржуазии на Западе. А как-то раз нам показали фильм о нацистских лагерях, где убивали женщин и детей. Все они были прозрачные от голода и голые. У меня это вызвало такой ужас, что я месяц спокойно спать не могла и слезы выступали на глазах, когда я вспоминала об этих несчастных детях. А тогда, после филь-

ма, я разрыдалась, и Мишка, одноклассник, высмеял меня.

– Ладно, Надь, в кино будем ходить. А с кем дружить-то мне в этой новой школе? – опять вздохнула Маринка и задумалась. Я тоже. Она – моя лучшая подруга. Другие – так, с ними не весело. Точнее – не так весело. Хотя в целом интересно.

– Хочешь, – зашептала я Марине, – секрет расскажу?

– Валяй.

– Только никому!

– Клянусь!

– Мне Есенин в любви признался...

Есенин – не поэт, а наш одноклассник Сеня Есенин. Бледный, худой, с едва заметными веснушками на лице. Некоторые над ним смеялись, потому что он был со странностями: не ходил на физкультуру, не завтракал со всеми. А во время уроков доставал из портфеля термос, оберточную бумагу, пакеты с едой и начинал жевать. Ему это было разрешено, и никто никогда не делал замечаний. Он был болен странным словом «диабет», и в самом этом слове одноклассникам мерещилось что-то юродивое.

– Фу-у-у... – Марина выразила презрение.

– А как отвязаться-то?

– Пошли.

– Не могу. Неудобно. Может, сам поймет?

– Да, такой пристукнутый поймет!

– Вообще-то я ему сказала, что он мне не очень нравится,

но он хочет быть моим другом, а иногда до дома провожать. Мы почти рядом живем.

– Не смейся. И не говори никому: засмеют... А лучше – пошли куда подальше.

– Да еще классная хочет, чтоб я его на поруки взяла, подтянула маленько по математике.

«Подтянуть», то есть позаниматься во внеурочное время с отстающим учеником, поручали ответственным, успевающим ученикам, в числе которых была и я.

– Это хуже, – вздохнула Маринка. – Отказаться нельзя.

Я утаила от Маринки, что Есенин вчера провожал меня до дому, и более того: заходил ко мне в гости, так как по дороге я ему рассказала, что мой папа выписывает журналы «Наука и жизнь» и там проиллюстрированы всевозможные достижения науки и техники. Есенин почти со слезами просил дать ему посмотреть эти журналы, и я не нашла в себе силы отказать. Тем более дома никого не было. Я усадила Есенина на диван, не предложив ничего покушать (хотя, наверное, он был голодный: запасы из портфеля не торчали), дала ему стопку журналов, которые постарее, и убежала на кухню обедать. Спустя несколько минут я вернулась, а он сидел как застывший и пялился на картинку со спортивной машиной.

– Надь, а ты можешь мне ее подарить? – спросил он, вероятно заметив, что из некоторых страниц вырезаны иллюстрации. (Папа разрешал мне это делать.)

– Ни в коем случае, – отрезала я не задумываясь.

Он еще немножко посидел, но потом я сказала, что у меня много дел, а он мне мешает.

Есенин ушел.

– Надя! – вывела меня из раздумий Маринка. – А ты с кем пойдешь макулатуру собирать?

Собирать макулатуру – святое и обязательное дело каждого ученика. Кто больше всех соберет – тому грамота. Ученики ходили по подъездам и попрошайничали ненужные бумажки. Это занятие захватывало и вызывало азарт. В выброшенных бумагах можно было найти что угодно: некоторые выкидывали старые книги, в то время как такие же новые можно было достать только по подписке или «с нагрузкой» (так называли ненужные вещи, прилагающиеся обязательно к нужным). Некоторые выкидывали и новые, но, думаю, по случайности. Когда к школе подъезжала машина за макулатурой, учителя, родители и просто прохожие заглядывали в каждую связку бумаг, наверное, в надежде найти что-то стоящее. Пионервожатая тоже один раз нашла. Манифест коммунистической партии. По надписи на связке нашли сборщика, пропесочили его на перемене и вызвали родителей. Пришел его отец и божился, что сын выкинул брошюру без его ведома...

– Надя-а-а!

– С тобой, конечно. Только не знаю, когда и как. Маму скоро из роддома выпишут, заботы будут. Я тебе скажу позже. Ага?

Рождение сестры

Маму выписали через неделю. Из прежней жизнерадостной, обаятельной женщины и любимой мамы она превратилась в изможденную, нервную и злую.

– Как ты мог? Как ты мог? – плакала она в первый день выписки, обращаясь к папе. – Меня там бросили в коридоре, я и встать не могла. Ты бы спросил, где я, что я... А я слышала: сунулся в приемник, спросил «кого?» – и пить пошел.

– Да не пил я, Оля! Мне надо было срочно ленточки писать на венки, сама же знаешь!

Папа работал художником в строительном управлении. До этого он десять лет работал художником в бюро эстетики главного завода города, часто ездил по командировкам, изучал влияние польского плаката на массы, совместно с лауреатом Сталинских премий трудился над созданием городских монументов и создавал удивительные эскизы, по которым оформляли демонстрационные шествия. Но папина душа требовала простора для индивидуальности, сфокусировавшись на желании иметь собственную мастерскую. Ее-то и посулили (и дали) папе в строительном управлении, куда он второпях перебежал из бюро эстетики.

Так вот. Папа работал художником, и рисовать плакаты, лозунги и ленточки было его обязанностью. Он, правда, иногда «малевал», как выражалась мама, и картины, но в сво-

бодное от работы и «шабашек» время, которого у него было мало.

Насчет «пил» мама, конечно, переборщила. Папа, как творческий человек, выпивал, но очень редко и от расстройства. Например, когда участвовал в областном конкурсе плакатов на тему «Спорт и здоровье молодежи». Он был уверен, что созданная им агитация на ватмане займет первое место. Каково же было его удивление, когда он увидел победивший плакат! Во всю его ширь было изображено лицо правившего тогда Леонида Ильича Брежнева, и только на заднем плане, где-то в дымке, виднелась потерянная фигура то ли бегуна, то ли прыгуна с шестом. Папа напился и сделал выводы. С тех пор он набил себе руку на росписи ликов вождей и стал получать неплохие деньги.

Конечно, у папы были недостатки, одним из которых (и главным) была оторванность от действительности. Папу часто посещали музы, и в ответственный момент, когда следовало начать пылесосить паласы в комнате, он удалялся в туалет, с тем чтобы написать пару стихотворений. Когда он писал картины, творческий процесс его сопровождался громким песнопением из русских народных мотивов. Папа на полном серьезе утверждал, что существуют летающие тарелки и неподвластные человеку космические силы, что можно черпать энергию из космоса и для этого желательно заниматься йогой и вставать в позу лотоса. Для таких дел у него имелись запрещенные, откуда-то перепечатанные ин-

струкции, которые он периодически перечитывал и соблюдал. Папа никого не боялся, так как был беспартийный, родом из заброшенной в оренбургских степях деревеньки. Талант позволил ему получить художественное образование, которое, как ни странно, оказалось очень востребованным, а любовь к моей матери занесла в далекие чужие края. Из душевного равновесия папочку могли вывести только мамины слезы и нравоучения ее брата Славы – почетного парторга на промышленно-оборонном предприятии. Главный папин недостаток, по мнению мамы, – это то, что он понятия не имел, какая зарплата проставлена ему в «корешке» за текущий месяц и какие цены в магазине.

Естественно, маму угнетали папины чудачества. Выходя замуж, она принимала их за особенности необычного человека; сама-то она была как все: хорошистка, атеистка, приверженная общественной работе, а по специальности – инженер. Мое рождение было окрашено романтической влюбленностью и большими светлыми надеждами на единение чувств и мыслей родителей, в честь чего, вероятно, меня и назвали. Увы, единение не состоялось. Разрыв между матерью и отцом становился все больше. Жизнь превращалась в однообразную и предсказуемую, и мама постепенно подрывала здоровье и психику в неравной борьбе с бытом. Сейчас ей как никогда требовалась поддержка реально думающего человека, единомышленника. Папа таким никогда не был и сиюминутно стать не мог. По этой причине с мамой произо-

шла резкая метаморфоза, путь к которой был долог и незаметен. Теперь она не сомневалась в своем святом мученичестве.

По отношению ко мне мама соблюдала дистанцию. Когда я была маленькой, она, разумеется, целовала и обнимала меня, как все нормальные матери; играла со мной, помогала шить платьишки куклам. Иногда она злилась на меня за непослушание и ставила в угол. Кроме того, она всегда бдительно следила, чтобы я была накормлена-напоена, ухожена и вовремя спать уложена. Когда мама работала во вторую смену, она специально приходила в садик «Снежинка», куда меня водили, чтобы проверить, как за мной смотрят воспитатели; а однажды устроила большой скандал, так как воспитатели меня проворонили и я самостоятельно, в два с половиной года, ушла домой. Правда, далеко уйти я не смогла: заблудилась между соседними садиками «Снегурочка» и «Пингвин», с горя описалась и подняла громкий рев. Там меня и нашла заплаканная мама, смеясь от счастья... Да, она меня любила... только почему-то редко говорила мне об этом. Однажды мама забрала меня из детсада, и по дороге домой я сказала ей, что люблю ее «сильно-сильно, больше Ленина». Мама остановилась, мягко взяла меня за обе руки и сказала: «Хорошо. Только не говори об этом никому, пожалуйста». Ленин был святыней и вождем всех народов, и мама боялась инакомыслия, неосознанно прививая и мне этот страх. Она искренне верила в светлое коммунисти-

ческое будущее, которое ждет всех, если поступать по заветам Ильича. Мама чтит нормы и мораль социалистического общества, несмотря на то что семью ее отца раскулачили и развеяли по ветру! Единство и борьба противоположностей! Святая простота! Смесь наивности, упрямства и выдуманных догм делали маму для окружающих ее людей одновременно и жертвой, и палачом.

Мама всегда вела себя как идеал, образец; не было у нее изъяна ни в прошлом, ни в будущем. Она все делала правильно. Замуж вышла по любви, муж – ее единственный мужчина за всю жизнь; дома – блеск и чистота, еда всегда на плите; сама мать – аккуратная, образованная, и нет в ней никакого явного недостатка.

Мне казалось, что я не отвечаю ее критериям, и не верилось в ее любовь ко мне. Я боялась ее расстроить, потому что она потом почти всегда плакала и не хотела ни с кем разговаривать. Тогда я начинала думать, что, если б меня на свете не было, она была бы не такой несчастной.

И вот родилась сестренка Даша. Мама плакала. Моя радость сменялась то тоской, то разочарованием. Даша тоже плакала, и днем и ночью, и днем и ночью, и опять днем и ночью. Иногда вместе с ней начинала плакать и я.

Врачи велели кормить Дашу строго через три часа, иначе – напугали они – будут проблемы с желудком. Но Даша не знала об этом и почему-то хотела есть чаще. От голода она

кричала, а мать опять плакала, не смея нарушить запрет врачей и опасаясь еще больших осложнений. Голодная, Даша не хотела спать, и мы трясли ее по квартире в коляске как сумасшедшие. Папа не выдерживал, как он сам выражался, «великого плача княгини Ольги» и постоянного ора Дашеньки и стал приходить с работы как можно позже, оправдываясь заработанными на «шабашках» деньгами.

Когда Даше исполнилось три месяца, у матери пропало молоко. Более того, Даша отказалась пить молоко и кефир с молочной кухни, в которую мать направил врач. Вопреки законам логики Даше понравился геркулес, который был дефицитом. Поэтому каждый вторник мама поджидала меня с коляской у школы, и мы шли к салону для обслуживания инвалидов Великой Отечественной войны. Там мы подходили почти к каждому человеку в очереди, и мать шепотом говорила: «Пожалуйста, продайте нам пачку геркулеса из пайка, у меня трехмесячный ребенок, кефир не пьет...» Чаше отказывали («У самих дети...»), но иногда кто-нибудь, виновато пряча глаза, говорил «конечно, конечно...». И мы стояли вместе с ним в очереди, выжидая, когда подойдет его черед.

Дефицит, надо сказать, сколько я себя помню, был всегда. Всегда надо было постараться достать что-нибудь из еды, из вещей. В очередях простаивали часами, и это было обычным делом. Наша семья, как и все люди, были занесены в список на стиральную машину, холодильник, велосипед, цветной телевизор «Горизонт»... Такие очереди длились годами.

Люди десятилетиями стояли в очереди на машину, квартиру. Вся жизнь была как нескончаемая очередь. Дело доходило до анекдотов: я выстаивала очередь за котлетами, которых давали по пять штук на человека, а когда приближалась к прилавку, выкликивала мать. И та, с гордо поднятой головой, держа на вытянутых руках орущую Дашу, громче ее кричала: «Нам на трех!» На возмущение толпы мать парировала: «Она что, не человек, что ли?»

Обязанности вождя в государстве после смерти Андропова взял на себя Константин Устинович Черненко и почти тут же их сложил. Его панихиду мы смотрели по телевизору у дяди Славы. Он стоял перед экраном и скорбно отказывался от пирогов, которые предлагала ему жена. Мы, дети (я и мои двоюродные брат и сестра), а также их огромный, черный и лохматый королевский пудель Севка, настроения дяди Славы не разделяли и все съели. Похороны вызывали в нас чувство обыденности и легкого раздражения. Мы досадовали на то, что три дня не будет мультиков и детских фильмов по телевизору, по которому и так смотреть было нечего.

В марте 1985 года генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Михаил Сергеевич Горбачев. Устав от похоронных передач, народ вздохнул с облегчением. Горбачев был молод, неуклюж в русском языке и с огромным родимым пятном на лбу. Обещал держать курс и жить долго.

Катастрофа

Вся страна радовалась. Предыдущие политики немного сбились с пути, указанного Лениным, но теперь-то, как провозгласили с экранов, состоится «возрождение истинного социализма»!

«Возрождение» получило название «перестройка». Для народа она началась в мае. Был издан указ «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения».

Такова была первая реформа.

Осуждалось питье в обществе по любому поводу. На поминки и свадьбы выдавали не более двух ящиков водки по справке.

Если ты задумал выпить тихо один и для здоровья, ты мог купить водку. Она, равно как и другие продукты, стала выдаваться по норме: не более двух бутылок в руки. Цена с трешки подпрыгнула до десяти рублей (это при заработной плате инженера сто двадцать рублей). Когда водку завозили в магазин, образовывалась километровая очередь.

В городе появился антиалкогольный патруль: крепкие мужики хватали по вечерам возвращавшихся из гостей прохожих и предавали в руки правосудия.

Если тебе не нравился сосед, ты мог запросто отравить ему жизнь: звонишь в милицию и говоришь, что твой сосед –

самогонщик. Постоянно самогон варили немногие, но у многих имелся в доме самогонный аппарат и книги о виноделии. Все это тянуло за собой штрафы, конфискацию и даже срок – в зависимости от размеров и обстоятельств.

Каждый день по радио и телевизору шли бравые репортажи о вырубленных виноградниках и демонтированных винных заводах.

Все, кто пил, продолжали пить. Но только не водку, а что придется: денатураты, одеколоны, всякую другую гадость. Возможно, в этом был и плюс: в первые годы перестройки многие пьяницы «отбросили коньки» или наложили на себя руки, очистив общество.

Фольклор не оставил действия Горбачева без внимания: по стране ходили анекдоты, самым известным из которых был следующий: мужик, не достоявшийся в очереди за водкой, поехал в Кремль, чтобы плюнуть в лицо Горбачеву. Вскоре возвращается и объясняет: «Там очередь еще больше».

Однако люди простили молодому, красивому, занятно говорящему генсеку эту реформу. Все по-прежнему ожидали перемен к лучшему. А некоторые, например измученные жены спившихся алкоголиков, были ему благодарны за преждевременный уход благоверных в мир иной.

Мою семью алкоголь сильно не волновал. Но когда городская кондитерская фабрика выпустила партию пирож-

ных эклер, которыми отравились около ста пятидесяти человек, мы почувствовали: что-то пошло не так, как всегда. Потом пропали стаканчики в автоматах с газированным лимонадом; потом – сами автоматы.

Папа стал чаще критиковать действия правительства, а мама задумывалась, не зная, что ему ответить. Конечно, жить становилось труднее, но когда было легко?

Да и на разговоры у нее не было времени. Со мной она общалась примерно так: «Ты не пропылесосила пол; не вымыла посуду; не убрала учебники...» Да, у меня были недостатки, но было во мне и хорошее. Например, после уроков я с подругой перелезала через забор военной базы, расположенной неподалеку, и покупала там на специально для этой цели оставленные мамой деньги дефицитные печенье, масло, сметану. Шила: перешивала Дашеньке кофточки и юбочки. Любила гулять с сестрой вокруг дома. Укладывала ее спать, что было не так-то легко...

Но даже тогда, когда я делала что-то полезное, всегда встречала выговоры: когда мыла пол в квартире, то «заливала всю ванную», когда жарила картошку, то почему-то «синюю» и т. д.

Моей учебной мамой не интересовалась, а мне до того надоело ходить за ней с дневником и канючить «распишись», что в четвертом классе я стала расписываться за родителей. В школе я училась на отлично, была любимицей учителей и редактором стенгазеты, где пропагандировала здоровый мо-

ральный образ жизни, рисуя карикатуры на девочек, носивших сережки, и мальчиков-двоечников. Я была достойной, как мне казалось, пионеркой и, как мама, верила в светлое коммунистическое будущее, несмотря ни на что.

Папа в мою учебу тоже не вмешивался. Агитационные плакаты и лозунги пользовались бешеным спросом, и он работал по вечерам. Его очень часто не было дома, а когда был, то они с мамой непременно ругались по всякому поводу. В первый раз они чуть не развелись, когда Дашеньке исполнилось полтора годика...

Семейная катастрофа разразилась в один из выходных дней, когда я затаскивала в подъезд коляску с Дашенькой с прогулки. Подходя к двери, я услышала мамин плач:

– Ненормальный! Ничтожество! Опять купил не то, что я просила! Я просила укроп для еды! А ты что принес за двадцать копеек? Для соленья! Ты все делаешь мне назло!

Папиного голоса не было слышно. Я позвонила. Дверь долго не открывали, а когда она открылась, на пороге стоял папа с авоськой. Он грустно посмотрел на меня, потрепал по волосам, пропустил коляску с Дашей в коридор. Поколебавшись, постоял некоторое время, потом решительно шагнул за порог.

– Папа! – заорала я, вцепившись в авоську.

– Отпусти, Надя.

– Ты вернешься?

– Да. Я на работу схожу и вернусь, – он обманывал меня, как наивного ребенка.

– Папа, не уходи...

Мягко выдернув из моих рук авоську, он вышел и аккуратно закрыл дверь.

На кухне тихо выла мама.

Я прошла в свою комнату и тоже заревела. Спустя минуту заревела Даша. Мама вскочила и влетела ко мне, перекрикивая общий рев:

– Ты-то что плачешь? Тебе какое дело? Ты о себе думай!

Эти слова что-то во мне оборвали.

Покормив Дашу, мать усадила ее в коляску и снова за чем-то пошла гулять.

– Проживем и без него. Не мы первые, не мы последние, – заявила она.

Я долго плакала. Потом решила, что нельзя допустить папиного ухода и для этого надо написать ему письмо.

«Милый папочка! Я тебя очень люблю. Без тебя будет очень плохо, и мне хочется, чтобы ты с мамой помирился...»

А вдруг я и для него, как для нее, ничего не значу?.. Надо привести более весомые доводы... Напишу про сестренку, про то, как она нуждается в папиной любви.

Кое-как запечатав эпистолярное произведение в конверт, я вышла на улицу. Невдалеке стояла мама с коляской и рассказывала подруге, какой у нее муж подлец. Меня она не заметила, и я, пройдя вдоль дома, отправилась к папе на рабо-

ту. Я часто ходила к нему в мастерскую.

Дойдя до проходных стройтреста, остановилась. Стекло-
вые двери под папиным лозунгом «За бережливость и эконо-
номию!» были закрыты: выходной!

Я отошла от проходных, свернула на тропинку, ведущую к
строительной площадке. Там села на бетонную плиту, из ко-
торой торчали куски арматуры. Поплакала. Вынула из кар-
мана письмо, несколько раз прочитала и, скомкав, выкинула
в лужу под бетонными сваями.

Вечером того дня папа не пришел домой. И в следующий
вечер тоже. Зато пришел в гости мамин брат – дядя Слава
с женой. Они закрыли дверь в большую комнату и долго со-
вещались, думая, что я ничего не слышу.

– На профсоюзном собрании с ним быстро разберутся! –
горячился дядя.

– Да что ему твое собрание! Он ведь не как ты, партий-
ный... – грустно возражал мамин голос.

– Наказать любого могут. У нас тоже один такой допры-
гался: живо попросили. Был инженером, теперь у станка сто-
ит.

– Да не надо ничего!

– Слава, – пыталась вставить слово его жена, – по-хоро-
шему надо. По-человечески помириться.

И они, поговорив, ушли.

Мама, пожелав мне спокойной ночи, закрылась с Дашень-

кой в комнате.

Мне не спалось. Я пошла на кухню и открыла шкафчик с лекарствами. Когда мама волновалась, она пила две желтенькие таблетки валерианы. А что будет, если выпить больше, гораздо больше?.. Я высыпала на ладонь горсть желтых приплюснутых горошин, проглотила и запила водой.

Утром раздался звонок в дверь. Пришли дядя Слава с женой и привели папу, небритого и потускневшего. Мама засуетилась, выставила на стол дефицитную бутылку с закуской, придумали праздник, и жизнь наладилась...

Когда я была маленькой, мне часто снился один и тот же сон. Страшная темнота, из которой появляется сначала крошечный, а потом все больше и больше, ком из грязно-зеленой слизи. Он становится еще больше, почти с меня ростом, и растет, растет, и катится, чтобы задавить меня... Я пытаюсь убежать, но ноги не слушаются, горло сжимается от страха... Из последних сил кричу: «Мама! Мама! Мамочка!» А в ответ неизвестно откуда ее тихий, очень спокойный голос: «Все в порядке, не волнуйся, все хорошо...» Но ком все больше, и я опять кричу, и в ответ все тот же спокойный, ровный голос. Конца этого сна я не знаю, так как всегда просыпалась от ужаса... Терпеть не могу сны, но они мне снятся каждую ночь: с музыкой, цветными картинками, приятные и кошмары всякие. Пока Дашенька не ходила ножками, мне

часто снилось, что я держу ее за ручку и она бежит. Казалось, что этот момент не наступит никогда. Но он наступил очень быстро. Дашенька стала ходить ножками, говорить, петь песенки и ябедничать, если я не исполняла ее желания. Впрочем, ябедничать ей было не обязательно, достаточно было только заплакать, чтобы мама неслась с развевающимися в гнев волосы и обрушивала на меня потоки ругани.

Один раз ко мне со двора зашла подружка, чтобы посмотреть мой новый песенник. Даша потребовала, чтобы с ней поиграли в куколки. Мы отказались. «Сейчас зареву, – сказала Даша. – Считаю до трех. Один, два, два с половиной...» Мы так смеялись! И конечно же, играли с ней, так как играть больше было некому: все были заняты серьезными взрослыми делами.

Мне было интересно с Дашей, хотя наша разница в возрасте составляла девять лет. Я строила ей дворцы; показывала домашний кукольный театр; учила рисовать и устраивала выставки ее рисунков; купала в ванной, пугая рыбой с виляющим хвостом и удивляясь, как она может всерьез ее бояться... Я очень любила сестренку, но мама, хотя и доверяла мне ее, постоянно боялась, что я с ней сделаю что-нибудь плохое; вероятно, поэтому она столь истерично реагировала на каждый Дашин крик и ругала меня, не желая вникать в суть дела. А однажды мама решила со мной доверительно поговорить и сказала примерно следующее: «Знаешь, Наденька, некоторые дети очень ревнуют к своим братикам

или сестренкам. Я знаю случай, когда старшая сестренка выкинула своего братика с балкона, и он разбился насмерть. Ты ведь никогда ничего подобного не сделаешь, правда?» Я пошевелила в знак отрицания головой, и мама оставила меня, не заметив, что ее дочь в шоке. Но не столько от этой жуткой истории, сколько от осознания, что мама ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ мне не доверяет и, следовательно, не знает меня! Она считает меня врагом, чудовищем, которое способно на такие поступки! Почему?..

Вскоре произошел случай, который, вероятно, еще больше укрепил ее мнение относительно меня: когда я катала Дашеньку с горки на санках, она столкнулась с каким-то мальчиком; они перевернулись, и Дашеньку задело полозьями. Она истошно закричала, а ее меховая шапка стала красной. Я схватила сестру и прибежала с ней домой. Мама, увидев Дашу, прошептала:

– Что ТЫ с ней сделала?

Со мной случилась истерика. Я побежала за такси и чуть не бросилась под машину, чтобы влезть без очереди (да, тогда были очереди на такси!). Потом мы поехали в травмпункт... Пока Даше зашивали рану, мать без перерыва укоряла меня. Но что ее укоры! Она постепенно становилась чужим человеком, понятия не имеющим о том, что чувство вины за этот случай будет преследовать меня еще много лет: ведь это я подтолкнула санки!

Как мать все больше не верила мне, так и я все больше уверялась в ее нелюбви. Все чаще я принимала в ссорах сторону отца, а она брала в союзники Дашеньку. При этом мама бдительно следила за любыми моими промахами, радостно сообщая папе: «А твоя дочь...»

Борьба была неравной. Папа перестал утруждаться вхождением в детали и стал на вещи смотреть «философически», приняв на веру все теории матери, что бы она ему ни говорила. А говорить про меня она стала многое: я и лентяйка, и упрямая, и притворщица, и дура, в конце концов.

Постепенно меня перестал радовать домашний очаг, и я все чаще после школы стала задерживаться у подруг или гулять на улице.

Папа, случайно проявив бдительность и мудрость, отвел меня на вступительный экзамен в художественную школу, куда я с успехом была зачислена. «Ремесло художника очень востребовано временем», – аргументировал отец свой поступок. И выписал мне журнал «Юный художник».

Перемены

С восьмилетнего возраста каждое лето родители отправляли меня в детский лагерь «Ильич» отдыхать. В сущности, это было полезно всем. Я забывала домашние неприятности, а родители вспоминали положительные черты старшей дочери. Лагерь располагался в сосновом бору, на берегу реки Юхоти. Кирпичные корпуса и огромная столовая утопали в зелени; ягоды и грибы дети собирали прямо на территории «Ильича», нанизывали на ниточки и тут же, на верандах, сушили. Кормили на убой, но есть хотелось постоянно. Свободы достаточно: можно было группами, испросив разрешения у вожатой, уйти за ограду и болтаться по лесу или дойти до соседнего сельмага купить сухофруктов. Игры, песни, костры, танцы... Песчаный пляж с полосками голубого ила, чистой вода... Много позже я случайно оказалась в тех местах и испытала почти физическую боль, увидев, что лагерь обнесли колючей проволокой, спускавшейся прямо в Юхоть. Но это потом.

Итак, я любила лето и не скучала. Разве что по Дашеньке. Я писала сестре письма с картинками и не ела на полдник шоколадки, откладывая ей в подарок.

Летом 1986 года мне традиционно взяли путевку в пионерский лагерь «Ильич». Увы, отдых сулил быть не самым приятным.

После майских праздников страна боялась и недоумевала. Поползли слухи о страшной масштабной катастрофе, разразившейся в Чернобыле. Из уст в уста передавалась информация о тысячах погибших, толпах беженцев и огромных отравленных территориях земли. Однако газеты на последних страницах сообщили о гибели двух человек при взрыве и единицах случаев со смертельным исходом потом, а о серьезнейшем отравлении окружающей среды не шло и речи. Журналисты описывали события прямо с места происшествия, чуть ли не из самого реактора, а маститые профессора заявляли, что прогулки рядом с АЭС не оказывают на здоровье никакого вреда. Враги-американцы заявляли совсем противоположное, и их заявления рассматривались как происки капиталистов.

Люди старались верить сообщениям ТАСС, но на всякий случай перестали покупать привозные фрукты и выходить на улицу без зонта. Летом 1986 года редко кто купался, ходил в лес за грибами и ягодами, и даже зонтики после дождя мыли с мылом. Говорили, что не надо загорать, а желательно пить водку и йод. Ходили легенды об оставленных на постели волосах и невероятно разросшихся родимых пятнах, об огромных размеров овощах и двухголовых телятах...

Удивительно! Ждали врагов из-за рубежа, будь то немец-фашист или капиталист-американец, с первого класса тренировались бегать в бомбоубежище в противогазах, в «Зарницу» играли, репетируя нападение, а врагом, напавшим на

наше государство, оказалось что-то свое и невидимое.

Впрочем, в пионерском лагере в то лето никто ничего и не думал запрещать. Мы отдыхали как всегда: просыпались по горну, ходили в лес, купались, играли в «Зарницу». Еще оказалось, что у меня есть голос, и я в составе хора объездила близлежащие города с выступлениями и экскурсиями. Кроме того, мы перестали считаться малышами и стали ходить на настоящие танцы в клубе, в то время как раньше кружились под баян в отряде.

Надо сказать, что в «Ильиче» отдыхали также некоторые мои одноклассники, в частности мальчик Дима Новиков, которому я нравилась. Знала я это потому, что еще во втором классе он прислал мне записку «Я тебя люблю» с тремя орфографическими ошибками. На его признание я взаимностью не ответила, но он, видимо, не терял надежды. И вот, когда мы в клубе танцевали с подружкой Вале́й медленный танец, он подошел ко мне и попытался «разбить пару». Я громко ответила на его просьбу «нет» и во весь голос рассмеялась. Все это видела наша лагерная пионервожатая. Она подошла к нам и со всего маха дала мне пощечину.

– Нельзя отказывать мальчику в танце, если он тебя вежливо просит, – отчеканила она.

Я схватилась за лицо и убежала в корпус.

Случай имел последствия. В новом учебном году неприятности начались с этого мальчика. Он подговорил нескольких ребят помочь ему проучить «зазнавалку» известным

способом – побить. Идею поддержали многие девочки, особенно те, кого я критиковала в стенгазетах.

Но у меня были также и подруги. Поэтому после уроков я выходила из школы с «группой поддержки». Планы Димкины сникли, но поволновалась я сильно.

Следующая неприятность заключалась в том, что нам дали нового учителя по математике. Это была честная, справедливая и снисходительная женщина – Мария Алексеевна. Кроме того, она была заслуженным учителем РСФСР. Свой предмет она знала превосходно и не понимала, как можно его не знать. Поэтому о математике она рассказывала самоабвенно, в быстром темпе, наскоро рисуя примеры на доске и тут же стирая их, так что многие ученики не успевали их переписывать.

Я начала с трудом понимать точные науки. Однако поскольку в остальном у меня были пятерки и я завоевывала призовые места для класса во всевозможных конкурсах, Мария Алексеевна всегда завышала мне оценки.

Еще одна неприятность (тогда она мне казалась наибольшей) произошла по вине бабушки. Однажды рано утром она силой взяла у матери Дашу, чтобы везти на обряд крещения. Мне сказала: хочешь – поезжай с нами, нет – твое дело. Я не могла оставить Дашеньку на поругание одну и поехала с ними. До церкви мы добирались, меняя автобусы, около двух часов. Далее священник нас поливал водой, мазал маслом

и поил «гадостью». Дашенька все это время орала как резаная, а я думала о том, когда же кончится это мучение. После обряда мы вышли за церковную ограду и я, чтоб не видела бабушка, плюнула в сторону церкви и ругнулась матом, что мне было совсем не свойственно. На обратной дороге бабушка осторожно внушала мне, что не обязательно говорить кому-либо о происшедшем. Да я и так никому бы не сказала. Это было для меня позором.

К счастью, никто ничего не узнал, и я с успехом продолжала свою активную «правильную» деятельность: участвовала во всевозможных конкурсах политических плакатов и песни, вела «политминутки» и самозабвенно гладила по утрам пионерский галстук. Учеба в двух школах поначалу давалась легко.

Мой классный преподаватель в худшколе Юрий Арнольдович был такой же оторванный от действительности, как и папа, только хуже. На первое знакомство с нами, учениками, он пришел в черных от грязи, затертых до дыр джинсах, сел на стул, как на коня, и зачесал всей пятерней свою густую, прокуренную бороду, которая, кстати, никак не вязалась с его замаскированной плешинной.

– Какого цвета ствол у дерева? – задал он вопрос.

– Коричневый, – вполголоса прошелестели мы.

– Вот и неверно! Он синий, красный, желтый, зеленый...

К тому же мы видим его прямым только потому, что знаем, что он должен быть прям. На самом же деле все круглое и

выпуклое! – с этими словами Арнольдович выложил на стол, где располагался учебный натюрморт с покусанными восковыми яблоками, стеклянную модель глаза.

Ну что тут было сказать...

К концу шестого класса учеба в художественной школе настолько захватила меня, что стала казаться гораздо интересней и важней, чем учеба в обычной школе. Тем более что в обычной стали происходить перемены не к лучшему: я потихоньку сползала на четверки и расставалась с подругами. Моя верная подруга Катя (вторая после Маринки, с которой связь оборвалась) перешла в спортивную школу. Уроки стали длиннее, и я с трудом успевала пообедать между школами, да плюс ко всему ввели общественно-полезный труд. Суть его заключалась в том, чтобы некая группа учеников что-нибудь прибрала, вымыла, вычистила... Засчитывались поездки на картофельные поля, чистка парков и т. д. В общественно-полезный труд не входила только уборка классного кабинета, которая была само собой разумеющимся мероприятием.

Таким образом, я постепенно вставала перед выбором: бросить художественную школу и направить все силы на учебу в общеобразовательной школе, участвуя в жизни классного коллектива, или примерно посещать художественную школу. Я выбрала последнее, тем более что там у меня появились замечательные единомышленники.

Чудесную подругу Алину я обрела тоже там. Не передать словами, как весело мне с ней было. Я забывала все домашние неурядицы и сложности в школе. Алина имела самое «непримерное» поведение и самые лучшие оценки по живописи. Она писала в цвете хорошенькие женские головки в шляпках, где тщательно прописывала каждую бусинку. Я так не умела и восхищалась ее талантом. Моим родителям Алина очень понравилась, причем настолько, что мать отпустила меня в зимние каникулы с Алиной на неделю в Москву к ее отцу. Он был давно в разводе с Алининой матерью. Разумеется, чтоб не волновать моих родителей, мы описали его положительно. Впрочем, мы почти и не пообщались с ним в Москве: он ушел на неделю к кому-то, отдав нам ключи от своей квартиры. Чего мы только в Москве не повидали! От обилия дефицитных товаров у нас кружилась голова! Мы уставали кошелек с деньгами доставать! Как-то раз, зайдя в заброшенный магазин, я увидела печенье, за которым в своем городе простаивала часами. Но в Москве оно пылилось на полках, и покупать его можно было в неограниченном количестве! Мы с Алиной взяли по две корзины в руки, завалили их печеньем и прошли к кассам. Покупатели смотрели на нас как на ненормальных. А одна женщина подумала-подумала и робко положила к себе в корзину одну пачку печенья.

Когда мы вернулись в свой родной город на поезде, то не могли выйти из вагона: мой папа с трудом вытащил наши рюкзаки и сумки, а также нас, довольных «охотой» и устав-

ших.

– Пап, представляешь, они там сосиски каждый день едят НЕВАРЕННЫМИ! Им надоел хрустящий картофель! И пепси-кола бывает разной: мы схватили какую-то, а она – диетическая! А Дашеньке я купила дорогую меховую шапку. Интересно, мама отругает?

Мама шапке обрадовалась. Но ругала меня два дня за то, что купила мало колбасы...

За колбасой мы поехали чуть позже в составе нашей художественной группы. Целью поездки, разумеется, была экскурсия, но все прихватили с собой рюкзаки и авоськи. Приехав в Москву, мы бродили от музея к музею, и по дороге непременно кто-нибудь из учеников терялся и находился в ближайшем магазине. Юрий Арнольдович, вероятно, был уже в сговоре с нужными людьми, потому что, зайдя раз в маленький магазинчик, вышел оттуда с рюкзаком, доверху набитым колбасой, в то время как давали только не более двух килограмм в руки. На одной из выставок мы порадовались все: «выкинули» большие коробки конфет «Ассорти». Там же мы увидели картину Малевича «Черный квадрат». Стояли, смотрели, но до сих пор не знаю, что там примечательного. Юрий Арнольдович что-то объяснял нам, и я поняла так, что прежде на месте черного квадрата был шедевр, но автор намеренно замазал его черной краской. Кстати, Малевич рисовал квадраты разных цветов и другие геометри-

ческие фигуры. Были картины, где изображались люди, но тела их тоже напоминали раскрашенные чертежи с преобладанием цилиндров.

Вообще, учась в худшколе, я много чего повидала и узнала; иногда я жила, почти дыша, как мне казалось, воздухом прошлых столетий. Возможно, поэтому меня все больше переставало интересовать то, что происходит вокруг в реальности. В шестом классе я не заметила момента, когда стали исчезать ценные, как раньше казалось, вещи. На учебу стало можно приходить не только без пионерского галстука, но и не в школьной форме вообще; девочкам разрешили носить украшения, что раньше считалось неприемлемым. Я, бывшая ярая моралистка, тоже попросила мать проколоть мне уши, за что получила дозу нравоучений и резкий отказ. Школьное платье мое было куплено на вырост, поэтому и тут я не шагнула в ногу со всеми, продолжая ходить в нем на уроки. Кроме того, многие одноклассницы стали уделять внимание мальчикам, которые для меня были инородными существами. Я считала, что по природе своей не способна нравиться противоположному полу: худая как доска, ноги колесом, прилизанные волосы и картавый голос. Мама давно дала оценку моей внешности: уродина! Она покупала мне юбки ниже колена и кофточки с наглухо закрытым воротом своих любимых цветов: вишневых, коричневых и темно-синих. Я целиком и полностью полагалась на ее вкус, думая, что хуже уже не будет, и даже не расстроилась, когда однажды она

отвела меня в парикмахерскую и мужской мастер подстриг меня под мальчика... Да, мой отрыв от коллектива был полным!

Дома дела обстояли не лучше. Родители постоянно ругались, угрожая друг другу разводом. Маму раздражало все, а отец защищался удивительным пофигизмом. Для детей у них оставалось крайне мало времени. И если у Даши для игр и общения была я, то мне дома словом не с кем было перемолвиться. Чтобы не выть, я пела, как папа, песни, но не только народные, как он, а все что попадалось. Но даже соседи не стучали в стенку, когда я со всей мочи кричала:

Ален Делон, Ален Делон – и пьет одеколон.

Ален Делон, Ален Делон пьет двойной фургон...³

Таким образом, я все больше изолировалась от окружающих.

³ Перевернутая песня «Взгляд с экрана» группы «Наутилус Помпилиус».

Новая школа

Во время летних каникул учеба в художественной школе не прекращалась: у нас был «пленэр», и мы с палатками выезжали на природу. Впрочем, после шестого класса я уехала на два месяца в пионерский лагерь: на папиной работе последний раз дали путевку.

На второй неделе отдыха в «Ильиче» мне пришло письмо от родителей, где они сообщали, что я переведена в другую общеобразовательную школу, ближе к дому. Ни особой тревоги, ни особой радости по этому поводу я не испытала.

Новая школа встретила неласково. Самой главной отличницей и лидером в классе из девочек оказалась давняя знакомая по детскому садику – Наташа Мухина. Она меня ненавидела всем сердцем, а я ее презирала. Как-то раз в детсаде, в старшей группе, на нас, детей, обидно и несправедливо закричала воспитательница. Я обозвала ее «дурой», за что получила подзатыльник, была поставлена в угол и расписана в красках перед родителями. Мне было горько, а никто из ребят не выразил сочувствия и тем более не разделил со мной наказание. Спустя два дня, когда я, пережив нравоучения мамы, почти проглотила обиду, ко мне подошла Наташа Мухина.

– Ты молодец! – сказала она. – Воспитательница действительно дура.

Ко мне «смешинка в рот попала». Я, нажившая сильного врага в виде воспитательницы, пережившая два дня издевательств, чувствовала себя героиней, а она, подлиза и трусиха, хочет примазаться к моему подвигу!

– Скажи ей об этом сама, – предложила я весело.

Она молчала.

– Тогда я скажу, что ты сказала.

В ответ на мои слова ее веснушки побледнели так, что их не стало видно.

– Надя, не говори. У меня красивые бусинки есть, я тебе их подарю, только не говори.

Такого поворота событий я не ожидала, но идея мне понравилась:

– Неси.

Мухина принесла на следующий день бусинки, потом – другие, в следующий раз – платьишко для куколки, и так далее...

А меня, невольную шантажистку, занимала эта ситуация, и я не упускала случая периодически напоминать:

– Сейчас скажу...

Разумеется, когда после детсада группа разошлась по школам, Мухина вздохнула с большим облегчением.

И надо же мне было попасть в класс, где она числилась лидером! Расплата началась тут же. Не прошло и недели, как некоторые из класса захотели избить новенькую, то есть ме-

ня.

Но одно обстоятельство изменило их планы: я с отличной учебы резко скатилась на двойки. Класная со смешной фамилией Небодаева тут же «припечатала» меня позором:

– Школа переполнена, и взяли тебя, чтобы повесить показатель успеваемости! В твоём табеле четверки и пятерки, а ты глупа как пень!..

Небодаева вела уроки русского языка и литературы, писала заметки в газеты и не уставала подчеркивать принцип гласности, провозглашенный Горбачевым.

Она была права. В прежней школе учителя завышали мне оценки (а Мария Алексеевна ставила их вообще ни за что), и я давно отстала по всем предметам. Изгой в классе обратили внимание на мою персону, а Мухина получила частичное удовлетворение. Некоторые стали говорить со мной и даже принимать в свои компании. Однако я продолжала жить не по их понятиям: училась в художественной школе и всегда успевала исправлять двойки на тройки.

Кроме того, я редко участвовала в общественно-полезном труде, который был всеобщей повинностью. А редко потому, что Небодаева приноровилась эффективно использовать мои художественные способности. Ее дочь ходила в детский садик, и, желая обрести ласковое внимание воспитателей, учительница подвизалась оформлять актовъ зал моими руками. Мне это было не в тягость, а одноклассники завидовали.

Еще я отлынивала от уборки классного кабинета, святого дела. У меня была уважительная причина – художественная школа. Правда, всем на эту причину было «до лампочки», и Небодаева упрямо включала меня в «дежурные бригады».

И вот как-то раз именно такой бригаде, состоящей из четырех человек (Светы, Вари, Юли и меня), предстояло сделать в классе генеральную уборку.

– Мне некогда, – сразу заявила я. – У меня занятие через час.

– Мы должны вымыть пол, – заявила умная активистка Юля.

Меня осенила идея:

– Можно поделить класс на четыре части, и каждый вымоет свою. И отвечать будет за свою часть.

Юля согласилась и поделила класс на четыре части. Я взяла веник, подмела свою территорию и направилась к двери.

– Куда? – Путь мне преградили все трое.

– В школу надо.

– Нам за тебя двойку поставят, иди мой.

– А вы свои части мойте на пятерку, а по поводу моей не переживайте: я учительнице все объясню, пусть мне двойку ставит.

Юля взяла швабру наперевес:

– Мой сейчас же!

Она не знала, что мать ежедневно заставляла меня убирать квартиру таким же тоном, и мне всегда хотелось отве-

тить: «Я не могу, не хочу сейчас». Одноклассница – не мать, и ей я могу ответить.

– А я сейчас не хочу!

Все опешили.

Ну, решила я, теперь они меня все равно из класса не выпустят, в худшколу я так и так опоздаю, так хоть дам волю своим чувствам. Медленно, с гордо поднятой головой я подошла к окну, элегантно привстала на цыпочки, уселась на подоконник и поправила складочки на подоле платья.

– Теперь я не спешу. Но буду мыть, когда захочу. И вы мойте, когда захотите. И чего хотите.

Девчонки помолчали. Потом, посоветовавшись между собой, по очереди принесли тряпки, ведра с водой, веники и прочие причиндалы. Полкласса были Юли и Светы, и мыть им было удобно. Другие полкласса – часть моя и Варина. Оказалось, Варе одной неудобно мыть. Она стала просить подруг о помощи. Они ей в помощи отказали, но указали на недостатки:

– Под той партой – одни разводы, перемывай, – сказала Юля, а Света ей поддакнула.

И тут в голове у Вари тоже что-то шелкнуло:

– А не пошли бы вы... – неожиданно произнесла она и уселась на подоконник рядом со мной.

Варя стала моей лучшей подругой.

С первого взгляда она была очень некрасива, со второго

– недурна, а с третьего в ней обнаруживалось сумасшедшее обаяние, затмевающее все ее физические недостатки. Варя подкупала своей жизнерадостностью, своей легкостью по отношению к жизни. Ум ее не поддавался анализу, и часто я думала, а было ли что там анализировать, но ее энергия и любовь к жизни, а также природная интуиция восполняли все пробелы.

Отец ее был законченным алкоголиком еще задолго до перестройки, но каким-то образом работал на мебельном комбинате сверловщиком. А еще раньше он был бригадиром и получил медаль «За трудовое отличие», висел на доске почета и вызывал всеобщее уважение. Любил читать классику и обожал Маяковского. Что в голове у него переключилось – неизвестно, только допился он до того, что во время антиалкогольной компании с комбината его выгнали, а так как тунеядство постепенно переставало считаться преступлением, он припеваючи зажил на шее у законной жены, упрекая ее в тупости и необразованности. Варина мать, вкалывая на заводе за двоих на станке, больная и уставшая от жизни женщина, как могла тащила детей (Варю и ее сестру Любу), ни в чем не перечая мужу. Естественно, она не сильно вдавалась в их учебные проблемы. Моей учебной тоже давно никто не интересовался.

Варя училась плохо, а связавшись со мной, стала учиться еще хуже. Мы с ней наперегонки бравировали своими неудачами и пренебрежением к учебе. Проголулы уроков ста-

новились для нас привычным делом.

Однако прогуливали мы с пользой: бежали к началу открытия главного универмага «Юбилейный» и занимали сразу несколько очередей, ожидая выброса дефицита. Деньги у нас были, как, наверное, у многих в то время. Мы покупали все что попадалось: от трусов до зимних пальто. Но купить что-то было большой удачей.

Нам с Варей нравилось шастать по пустым магазинам в надежде что-то купить; я показала ей лаз на военную территорию, и мы еженедельно наведывались в тамошние магазины, полные дефицитных продуктов. Мама, как заведено, специально оставляла на эти случаи деньги.

Раз мы с Варей зашли в видеосалон, открывшийся при Дворце культуры, и с открытыми ртами посмотрели фильм про красивую жизнь ТАМ. Это был фильм «до шестнадцати», и мы увидели ТАКОЕ! Сюжет фильма недопоняли и долго недоумевали по поводу того, как на главную роль могли взять такую «нефигуристую» героиню. Мы, считавшие себя некрасивыми (внешне мы чем-то походили друг на друга), и то смотрелись бы гораздо лучше. Гипотетически, конечно.

Вскоре о моих прогулах и двойках стало известно родителям. Они приняли меры: запретили смотреть сериал «Рабыня Изаура». Это была первая мыльная опера ОТТУДА, появившаяся на экранах наших телевизоров. Я очень страдала поначалу, а потом нашла выход – смотрела сериал у Вари. Родители, узнав об этом, объявили мне бойкот и хоте-

ли еще как-то наказать, но очередная ссора между ними помешала осуществить задуманное. Причиной их разногласий явился на этот раз холодильник. Мы давно стояли в очереди на его покупку, и наконец-то дефицит завезли в магазин бытовой техники. Новость облетела жаждущих, но, к сожалению, дома в тот момент оказался только папа. Он не раздумывая взял отложенные деньги, побежал в магазин, отстоял там очередь и купил холодильник. Мама, придя с работы домой, пришла в негодование: она хотела холодильник, но не такой! По ее мнению, следовало пропустить очередь, перезаписаться и ждать нужный вариант. Увы, ситуация была непоправима. Родители поорали друг на друга, и папа вечером ушел на работу (начальство, видать, входило в его положение и впускало через проходные в любое время дня и ночи). Опять запахло разводом. Папа не пришел ночевать, и на следующий день я пошла к нему в мастерскую, куда уже пропускали меня беспрепятственно. Отец спал на узеньком диванчике, сделанном им собственноручно из остатков разломанных стенов. На полу простирался огромный лозунг: «Трудящиеся Советского Союза! Боритесь за осуществление экономических реформ, внедряйте полный хозрасчет, самофинансирование, аренду и кооперацию!» Я аккуратно обошла папино произведение и склонилась над отцом:

– Папа!

Он не отвечал.

– Папочка!

Он открыл глаза и, глубоко вдохнув, выдохнул. Я чуть не зажала нос от неприятного для меня запаха.

– Папа! Ты пил?

– Надя, я устал. Я люблю тебя и Дашу, но с вашей матерью жить невозможно. Я разведусь и уеду на родину.

– Пап, ты ее знаешь. Покричит и отойдет.

– Она тебя прислала?

– Нет, я сама. У нас отменили два урока. Дай, думаю, зайду. Может, чаю попью.

– Конечно, конечно... – папа трясущимися руками схватил чайник и поставил на старую плитку, принесенную из дома. – Всю ночь писал, чертил... Дорожные знаки еще принесли, разодранные в дым. Представляешь, какую силу надо иметь, чтоб знак сломать? Раньше такого не было, а теперь каждую неделю несут. Народ совсем дикий... Ну, а у тебя что в школе?

– В школе? Ничего особенного. А знаешь, мне тут книжку дали почитать. Про Сталина. Там ТАКОЕ написано! Думаешь, правда?

– Не знаю. Время покажет. Вот, говорят, Высоцкий – алкоголик. А это не так...

– Я маме сказала про Сталина, а она говорит, что правильно сажали, что эти люди – настоящие преступники.

– Может, мама и права. Устами младенца глаголет истина. А твоя мать как ребенок. Потому и оставить ее не могу. Пропадет, глупая! Вот увидишь, я правильно холодильник

купил, потому что скоро холодильников не будет вообще!

Папино предсказание сбылось.

Тяготы

Жизнь стремительно менялась.

Скоро не только холодильники, но и продукты в магазинах стали пропадать совсем. На военной базе прилавки опустели, а вход в нее перестал охраняться: видимо, магазины и были объектом охраны.

Потом продукты и товары обзавелись двойной ценой: прежней, к которой привыкли покупатели, и «кооперативной», которая превышала прежнюю в пять – десять раз. На прилавках кое-что появилось, но не все могли это кое-что купить.

Некоторые кооперативные промтовары были гораздо красивее тех, что делало государство «по плану». Так, мама купила дорожные туфли в обувном кооперативе, и на них ушла практически вся ее зарплата. Она обувала их по великим праздникам, передвигая ногами очень-очень плавно, приходя в расстройство от каждой нечаянной царапины на каблуке. При этом шептала: «Надо же, и нигде не трет!» Папа, видя, что зарплата хватает лишь на пару туфель, загрустил. Его ремесло переставало пользоваться спросом: никому не нужны были ни призывы, ни лозунги. Сошли на нет обязательные демонстрации и всенародные гуляния. Папа попробовал писать художественные картины, но людям было не до прекрасного. Денег домой он приносил все мень-

ше, а мама о них думала все больше. Скандалы в доме стали ежедневными и изматывающими, а папа все чаще приходил «с запашком», вновь вызывая огонь на себя. Родители ругались так сильно, что я была почти счастлива, когда они вместе ругали меня, хоть я при этом легко входила в истерическое состояние, плакала и отвечала руганью. Матери я боялась настолько, что вздрагивала при звуке ее голоса. Я перестала знать наверняка, что она думает. Ее воззрения менялись ежедневно. Так, она с восхищением стала говорить о спекулянтах, особенно после того, как один из них (из нашего подъезда) купил машину. А ведь не так давно она ездила в Москву за зимними сапогами и простояла на морозе в очереди полдня. За несколько человек до нее закончился нужный размер, и мама вышла из очереди. Когда папа встретил ее, рыдающую, на вокзале, то улыбнулся: «Оля, ну взяла бы ты хоть какие сапоги, а на барахолке обменяли бы».

– Что я, проклятый спекулянт что ли? – отвечала мама.

А теперь она думала о них хорошо.

Кроме того, она вдруг стала верить в сверхъестественные силы, что ранее казалось невозможным. Иногда в доме заводились такие разговоры матери с отцом:

– Вот, Николай, денег у нас все меньше, ты пьешь... надо бы сходить к одной бабке. Она с тебя порчу снимет.

Отец отвечал:

– Оля, отстань... Это в тебе черт сидит. Ты в Бога не веришь, а в порчу уверовала. Посмотри на себя: с тобой пове-

ситься можно.

Мама после таких слов переходила на крик, и все узнавали о том, что это с папой можно повеситься, что он художник от слова «худо» и верит в летающие тарелки, которые, как мама надеется, когда-нибудь заберут его к чертовой матери. Я в такие минуты сидела, заткнув уши указательными пальцами, а Даша плакала. Иногда семейные разборки настолько выбивали меня из колеи, что даже привычные средства успокоения: кино, книги – не помогали. Да и книги, и кино в кинотеатрах стали такими, что наполняли кровь адреналином. Проституция, наркотики, мафия... Оказалось, у нас это все есть чуть ли не в соседней квартире. То ли дело раньше: сказки, индийские фильмы... да хоть «Рабыня Изаура», которую толком посмотреть не дали. К счастью, ее позже повторили. Наверное, по просьбе трудящихся. Кстати, телевизионные программы становились гораздо разнообразнее, чем в годы моего лучезарного детства. Так, по вечерам папа обязательно смотрел программу «Прожектор перестройки», где вещали об экономическом расцвете после реформ и показывали счастливые лица тех, чья скотина давала огромные удои. После «Прожектора» выходили в эфир «600 секунд», где ведущий, брызгая от негодования слюной, описывал найденные расчлененные трупы, значащиеся в милицейских сводках, и толсто намекал на мафию, захватившую власть. Около полуночи пускали программу, где транслировали забастовки трудящихся и доставалось всем политикам

(гласность!). Увы, программа пожила недолго: ее инициатору неизвестные всадили пулю между глаз.

Правительство провозгласило переход к рыночной экономике, очертив курс на демократизацию общества. Что стояло за этими словами, мало кто понимал. Демократию расшифровывали как полную свободу – делай «что хошь», а рынок – как «поезд в капитализм со звериным оскалом». А про гласность кричали и депутаты, и пьяный мужик, матюгающийся при детях. Мели, Емеля, твоя неделя! В основной своей массе люди понимали гласность примерно так же, как и Небодаева: «говорю что думаю», – забывая, что иногда полезно сначала подумать, а потом говорить.

Везде ругали правительство и Горбачева, все стали нервными; ежедневно происходило что-то из ряда вон выходящее.

В нашем подъезде скончалась бабулька: оказалось, ее, ветерана Великой Отечественной войны, обделили гуманитарной помощью, пришедшей из Германии. Вопиющая несправедливость поразила ее в самое сердце.

А у соседей через два дома от нашего прорвало канализацию, и целую неделю все нюхали амбре. Жители злополучного дома ходили с плачущими лицами по всем инстанциям, укоряя нас, соседей, за бездействие.

Как-то раз, проходя мимо недавно построенного «Поле-та», я лицезрела драку. В тот день в кинотеатре проходила «встреча общественности с религиозными деятелями горо-

да и области». Заодно показывали фильм «Воскресный день в аду». Не знаю, как связаны драка, встреча и фильм, но фильм, наверное, интересный.

В довершение ко всему в пристройке рядом с тем же «По-летом» открыли «цех по обработке мраморных и гипсовых плит». Пыль оттуда полетела такая, что пройти рядом без противогаза или на худой конец без респиратора было невозможно. Это обстоятельство, вероятно, кого-то так достало, что пристройку вскоре подожгли, и «Полет» не сгорел только чудом.

В головах людей путались понятия, принципы и, самое главное, – уничтожалась главная идея, ради которой существовала нация. Статью Конституции о «главенствующей роли КПСС» отменили, «мир во всем мире», о котором говорили девочки Саманта Смит и Катя Лычева, вроде настал: в США перестали видеть противника. Люди получили возможность сравнить жизнь ТАМ и ЗДЕСЬ, и увидели, что капитализм не так ужасен, а социализм не так хорош. Более того, многие захотели жить, как ТАМ, взяв за основу заманчивую идею – деньги. Но деньги шли в руки избранным...

Большинство людей уже не только не мечтали о светлом будущем, но и переставали верить в завтрашний день. Утонувшая советская подводная лодка с атомным реактором волновала людей куда меньше, чем цена на хлеб, пока незаметно, медленно, но верно поднимавшаяся каждый день.

Жить становилось все хуже. Кого винить?

Крайние нашлись. Это были те, кто жил рядом, но чем-то отличался: внешностью, языком, обычаями... национальностью, в конце концов.

Еще в 1987–1988 годах республики стало лихорадить. Советская дружба рушилась. Армяне устроили резню азербайджанцам: около трехсот азербайджанцев было зверски убито, среди них женщины и дети. Около 250 тысяч азербайджанцев, курдов, русских было изгнано из Армении. И даже когда Божья кара настигла армян, обрушив на них землетрясение, где погибло более 25 тысяч людей, армяне не вразумились. Но азербайджанцы не остались в долгу: в январе 1990-го они устроили двухдневный погром, соревнуясь с недругами в жестокости. Советская армия ввела в Баку войска.

Все чаще раздавались антисоветские лозунги в Тбилиси и выяснялись отношения в республиках Советской Прибалтики, все чаще можно было услышать разговоры о том, что нас, русских, притесняют. У кого родня, у кого просто знакомые, жившие в других республиках, стали вдруг возвращаться на родину. Они называли себя «беженцами» и с ненавистью рассказывали о ранее дружественных народах. В свою очередь, в городе подымалась волна неприязни ко всем «нерусским», а в первую очередь – к «лицам кавказской национальности». Они торговали на рынках дорогими фруктами и клеились ко всем русским девочкам. Наступила фаза тревожного ожидания, нарушаемая редкими вялыми стычками «на почве национальных конфликтов».

Стычки эти – обычно избиения поздних прохожих, у которых вдруг оказывался слишком загорелый цвет кожи или разрез глаз не соответствовал стандартному. Так, сильно избили одного щупленького мужчинку, который, как оказалось, с детства жил в нашем городе и усыновил вместе с женой десять русских детей.

– Смотри, шатаешься вечерами, – сказала как-то мама моему отцу, – а ведь ты мордвин. Нерусский!

Папа засмеялся:

– Я же паспорт всем не показываю. Внешность – русская, фамилия – тоже. Между прочим, мать моя – чистая русская, а отец – наполовину русский, наполовину мордвин. Так что я мордвин на одну четверть.

– Значит, я – на одну восьмую? – вмешалась я. – И в паспорте мне могут написать, что я мордвинка?

– Если ты этого захочешь.

– Тогда я захочу.

– Еще чего! – набросились на меня оба родителя. – Не вздумай! И другим поменьше болтай.

Я радовалась, что вызвала их раздражение на себя, и, естественно, ничего не болтала, искренне волнуясь за папу, когда он пропадал дольше обычного. Повод для волнения был: один раз папу ударили по лицу и вырвали сумку из рук, едва он вышел из проходных стройтреста. В тот день выдавали зарплату.

Впрочем, избить могли и просто так, «пар выпустить».

Потому что почти прекратились по городу обычные милицейские патрули: бензин милиции выдавали по норме, и сверх нее взять было неоткуда. Телефонные автоматы на улицах в лучшем случае просто не срабатывали, в худшем – тоскливо краснели с вывороченными трубками.

В автобусах ездить можно было, только заткнув уши: все ругались. Жители правого берега Волги злились на жителей левого берега за то, что на их комбинате зарплаты были выше, а в магазины продукты завозили чаще; бюджетники завидовали тем, кто работал в коммерческих структурах; покупатели презирали торгашей... Все тихо ненавидели москвичей, которые ввели у себя особые карточки на товары. Правда, мой отец оказался удивительно шустрым: он изготовил две такие карточки, и они с мамой съездили в Москву, привезя продукты, как в былые времена. Папа подделывал потом также и наши провинциальные карточки, выписывая черной тушью слова «рис», «греча», «сахар» на полях тисненой бумаги в книжке покупателя. Мама, впервые восхваляя его талант, вырезала эти квадратики, чтоб никто не догадался, из какого они места, и отоваривала при возможности в магазине.

Последние годы школьной учебы

В 1990 году я получила два диплома: один о неполном среднем образовании (при этом мы странным образом, пропустив восьмой класс, закончили девятый), а второй – об окончании художественной школы. На выпускном в последней я плакала, расставаясь с одноклассниками. Алина уехала учиться дальше в другой город.

В общеобразовательной школе обучение было продолжено. Варя тоже каким-то чудом сдала экзамены и была зачислена, как и я, в десятый класс.

Родители совершенно перестали меня контролировать. Вопрос «где взять деньги и что поесть» стал для них наипервейшим. Свободное время они посвящали кто чему: папа – посиделкам с друзьями, мама – просмотру мыльных опер. Также мама увлекалась всевозможными сеансами экстрасенсов по телевизору: один из них гипнотизировал и излечивал от рака и энуреза, а другой – заряжал энергетикой мази, кремы и трехлитровые банки с водой (к слову, оба проходимца потом подались в депутаты).

В город понаехали всякие религиозные секты, организовывая зрелищные собрания. Мама, беря Дашу, посещала и их. Один раз я ходила с ними, но с корыстной целью: какие-то свидетели Иеговы раздавали бесплатно библии. Сколько человек, столько и библий. Мне досталась. Во-

обще-то, я примерно знала, что это за книга. У бабушки такая была. Оттуда она выписала мне, как только я научилась читать, молитву «Отче наш» и сказала, что это помогает во всех случаях жизни. Кроме этой молитвы у бабушки в тетради была еще куча молитв, каждая для своего случая: от зубной или головной боли, от пьянства, от сглаза и порчи. Что-то там про алтын-камень и буйный ветер. Потом надо было плевать, говорить «Чур меня!» и что-то куда-то закопать. Я решила, что мне хватит одной молитвы – «Отче наш». Иногда помогала.

Я всегда любила читать. Читала все что под руку попадалось, читала за столом, в ванной, ночью под одеялом. Меня ругали за это, а я не могла оторваться, если попадалась интересная книга. Библию, взятую у иеговистов, прочитала неосознанно, как набор историй древнего мира. В Евангелии нашла что-то необъяснимое, что заставляло возвращаться к этой книге. Но в юности обычно есть другие заманчивые вещи...

После школы я и Варя часто гуляли по Набережной.

Надо еще сказать, что такое Набережная в нашем городе. Это длинная улица вдоль реки Волги, вальяжно пролегающей через весь город, где тусуются разного рода граждане. В будни по утрам это старички и старушки, наслаждающиеся прелестным пейзажем; днем это молодые мамы с колясками и детьми, передвигающимися самостоятельно; по вече-

рам же, часов где-то после семи, а особенно по выходным по Набережной прохаживаются люди, желающие познакомиться, иногда – не только с противоположным полом. (В одном из выпусков областной газеты «Золотое кольцо» сообщили, что это очень даже нормально, что «гомосексуализм глубоко заложен в личности человека»! А мы жили и не знали, что есть такое слово на букву «г», и за это «г» в СССР реально сажали в тюрьму!) Впрочем, к нам все это не относилось, как не относилась и другая категория граждан, внезапно появившаяся на самой людной улице в одно сентябрьское воскресенье 90-го. Это были дядечки и тетечки, преимущественно пенсионеры и студенты, с «активной гражданской позицией». Сначала прошла группа манифестантов с требованием отправить правительство в отставку и завершить экономическую программу «500 дней»; следом за ними выбежали семь человек, размахивая флагом СССР, который тут же, на берегу, сожгли. Вечером того же дня по Набережной ходила, крича «Россия – русским!» компания пьяных, бритых наголо людей. Все завершилось приездом милиции, которая появилась через час после того, как все разошлись.

Нас с Варей общественные настроения волновали мало, и гуляли мы после семи исключительно с целью «наклеить» каких-нибудь парней. Мы с ними общались (самым невинным образом) вечером-другой, они нас катали на качелях в сквере, реже – водили в кино или видеосалон, и на этом обыкновенно все заканчивалось. Думаю, причина была во

мне. Я была настолько закомплексована, что не могла ни слова вымолвить человеку мужского пола, если только он не приходился мне отцом или не являлся одноклассником. Можете себе представить картину: парень спрашивает девушку: «Какое ты будешь мороженое – шоколадное или ореховое?» – а девушка молчит, потупив глазки. Он спрашивает еще раз – результат тот же. Что после этого парень должен думать? Варя говорила, что у нее потом неоднократно интересовались, нет ли у меня в голове дефектов.

Наверное, для Вари я была мучением: кроме того, что я не умела общаться с противоположным полом, я не ходила никуда в гости, если нас звали, не умела пить алкогольные напитки, курить и ругаться матом, а одевалась вообще как не понять кто. Но тем не менее она меня терпела: во-первых, потому, что у нее не было больше подруг, во-вторых – я побольше, чем она, соображала на уроках, а в-третьих – с ней мы очень много и обо всем говорили, доходя до исповеди. Это последнее обстоятельство и явилось самым главным и надежным звеном в цепочке наших долгих взаимоотношений.

Мне, как и Вале, всегда было не с кем поговорить и посоветоваться. С ней же даже самые жуткие проблемы казались мелочью: у Вари все выходило легко и забавно.

– Представляешь, Надь, привожу вчера домой ухажера. Ну, того, помнишь? Парашютиста. Сидим в моей комнате, чай пьем. Сеструха, Любка, ужинать на кухню ушла, папаша

дрых пьяный. Все тихо-смирно. Вдруг – дверь открывается и влетает в нашу комнату сестра. Кричит: «Спрячьте!» – и в шифоньер запрыгивает. Далее в дверях показывается Виталич, отец хренов, вся харя капустой обвешана, а в руках – нож, которым мясо режут. И кричит: «Убью!» Я гляжу на кавалера и думаю: сейчас опишется. Он же не знает, что у нас такие представления через день да каждый день. Ну, я так спокойно говорю Виталичу, мол, что случилось... Знаешь что? Я потом чуть со смеха не умерла! Он, оказывается, проспался и к Любахе на кухню пришел нравоучения читать. А она ему в лицо тарелку со щами плеснула. Ну, а дальше картина ясная. Одно только плохо – нет у меня теперь кавалера. Я ему на завтра свидание назначила, а он сказал, что всю неделю, а может, и больше занят будет. Трус.

Я представляла Варину трагикомедию и, смеясь, думала: я б тоже к ней на свидание не пошла.

– А вот что бы было, если б поженить моего папашу на твоей мамаше, а мою маму за твоего отца замуж выдать? – Варя дальше развивала хохму. – Представляешь: моя мать с твоим отцом живут душа в душу, не ругаются; а мой отец с твоей матерью...

Мы обе залились в хохоте.

– Да они бы убили друг друга в первый же день! Например, сковородками! – загибаясь от смеха, предположила я.

Тирания матери по отношению ко мне заходила так дале-

ко, что приходилось избегать ее поучений не только днем, но и ночью. А куда я могла пойти ночью? Только к Варе. Мать ее, тетя Валя, была тихая, на все согласная женщина и во мне души не чаяла. Виталич же, Варин отец, испытывал ко мне особую симпатию и пьяный неоднократно признавался в любви.

Моя мама, вероятно, ревновала к столь завидному жениху и, когда я возвращалась домой, обзывала меня как только могла; на все буквы алфавита, начиная с «б». Папа скромно молчал и лишь иногда, набравшись неизвестно откуда взявшейся храбрости, пытался урезонить ее. Моя любимая младшая сестра – жертвенный ягненок, ходивший в старшую группу детского садика, – всегда при этом плакала.

Я разрывалась между ней и родителями, но ничего не могла изменить. Притом мама считала меня настолько испорченной, что перестала оставлять Дашу наедине со мной.

Однажды, после очередной домашней нервотрепки, я ушла с Варей на Набережную. Там мы сели на скамеечку, и я, вспомнив пережитую обиду, заплакала.

Я чувствовала себя самой несчастной на свете. Нет, не какой-то непонятой, непризнанной, а именно несчастной. Я не чувствовала любви родителей: папа всегда пребывал в неземном пространстве, свято веря в теорию, что одно только звание родителя является неизменным доказательством любви к ребенку, – и не важно, доказывается ли это чем-

нибудь другим. Мать – женщина, которой самой природой предназначено быть нежной, ласковой, любящей, – целовала меня в лоб только в дни рождения, словно боясь одарить лишним поцелуем, и ругала за каждую провинность, совершенно не выбирая выражений. Да и между ними любовь, ради которой они создавали семью, была утеряна.

Но я бы никогда не почувствовала себя несчастной, если бы не была счастлива. А я была. До рождения сестры мы всей семьей каждый отпуск вместе отдыхали на юге, мама была щедра на объятия и ласки, папа баловал своим вниманием и вникал в любую мою мелкую проблему. Может, это потому, что у всех был образ прекрасного будущего? Вот-вот, близко-близко... Вот уже стали специалистами, получили вожделенную хрущевку, обставили, деньги есть, все стабильно, страна – лучшая в мире, все лучшее – детям... Эпоха застоя – так назовут эти годы.

Что сломалось? Сестра, наверное, даже не знает, какой прекрасной и женственной была наша мама...

– Ну и наплевать. Они еще пожалеют... Они мне тоже не нужны, – еще горче заплакала я.

– Закури, – предложила Варя, баловавшаяся этим уже около двух лет.

Она протянула мне прикуренную сигарету.

Я взяла, крепко затянулась и закашлялась.

– Ничего, привыкнешь, – констатировала Варюха, стукнув мне между лопаток. – Зато помогает расслабиться. Бывает,

Виталич нажрется, так достанет, что думаешь: сдох бы, что ли... Я бы только «слава Богу» сказала.

– Знаешь, Варя, я ведь крещеная, меня бабушка крестила... И я верю, что Бог есть. Сначала не верила, и крестили меня почти насильно. А потом, может, через год, начала молиться. Чтоб Дашенька не болела, чтоб родители не ругались... Потом я заболела. По всему телу лимфоузлы увеличились, руки поднять больно было. Месяц лечили и направили на операцию. Тогда я каждый вечер стала «Отче наш» читать. Через неделю все исчезло, а врачи долго удивлялись. Так что Бог существует. Я одного только не пойму: почему Он то помогает, то нет? Почему, к примеру, Он не сделает мою маму доброй, а твоего отца – трезвым? Почему столько гадких людей живет, а умирают маленькие дети? Получается, что все по воле Божьей, а человек – пылинка. И до меня ему сейчас дела нет.

– Да, Бог если и есть, то не про нашу честь... Но я-то с тобой! – Варя ободряюще толкнула меня в плечо. – Не плачь, я твой гороскоп на эту неделю читала: все будет замечательно: романтическая встреча, прибыль и конец неприятностям!

Я кашлянула.

Подошли два мальчика в тренировках с обвисшими коленками:

– Можно к вам присесть?

– Нельзя, – огрызнулась Варька. – Видите, у человека горе.

– Мы можем утешить, – сказали они и уселись рядом.

Через месяц, не в силах обходиться «стреляными» сигаретами, я стала покупать курево по договорной цене сама, выпрашивая деньги у отца тайком от матери.

Водку мы с Варей попробовали тогда же, на Варином дне рождения. Из приглашенных были Варя и я. Мать ее работала сутками, сестра где-то пропадала, а кавалеров мы позвали, но они сказали, что не придут. Потому что мы «маленькие». Так они сказали. Мы не очень-то расстроились и классно посидели вдвоем, закусывая спиртное картошкой с огурцами. Хлеба не было, потому что некому было выйти постоять в очереди в семь утра, тем более что в магазине самообслуживания происходило чуть ли не убийство: пробивали не более одной буханки и двух батонов в руки, а бабульки, уезжающие на дачу, хотели взять с собой большее количество булок. В результате они прорывались к прилавку, хватали сколько могли батонов и закусывали. Да... Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно... Водка нам обоим не понравилась. Сыграв в картишки пару раз, мы задумались, чем бы заняться.

– А пойдем вечером на дискотеку, – предложила Варя.

На дискотеке мы не были ни разу. Ходили гулять, посещали сквер, иногда видеосалоны, но на дискотеку ни разу не ходили. Честно сказать, было боязливо: мы не умели толком танцевать, да и одежда была неподходящая. Да и денег не

было. Но спиртное придало решимости.

– Пойдем, – согласилась я.

Вечером мы приоделись, накрасились, взяли деньги, подаренные Варе матерью, и пошли.

Ближайшая дискотека располагалась в «Полете». Этот не так давно построенный кинотеатр уже утратил блеск новизны. Главный вход удивлял грязью и ветхостью: штукатурка с фасада обвалилась, а ступени в нескольких местах были разбиты. Будка для продажи билетов вообще походила на сортир. Рядом с кинотеатром планировался, вероятно, ресторан: под него начали было закладывать фундамент, но не закончили; потом на этом месте была построена сарайка, в которой делали надгробные памятники; потом сарайку сожгли, и на этом месте осталась куча мусора. Шикарный зал для просмотра широкоформатных фильмов был закрыт, малый зал использовался как видеосалон, куда мы изредка заходили, а дискотека располагалась с бокового входа и по вечерам являлась самым оживленным местом.

Туда-то нас и занесло. Купив билеты, мы зашли в зал. Яркая темнота, невероятный грохот и такие клубы дыма, что хоть топор вешай. Чтобы придать уверенности походке и решимости взгляду, мы с Варькой прикурили одну сигарету на двоих. И тут из темноты выплыла знакомая рожа:

– Надюх! Ты ли это?

Я с трудом узнала Димку Новикова, желавшего расправы со мной в пятом классе. Как ни странно, сейчас я ему обра-

довалась: хоть кто-то знакомый.

– Я.

– Тебя раньше здесь не было видно. – Димкины щеки зарделись.

«Он стесняется!» – подумала я и удивилась. Это придало мне смелости.

– Да мы не часто сюда заходим, – я рассмеялась, игриво отведя локон двумя пальчиками назад.

– А мы часто. Потанцуем?

«Сбылась мечта идиота», – подумалось мне.

Оставив своего друга Варе для компании, он вцепился мертвой хваткой в мою талию.

– Ну, как жизнь, как школа? – мне захотелось отвлечь его от себя разговором.

– Я ушел после восьми лет. В училище. А тебя не узнать. Ты такая стала...

– Неправильная? Знаю. Ну, а другие как?

– Многие доучиваются. Аньку помнишь, отличницу? На двойки скатилась. А Боровикова недавно под машину попала. Бачин и Олегов вслед за тобой в другие школы перешли. Классную поменяли, теперь у них учитель – мужик.

– Как же такую «заслуженную» поменяли?

– Да на пенсию ушла.

– Значит, все живы-здоровы.

– Нет, не все. Есенин умер. Года два назад.

Во рту у меня пересохло. Я облизнула губы:

– Как умер?

– Так, – Димка неопределенно махнул рукой. – У него же диабет был. Ногу порезал, а она нарывать стала. Ему ночью стало плохо, а никто не знал. Если б ему вовремя лекарство вкололи, то спасли бы, а все спали. Утром мать обнаружила его мертвым. Весь класс на похоронах был.

Тут заиграла быстрая мелодия, и Димка стал дергаться в такт. Подошли Варя с его другом.

– Нас хотят угостить пивом, – радостно сообщила Варька и шепнула мне на ухо: «Догонимся».

– Варь, – сказала я после дискотеки, – я пойду к матери вернусь.

– Как знаешь. – У подруги было хорошее настроение. – Надоест – приходи ко мне. Моя мать никогда не против.

Дверь родной квартиры я открыла как ни в чем не бывало.

– Нашлялась, – искоса глянула на меня мать. – Николай!
Твоя доченька пришла!

– Ну, привет, – улыбаясь, поздоровался папа.

– Привет.

Из маленькой комнаты выскочила Дашенька и кинулась мне на шею:

– Ура! Надюша вернулась!

– Что, там, где шлялась, спать не уложили? – съязвила мама. – Откройте форточку, куревом – не продохнуть, – отрезала она и ушла спать.

Вскоре все улеглись. Мне не спалось, и я долго вглядывалась в потолок.

– Почему я не отдала ему машинку... – прошептала я в темноту. – Прости, Сенечка...

Он меня простил. Об этом я узнала на одном из наших с Варькой «спиритических сеансов». Мы занимались у нее дома этой дурью, когда надоедало играть и гадать на картах, что делали мы почти каждый день. Гадали, конечно же, на женихов. Выходило, что все испытывали к нам интерес, а некоторые просто обожали.

– Вот эта карта – парень, которого ты любишь... Эта – которым интересуешься... Эта – от которого ждешь письма... Загадала? – вопрошала Варя.

– Загадала.

– А кого ты любишь?

– Человека, конечно.

– Ну, Надь, скажи. Что тебе, жалко?

– Да никого не люблю. Пусть сосед будет по лестничной площадке.

– Так неинтересно...

– Гадай, Варя!

Объект любви взаимностью, увы, не отвечал. Единственный из всех.

Помню, один раз я засиделась у Вари за картами допозд-

на. Святки, кажется, были. Вышла от Вари где-то в час ночи. Никакой тревоги по этому поводу я не испытывала, так как от нее до меня – два дома и дорога. Иду как обычно. Вдруг впереди послышался пьяный мат и гогот. Из пролета между домами вышла огромная компания парней. Все они были пьяны и настроились на очень игривый лад, увидев меня и больше никого вокруг.

И тут в моей голове всплыли редко вспоминаемые мною слова, которым меня научила еще в детстве бабушка: «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля...»

Лихорадочно оглядываясь, я обнаружила, что сзади меня появилась огромная, черная, лохматая собака. Собака эта точь-в-точь была как королевский пудель дяди Славы, давно померший под колесами автомобиля. «Тьфу ты», – подумала я и прибавила шаг. Я до ужаса боялась собак, и они это чувствовали. Как-то раз на Дашеньку, когда она только начала ходить, накинулся бульдог. Неправда, когда говорят, что собаки на детей не кидаются. Кидаются еще как. Когда я увидела бешеную морду той псины, я схватила Дашу и посадила ее к себе на плечи, стараясь не дать собаке дотянуться до ног сестры. Мы обе истошно закричали, нас услышали родители и хозяйка «собачки» – милая дамочка. Все выскочили, и трагедии не произошло. Даша обо всем вскоре забыла и гладила всех кисок и собачек, каких видела, а у меня с тех пор страх даже перед щеночком.

Представьте теперь мой ужас, когда я увидела за спиной чудовище без всяких опознавательных знаков типа ошейника!

«Сейчас загрызет», – подумала я и попыталась быстро решить задачу с двумя страшными «иксами». Получив в итоге ответ, что «икс» впереди страшнее, я сбавила шаг.

Собака поравнялась со мной, и компания ее увидела. Некоторые парни засвистели в знак удивления, и вся компания стала медленно отползать с моей обочины на проезжую часть. Слишком медленно. «Сейчас собака убежит вперед, и они поймут, что она не моя...» Они замедлили шаг, остановились и сверлили мне спину взглядами. Но собака... Она, почти прижимаясь к моей ноге, шла как приклеенная! «Милая, хорошая собачка... спаси, спаси меня», – заклинала я ее мысленно.

Собака дошла со мной до самого моего подъезда. Мы остановились, и она жалобно поглядела мне в глаза. Я будто застыдилась чего-то.

– Ты, наверное, кушать хочешь. Прости меня, но сейчас глубокая ночь, и мои все спят. Мне надо тихо-тихо открыть дверь, зайти на цыпочках и лечь в постель. Я не могу хлопать холодильником и дверями. Прости меня. У тебя, наверное, есть хозяин, раз ты такая умная. Что же он тебя без ошейника выпустил? Или ты заблудилась?

Собака сидела и внимательно слушала меня.

– Иди домой, собачка. Иди, пожалуйста. И спасибо тебе,

что спасла меня. Спасибо.

Я хотела даже погладить ее, но не рискнула, а только чмокнула губами и помахала рукой.

– Спокойной ночи, собачка.

Она поднялась, не отрывая от меня взгляда, вильнула хвостом и медленно, словно сомневаясь в чем-то, пошла прочь. Я подождала, когда она скрылась из виду, и вошла в подъезд. Совесть мучила меня.

На итоговом экзамене после 10-го класса Варя сообщила мне потрясающую новость: с одним из последних наших кавалеров у нее вышла интимная близость. Подробности, как я ее ни просила, уточнять не стала, сказала только, что сегодня у нее свидание и на него она пойдет одна. Я немножко обиделась.

Экзамен Варя не сдала, к пересдаче ее не допустили, и через несколько дней она была исключена из школы. Ее дальнейшая судьба никого не интересовала.

Скоро начались каникулы. Медленно я обретала не ахти какой, но все же какой-то дар речи при общении с противоположным полом. Научилась флиртовать: потягивать пиво, элегантно держа в руке сигарету, и задумчиво вглядываться в даль, загадочно улыбаясь. Мне стало казаться, что я произвожу впечатление. Мальчики стали говорить комплименты. Однако свободно я разговаривала, как это ни странно, только с теми, кто мне не нравился: с ними я забывала про свои

комплексы. Отношения, основанные на взаимной симпатии, были редкостью.

Одно из них было связано с Юрой. Этот мальчик мне понравился, и я впервые в жизни поцеловалась с ним. Он пригласил меня к себе на день рождения. Естественно, я согласилась. В гостях у него я так волновалась, что выпила три стопки водки. При этом, сидя за столом, я была абсолютно трезвая, но стоило мне встать, как все завертелось.

– Пойдем в мою комнату, – предложил Юра.

– Пойдем, – ответила я и пошла.

Когда мы уединились, я уселась в кресло, а Юра включил «Скорпов» и задернул шторы. Потом, двигаясь в такт романтической музыки, он приблизился ко мне, чтобы поцеловать.

И тут меня вырвало!

Дальше я все помню смутно. Меня умывали в ванной, поили водой и таблетками... но я была так отравлена, что не могла взять в дрожащие руки стеклянную банку с водой: уронила и разбила ее.

Юра как мог утешал меня и проводил как ни в чем не бывало домой. По дороге я плакалась ему в жилетку на свою мать. Глупая, неужели ему это было интересно! Наши отношения на этом закончились.

Таким образом, вольно и невольно я берегла честь девицью.

Со временем по части «классно выглядеть» я догнала Ва-

рю, хоть она и одевалась гораздо лучше меня: ее матери на заводе «по бартеру» выдавали зарплату китайскими шмотками, в то время как моей давали тушенку и консервы. Кроме того, Варя, выгнанная из школы, устроилась на работу по специальности «намотчица катушек». В чем эта работа заключалась, я толком не знала, но Варя получала столько же денег, сколько ее мать, проработавшая у станка 20 лет. Подруга сделала «химию», прикупила косметики и колготок и стала курить тонкие сигареты с ментолом.

Я немножко завидовала ей, мучилась своим зависимым положением и каялась, что не бросила школу после восьми лет обучения.

Впрочем, в августе 91-го мне показалось, что жизнь изменится и, возможно, произойдут удивительные события. 19 августа по телевизору объявили о том, что Горбачев неважно себя чувствует и что вся полнота власти переходит в руки созданного комитета – ГКЧП. По слухам, в Москве поднялось восстание: по улицам ездили танки, а мирные жители пытались остановить их своими телами. Утром 21-го сообщили, что в Москве кто-то погиб в массовых беспорядках. Потом показали Ельцина на танке. А потом все затихло и объявили, что был случайный П-У-Т-Ч и что теперь «в Багдаде все спокойно». Помню, я даже расстроилась, так как мне очень не хотелось идти в школу в одиннадцатый класс.

Вернувшийся с Фороса Горбачев вскоре снял с себя полномочия и попросил перед всеми прощения. Его место занял

Борис Николаевич Ельцин. Занял не как обычно, а в ходе выборов. Я в них не участвовала по малолетству, но, думаю, выбрали Ельцина потому, что был красив и воинственен.

И я пошла в одиннадцатый класс.

Последний учебный год начался с классного часа. На нем тех, кто еще был не в курсе, просветили в сексуальном плане: рассказали страшилку, случившуюся в одной из школ Севера. Какая-то ученица в тех краях заразила сифилисом целый поселок. Наша директор школы негодовала и призывала нас соответствовать высшему нравственно-этическому уровню, а также иметь в виду, что СПИД не спит! Показали на макете, как надо пользоваться презервативом.

На школьном информационном стенде, где раньше красовался огромный плакат о вреде религии, который запоздало сняли и после которого «святое место» долго пустовало, повесили новый плакат «СПИД – чума XX века!». Все поняли, что нельзя быть наркоманом, гомосексуалистом и проституткой.

А я поняла, что меня это не касается. Я – обычная школьница, ищущая приключений по вечерам, плохо выполняющая домашние задания и прогуливающая уроки. Не со зла, а потому что вставать после гулянья тяжело. Это я когда-то в первых классах с радостью вставала под гимн «Союз нерушимый республик свободных...», а нынче меня трижды стаскивал с постели папа (мама уходила на работу раньше) и, не добившись результата, уходил на кухню, врубив ра-

дио на полную мощность. И радио вещало: «...Говорить об обострении ситуации в Грузии больше не приходится, ведь ситуация может обостряться лишь до определенного предела, за которым следуют чрезвычайные меры. А где такие меры – там раненые, где раненые – там убитые, а где убитые – там война». Тут снова приходил папа и выливал на меня ковшик воды.

Приходилось вставать.

Не помню, как я училась в 11-м классе, и до сих пор недоумеваю, почему меня не выгнали за прогулы. Меня настолько ничего не интересовало, что я как-то упустила из виду, что СССР перестал существовать, а появилось новое государство – СНГ. Так как возникло оно накануне нового, 1992 года, то и расшифровывали его соответственно: «С Новым годом!»

Страну трясло. После того как в областном центре доведенная до крайности учительница, не в силах прокормить троих детей, бросилась под машину, учителя забастовали. Когда их забастовка закончилась ничем, инициативу продолжили медики. На заводах бастовать смысла не было: людей распускали в вынужденные отпуска. Еду покупали по карточкам, которые ввели на многие товары, и для того, чтобы «отовариться», приходилось выстаивать огромные очереди. При этом у покупателя был выбор: он мог взять «водку за сахар», «сигареты за водку» и так далее. Кто не нуждался в

водке и сигаретах, мог обменяться с кем-нибудь на крупы, макароны, что-либо еще... Можно было в мае отоварить сахарные талоны за январь, однако обратный порядок, за май в январе, был невозможен. Люди шутили, что даже удавиться без проблем нельзя: мыло тоже по талонам! Цены на все выросли, а зарплата не прибавлялась. В магазине свободно лежала только свежемороженая мойва по 7 руб. 42 коп. Хлеб появился в изобилии, но очереди за ним уже не было: вместо 25 копеек батон стоил почти два рубля. Брали по половине батона, хватаясь за сердце. Удивились бы, если б узнали, что через полгода батон будет 22 рубля стоить, а потом и вовсе – тысячи! А на рынке было все: мясо, молоко, творог, сметана – за сумасшедшие деньги. Покупателей приучали брать граммы, покупать не десятки яиц, а два яйца... На вокзале, у теплотрасс, у магазинов умножались нищие, просящие милостыню. Детские сады периодически закрывались на карантин из-за чесотки и педикулеза.

Все граждане получили какие-то приватизационные чеки, которые надо было куда-то вложить. В телевизоре говорили, что с их помощью становятся богатыми. Вероятно, кто-то так и поступил, потому что богатые граждане действительно появились. Они без смущения покупали что угодно по любой цене и проводили свои отпуска в любой стороне света («занавес»-то рухнул!). Чтобы основная масса населения не сильно волновалась по поводу разбогатевших, запустили по первому каналу фильм «Богатые тоже плачут». И чтоб

совсем успокоить голодного обывателя, подкинули нескончаемую «Санта-Барбару». Власти позаботились и о чтении народа в свободное время (ведь русские считались самыми читающими в мире): в киосках пестрели журналы «Секс-дром», «Эротикон», «Купидон», «Юнона» и т. п. К некоторым прилагались презервативы. Ну а для тех, кто и после таких мер, предпринятых государством, все-таки волновался, рекомендовались «целебные» настройки все по тому же телевизору, за которым следовало повторять: «... Я весь насквозь успокоился. Я весь насквозь абсолютно спокойный, совершенно спокойный, безмятежно спокойный... Я несокрушимо спокоен...»

Аттестат я получила на руки отдельно от всего класса, который в неполном составе гулял в дешевом кафе. У меня не нашлось на это ни денег, ни желания.

После окончания среднего образования, прикинув в уме свои дальнейшие шаги, я здраво пришла к выводу, что на кинорежиссера, которым мечтала стать в детстве, в данный момент не потяну. Надо замахнуться на что-нибудь поменьше. Ну, к примеру, стать писателем. Взвесив все за и против, я предстала пред ясные очи родителей и заявила им, что хочу поехать в соседнюю область поступать на журналистский факультет. Попросила денег. Папа после моего заявления долго смеялся, а мама вошла в ступор. Вполне трудоспособные взрослые не знали, как удержаться хоть на какой-нибудь работе; люди с высшим образованием подметали улицы; тихо

открылась биржа труда и тут же не смогла вместить всех желающих. В нашем захолустном городишке было всего лишь одно высшее учебное заведение и один большой завод, и все умные граждане сначала оканчивали это высшее учебное заведение, а потом шли работать на этот завод, где оставались до самой смерти. На заводе платили самые большие деньги в городе, который задыхался от нищеты и безработицы. Производства в городе закрывались один за другим. Не повезло даже маминому брату: он, всю жизнь проработавший парт-оргом и ничего не умеющий делать кроме этого, был переведен на должность какого-то работяги. Душа дяди Славы не выдержала такого позора, он запил и попал под сокращение.

А тут я со своими глупостями.

Стоит ли говорить, что было дальше? Мне посоветовали самой заработать деньги на свои желания.

Я сочла это вполне разумным доводом и устроилась учеником фотографа в шарашку, которая громко именовалась конструкторским бюро, где «разрабатывали» что-то, о чем я понятия не имела, но из-за чего лишалась права поехать в ближайшие пять лет за границу и дала подписку «о неразглашении военной тайны».

Месячной зарплаты, которую там платили, хватало на десять пачек сигарет по «договорной цене»; родителям отдавать было нечего. «Военную тайну» продать я не могла, так как не знала, какую и кому. Мама посоветовала не кушать дома, раз я не плачу за еду.

Зависимость от нее и бессилие что-либо изменить давили на меня.

А отдушина где? На улице, в обществе Вари.

Не раз мы с ней еле выпутывались из щекотливых ситуаций, но нас все равно тянуло на подвиги.

Был случай, когда я и Варя лично убедились в том, что «лица кавказской национальности» не такие, как мы.

А дело было так. Летом, часов в восемь вечера, мы с Варей шли по главному проспекту. К нам подошли опрятные и вежливые два человека той самой национальности: молодой и старый. Они плохо говорили на русском языке и не могли найти гостиницу. Слезно просили нас помочь. Мы поняли, что им нужно двухэтажное потертое здание рядом с базаром, но упорно отказывались помочь. Тогда они пообещали, что не тронут нас, и, если мы доведем их до ограждения гостиницы, они дадут нам столько арбузов, сколько мы сможем унести. Предложение было очень заманчивое, если учесть, что арбузы стоили дорого, а денег в семье маловато. Согласились. Пошли. Довели. Они попросили нас зайти во двор гостиницы, где стоял их фургон с бахчевыми культурами. Мы, глупые, зашли. С обратной стороны фургона, которую нам не было видно, сидели еще три «лица». Они громко и с выражением стали кричать о своем гостеприимстве и врожденной благодарности, а также хватать нас за руки и усаживать на сколоченные деревянные ящики за импровизированный стол. Странно, все они прекрасно говорили по-

русски, как и те, которых мы провожали. Естественно, мы отказывались составить им компанию. Тогда двое мужиков схватили Варю, как самую буйную, под руки и повели в самую гостиницу. Тут во мне словно что-то включили.

– Да, ладно, Варь, посидим тут! – гаркнула я и уселась на ящик.

Мужики отпустили ей руки и аккуратно подтолкнули ко мне.

– Да? – сглотнула Варя.

– Ну что нам не посидеть? – Я улыбнулась всем присутствующим. – Только немножко, а то нам дома велели вернуться к десяти. А родители у нас ненормальные. Мне мать скандалы устраивает, а Варю отец избивает. Пьет и бьет. Вот она и рвется домой, боится его до ужаса. Так что давайте похорошему: посидим чуть-чуть, а потом мы пойдем. Если вы нам понравитесь, мы можем с вами встретиться нормально в другой день. Лады?

Мужики настроились на миролюбивый лад. Налили водки, раскромсали несколько арбузов, наломали колбасы и хлеба. Двое «горячих парней» сели по бокам Вари. Ко мне захотели подсесть двое других: молодого и среднего возраста. Я встала, обошла одного из них, и, подойдя к старому (тому, кто встретился на проспекте), спросила:

– Можно к вам?

Он улыбнулся и поставил пустой ящик рядом с собой. Двое недовольно переглянулись, но так как он был главный

среди них, что я заметила с самого начала, никто не пикнул.

Пьянка началась. И все бы ничего, да только пить водку мы тогда не умели. Я мало могла выпить, а Варя не пила ее совсем, предпочитая пиво. С каждым тостом она кричала «Не могу!» и «Не хочу!». Я пинала ее незаметно ногой, приглашая участвовать в спектакле, но увы, – приходилось все делать самой. Самой смеяться, травить анекдоты, пить, закусывать и флиртовать со стариком. Он стал явно симпатизировать мне и, когда один из молодых попытался погадать мне на ладони, пресек это занятие, выхватив у того мою руку. После третьей стопки все прониклись ко мне таким доверием, что я могла незаметно выливать водку в траву, а когда отошла за машину якобы пописать, вызвала рвоту и протрезвела окончательно. Варю, напротив, водку чуть ли не вливали в рот. Она опьянела и стала плакать. Тот, что сидел справа от нее, не выдержал и, вскочив, заорал:

– Да что это за женщина такая? Как она может спорить с мужчиной? Да я тебя ЗА-РЭ-ЖУ!

Я взяла старика за руку и стала молить вступить за нее.

– Остынь, – сказал он. – Им в самом деле домой надо. Надя к нам завтра придет. А сейчас мы их проводим до дома. Ты и я. Берем в каждую руку по арбузу и идем.

Тот послушался.

Мы вышли за пределы гостиничного двора и пошли по направлению к дому.

Всю дорогу я трещала старому о том, что восхищаюсь от-

ношением их народа к женщине и что русским мужчинам даже мужчинами называться не стоит. От радости он выронил один арбуз.

Варя ругалась и плакала, а когда до наших домов осталась всего одна остановка пути, подруга выскочила на дорогу, тормознула случайную машину и уехала. Я поразилась. Из огня да в полымя! Ее кавалер бросил один арбуз в кусты и присоединился к нашей паре. Чего я только им не наплела, чтоб дойти в сохранности до дома! Одного не могла придумать – как скрыть от их взгляда подъезд и квартиру. И тут мне очень повезло, так как я увидела своего отца издалека.

– О! Мой папа! Думаю, вам лучше пойти, а то мне долго объясняться придется. И так я иду не в десять домой, а в двенадцать.

– Да, да, – они передали мне уцелевшие арбузы. – Так завтра в семь, точно?

– Да. Я буду с Юлей и Светой. Только вина прикупите, они плохо водку пьют.

– До завтра!

– Пока!

Они оба поцеловали меня в щечку и пошли прочь быстрым шагом.

Папа все это видел. Он подошел ко мне.

– Пила?

– Да.

Не замечая, что в руках у меня тяжелые арбузы, он, сказав

«пошли», направился к нашему подъезду.

Я пошла за ним.

– Надя... – начал было он.

– Папа. Я сегодня еле осталась живой. Со мной ничего не сделали, но мне сейчас так плохо, что лучше ничего не говори.

Папа внимательно посмотрел мне в глаза и больше ничего не сказал.

Зато как сказала мама!..

На следующий день чуть свет я побежала к Варе узнавать, жива ли она.

Разумеется, она попала в новую переделку, но, к счастью, все обошлось. Теперь она тряслась от страха, что водитель, к которому она подседа, узнает номер ее квартиры.

Передо мной она повинилась, заверив, что никогда больше не бросит. Удивляясь моим актерским данным, она поклялась в готовности на будущее играть комедии по моему сценарию.

Да... репертуар был разнообразный.

Но гастролы скоро подошли к концу.

25 сентября 1992 года в Кыргызстане (бывшая республика СССР) произошло мощное землетрясение. Из соседней республики Татарстан (тоже бывший Советский Союз) не смогли вылететь спасатели: в Казанском авиационном объединении за аренду самолета запросили полмиллиона рублей.

А в областном кинотеатре «Родина» в это время шла премьера эксцентрической комедии «В поисках золотого фаллоса».

Часть вторая

Падение

...Кто из вас без греха, первый брось на нее камень.

Евангелие от Иоанна. Гл. 8, 7

*Не осуждай меня – ты не имеешь права.
Мне Бог судья и совесть – что едино.
От жизни ты не получил удара
и думаешь, что зло проходит мимо.*

*Не будь уверен в этом. Зло приходит,
когда тебя внутри обида гложет,
когда отказывают в помощи родные
и есть сомнение в том, что Бог поможет.*

*Тогда становишься ты слаб душою,
и остается только в том спасенье,
чтоб не судить того, кто был с тобою
и с осуждением наблюдал паденье.*

Борис

С очень вежливым, веселым парнем Борисом мы, оказалось, учились в одной школе: я в младшем, а он в стар-

шем классе. Если б я знала, чем закончится наше знакомство поздней осенью 92-го, я бы убила его еще в детстве: меня бы не посадили.

У Бориса была своя квартира, в которой всегда зависали его друзья. Если не он, то они мне точно показались интересными. В их компании всегда было что съесть и выпить. Надобность в моем ежедневном возвращении домой после работы отпала, но я все еще ходила ночевать к маме и папе по привычке. Скандалы при моих появлениях дома устраивались грандиозные. Примечательно, что если раньше я все-таки пыталась отмолчаться или оправдаться, то теперь моим правилом стало «Лучшая защита – нападение». Я взрывалась сразу после первого сказанного матерью слова, наше с ней общение принимало чудовищные формы. Как-то раз, не помню из-за чего, я разозлилась так, что схватила стоявшую на кухонном столе тарелку с размороженной красной смородиной и швырнула ее об стену. Мать захотела ударить меня, но я перехватила ее руки. Тогда на ее зов появился выпивший отец и попытался оторвать меня от нее. Это ему удалось, но я, пытаясь сопротивляться, нечаянно дернула его за рубашку. Ворот рубашки треснул, и отец со всей силы вlepил мне пощечину. Боль оглушила меня. Я как ненормальная закричала:

– Ненавижу вас, ненавижу!

Да... Я и сама не ожидала, что мое сердце до такой степени отравлено. Многолетние страхи перед матерью и жалость

к отцу перешли в ненависть и презрение к ним.

Боря приручал меня к себе в течение месяца. За это время я научилась пить спиртное и баловаться коноплей, которую приятели Бориса покупали спичечными коробками на базаре. Они не жалели на эту дурь никаких денег. Среди них были два законченных наркомана: один парень, которого ломало по утрам так, что вызывали скорую помощь, и одна девушка – приезжая с Украины. На родине она похоронила своего парня, который загнулся от наркотиков, и, покурив, часто общалась с ним, как с живым.

Наркота меня не заинтересовала, а водка понравилась. Конечно, не настолько, чтоб каждое утро думать, где бы опохмелиться, но, если выпадал случай выпить, я никогда не отказывалась и пила до тех пор, пока спиртное не кончалось. Состояние опьянения вызывало у меня бурные приступы веселья, после которых я валилась спать замертво. Один раз мы пьяной компанией залезали в автобус, и я упала прямо под колесо. Вся остановка пришла в ужас, очевидцы побежали к водителю с мольбами, чтобы он не трогался с места. Я попыталась выбраться, но было очень скользко. Тут меня охватил приступ смеха: ситуация казалась мне настолько нелепой и забавной, и я так заразительно смеялась, что Боре с друзьями удалось меня вытащить только после третьей попытки, так как сами они надрывались, глядя на меня, от смеха...

Я быстро поняла, что с таким образом жизни и с такой компанией надо завязывать. Когда я попыталась это сделать, тогда-то все и началось. Борис предстал передо мной во всей красе. Без его ведома я не могла ступить и шагу; если он не знал, где я находилась в течение 15 минут, меня ждала как минимум пощечина.

Я была вынуждена терпеть его полоумных друзей, исполняя в его квартире роль хозяйки, готовя жратву и моя посуду после пьянок. Друзья его постоянно приводили разных девушек. Девушки были чаще всего сильно пьяные и обкуренные. Один раз устроили настоящую оргию по случаю возвращения одного «другана» из зоны. Тот пил молча, весь в наколках, и изредка жаловался на посаженный желудок и рекламировал бульонные кубики, которые после зоны очень помогают. Когда он дошел до кондиции, схватил одну девушку – Машку и с криком: «Не дождалась, сука!» – высыпал ей в трусы дымящуюся пепельницу. Девушка не сопротивлялась, и на лице ее блуждала улыбка. Всем было весело. Я сидела в углу, закрыв глаза руками, и не могла заставить себя заступиться за Машу, тем более что это действительно была ЕГО девушка, которая, как я знала, по молодости любила его без памяти и, когда он сел, сделала от него аборт.

«Она могла бы иметь от него ребенка, – думалось мне. – Она могла бы стать матерью, хотя... какая из нее мать? И у этого придурка тоже есть или была мама. Наверное, она очень плохая, если воспитала такого уроды».

– Надь, – «урод» увидел мою реакцию. – Да не переживай ты так. Она дрянь, а такие только такого и заслуживают. Вот ты – вижу, нормальная девка. Дай Бог каждому такую.

– Она моя, – отрезал Боря и прижал меня к себе.

– А я и не претендую. Хотя... шучу, шучу! – заржал он. – Я только спросить хотел у Надьки, как у нормального человека, что такое любовь?

Все затихли.

– Любовь, – патетично сказала я, – это когда любимый человек хочет от тебя уйти, и ты его отпускаешь, желая, чтобы он был счастлив.

– Еще чего! – заорал Борис.

Все, что можно сказать о Борисе доброго, так это то, что он еще долго ждал подходящего случая, чтобы лишить меня девственности.

Произошло это против моей воли. Все, что я при этом испытала, – боль, отвращение и тошнота.

На следующий день мы с Варей сидели на старой скамейке в школьном парке, и я плакалась ей в жилетку:

– Представляешь, по пьяни, на грязных простынях... – шмыгала я носом.

Варя долго и терпеливо выслушивала мои причитания, но в конце концов резко оборвала:

– Хватит себя жалеть! Несчастливая она! Может, у других хуже было!

– У тебя, что ли? – удивилась я. – У тебя хоть симпатия была, взаимность какая-то...

– Может, и была. Да только это не в первый раз, – растерянно произнесла Варя. Она уже явно сожалела, что сказала лишнее.

Я недоуменно на нее посмотрела:

– Я чего-то не знаю?

– Этого вообще никто не знает, кроме меня. Ну и, разумеется, кроме тех двоих подонков... Помнишь, мы как-то вечером подцепили двух кадров? Один почти лысый, он к тебе наклеился, а другой – в тельняшке; оба – приезжие, неместные...

Попыталась напрячь свою память. Выходило что-то размычатое, неопределенное.

– Не помню, – уверенно сказала я.

– Ты не помнишь, а я их на всю жизнь запомнила. Вежливые такие, все про Тихий океан рассказывали. Мы сначала тебя проводили, так как ты ближе жила, а потом – меня. Так вот... Прямо в этом парке... – Варя махнула рукой и замолчала.

Посидели в тишине. Я заговорила первая:

– Боже. Господи. Как же так?.. Надо было заявить в милицию: их бы на полжизни посадили. Почему...

– Да ты что! – прервала меня Варя. – Ты мою мать знаешь? Она бы умерла от горя! И как бы я дальше жила, если б об этом знала вся округа! А жить я хочу, несмотря ни на что. И

им благодарна, что в живых оставили. Могло быть и хуже.
Варя была не так уж и неправа.

– Сегодня ты ночуешь со мной. Хватит бегать туда-сюда, – с этими словами Борис в один из вечеров запер дверь своей квартиры на два ключа. Возражения были бесполезны.

Проревев всю ночь и чудом выбравшись из его квартиры под утро, я прибежала домой.

Открывши дверь, увидела мать. Лицо ее было помято и решительно. Она молча протянула мне руку ладонью вверх и сказала: «Ключи».

При всем моем небедном лексиконе у меня не нашлось ни одного слова, чтобы возразить. Я молча положила ключи в руку матери. Из квартиры доносилось кряхтение отца и плач Даши.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Если бы это случилось сейчас, я нашла бы кучу вариантов своих дальнейших действий. Но в тот момент я была настолько глупа, подавлена и испугана, что не придумала ничего лучше, как вернуться к своему «ненаглядному» подонку, чему он очень обрадовался.

На радостях он заставил меня подать вместе с ним заявление в ЗАГС и привез жить к своим родителям, объявив о нашей будущей свадьбе. С работы я уволилась.

Интересно, что родители его были вполне приличными,

тихими и, можно даже сказать, добрыми людьми. Дома они бывали редко, так как имели еще и дом в деревне, где держали мелкий скот. В квартире родителей Бориса жил его младший брат Глеб, который был старше меня на два года, и воздушная старушечка, разменявшая девятый десяток, – их бабушка по матери.

В течение месяца я никуда не выходила из квартиры, ни с кем не разговаривала по телефону и никогда не отказывалась от выпивки, которую приносил домой Борис. Сам он пропадавал целыми днями, оставляя меня одну со старушкой. Чаще видела его брата, с которым иногда выходило подобие разговора. Как выяснилось, они не очень-то ладили между собой, и их разногласия порой принимали серьезный характер.

Борис, как я поняла, приворовывал, принимал участие в потасовках местной доморощенной «мафии» и был шестеркой у какого-то «босса». А если без мудреных слов, то, полагаю, ездили они компанией по заброшенным деревням и выманивали у стариков иконы и всякие предметы старины. Не брезговали и скупкой краденого.

Борис считал себя вправе учить уму-разуму младшего брата – честного заводского труженика. Меня он тоже учил уму-разуму, пуская в ход кулаки. Родители его все видели и молчали. Казалось, что они сами его боятся.

Несколько раз меня навещала Варя, которая к тому времени тоже подцепила нового «шестерочного» кавалера, чем очень гордилась. Кавалера звали Леня. Однажды вечером

она зашла вместе с ним, чтобы познакомить его с Борисом.

– Борис, Надин жених. Свадьба через две недели, – щебетала она, разливая водку по стопкам. Я в это время нарезала свежие огурцы, появившиеся в продаже после долгой зимы.

– С нами за компанию не желаете? – без интереса спросила я.

– Я желаю. Леня не желает, – шутливо проворковала подруга, положив свою руку отработанным жестом на левое Ленино колено.

– На кой ляд я просто так жениться буду? Мне и выгоды нет никакой, – ответил ее друг.

– Было бы предложено, – подытожил разговор Борис. – Ну, приступим!

И все взялись за стопки.

Через полчаса, когда всем стало хорошо и весело, закуска стала подходить к концу. Я, как в анекдоте, достала из холодильника последний огурец, чтобы порезать его на тарелочку.

– Стой! – заорал вдруг Леня. – Отдадите мне съесть этот огурец целиком – женюсь на Варюхе! За слова свои отвечаю!

Все развеселились. Огурец немедленно был отдан Ленке на поедание. Он сожрал его, даже не поделившись с потенциальной невестой.

На следующий день, как я позже узнала, Ленка с Варей сходили в ЗАГС и подали заявление.

День моего замужества вот-вот должен был настать, а меня ничего не интересовало.

Мать, узнав о моей свадьбе, через знакомых передала свое помилование и изъявила желание помочь. А мне было на все наплевать.

Будущий муж мой спер у своей родной бабушки икону святого Николая Чудотворца, над которой она тряслась всю жизнь; а у меня отнял золотые серьги – единственную ценную вещь, которая осталась у меня после ухода из дому. Мне было все равно, а бабуся от расстройства потеряла способность самостоятельно передвигаться: лежала неподвижно и мочилась под себя. Глеб выразил Борису свой протест, за что был жестоко избит. После этого Борис скрылся в неизвестном направлении.

На другой день Глеб не пошел на работу, а достал из шифоньера давно припрятанную бутылку водки:

– Ну, что... вмажем по маленькой?

– Можно, – ответила я. – И даже нужно.

Мы с комфортом уселись в большой комнате, включили магнитофон на полную мощность и начали пить. Периодически из комнаты, где неподвижно лежала бабуся, доходили стоны. Мы с Глебом по очереди бегали к ней: он давал ей пить, а я подставляла утку.

Когда поллитровка подходила к концу, раздался очередной вопль из дальней комнаты. Мы пошли на зов оба.

Когда мы приблизились к постели изможденной старухи,

она жалобно посмотрела на меня и что-то прошептала. Я из-за музыки не расслышала и наклонилась ближе:

– Что?

– Умираю... – прошелестели ее губы, – пить...

– Глеб, она опять пить хочет. Сходи за водой.

Глеб вышел на кухню и быстро вернулся:

– На, попой ее, – протянул он мне чашку.

Я приложила ее к губам старушки, она сделала глоток и закрыла глаза.

– Больше не хотите? – поинтересовалась я.

Она молчала.

– Бабушка, хочешь еще? – переспросил Глеб.

Старушка упрямо молчала.

Потом Глеб спрашивал еще и еще, хватал ее за руки, тряс, пытался приподнять ей веки, делал искусственное дыхание, и только тогда, когда изо рта ее потекла тоненькая струйка крови, он прекратил попытки ее оживить. Тогда он просто встал перед ней на колени и пронзительным тонким голосом закричал: «Бабушка!»

Я во время этой сцены отошла от кровати и прислонилась к стене. До этого я никогда не видела смерть так близко. Я, пожалуй, даже не верила, что старушка и в самом деле умерла.

Когда Глеб проревелся и пришел в себя, то принял решение:

– Надо ехать к родителям в деревню. Сказать про это.

И мы пошли на вокзал. По дороге я начала плакать, размазывая тушь под глазами. Не потому, что мне было жалко старушку, а просто оттого, что жизнь не только у меня, но и вообще – такая нелепая.

Глеб ушел за билетами, оставив меня на перроне. Я прислонилась к бетонному столбу. Какая-то представительная женщина прошла мимо меня и громко сказала: «Надо же! Такая молодая и до чего докатилась!» «Дура», – подумала я.

Деревня оказалась у черта на куличках. Долго шли огромным полем, пробираясь сквозь сугробы, а потом – лесом, через валежник.

Наше известие родителей не поразило. Дочь умершей слегка всплакнула и сказала, что прямо сейчас поехать в город не сможет: надо еще закончить кой-какие дела. Поэтому поехать немедленно в город, чтобы «причередить», как она выразилась, покойницу, должны мы с Глебом.

Мы поехали обратно.

Придя в квартиру, занавесили зеркала, уложили покойную прямо, подвязав подбородок, и положили монеты на ее глаза.

Включили везде свет и забились в дальний угол дивана в большой комнате. Глеб обнял меня:

– Не понимаю, что ты тут делаешь. Ты же нормальная, зачем тебе это?

– Что?

– Зачем ты связалась с моим братом? Почему не уйдешь

от него?

– Я боюсь, – подумав, ответила я. – Не столько за себя боюсь, сколько за семью. Меня хоть и выгнали, зла я им не хочу. Сестру люблю. Знаешь, была у меня мысль в суд на родителей подать. Пусть не присудят мне метры в квартире, где я прописана, так хоть нервы матери помотаю. В газетах читала о таких случаях. Так вот: подам я на них в суд, будем выяснять, кто прав, кто виноват, а страдать сестра будет. А ее я люблю. И она меня любит, несмотря ни на что.

– При чем тут семья? Я спрашиваю: почему ты не уйдешь от Бориса?

– Допустим: уйду я к родителям, если пустят. Он же туда прикатит, скандалить будет. Не хочу я им неприятностей. Пусть у них все будет хорошо. И у сестры... все будет хорошо.

Немного помолчали. Глеб сжал кулаки и сказал:

– Я сам убью его.

– Кого?

– Бориса.

– Он же твой брат.

– Он изверг. Это из-за него умерла бабушка. Она же здоровая была. А как только он икону у нее украл, так она и слегла сразу. Смерть ее на его совести.

– Нет у него совести.

– До вашей свадьбы неделя осталась. Как ты с ним жить будешь?

– Не знаю.

На следующее утро появились родители и Борис. Он молча вошел в комнату и сел в кресло, уставившись на меня и брата. Я встала и вышла на кухню, где его родители начали готовить завтрак. Из комнаты стали раздаваться крики: сначала тихие, приглушенные, а потом – громче. Послышались удары и плач. Родители убежали на звук.

Я сидела и смотрела в окно. Вдалеке прошла женщина с большой сумкой; след за ней – мужчина с приподнятым воротником. По истоптанной дорожке пробежали два маленьких мальчика, пытаясь из последнего грязного снега слепить снежки. «Люди-то живут, – вдруг подумала я. – Неужели так же?»

Через два дня состоялись похороны и поминки. На похороны я не поехала: осталась готовить дома застолье на двадцать персон. Родственники приехали с кладбища уже «тепленькие». Глеб и Борис были вдребезги пьяные. Их родители вели под руки двух сестер покойной, одна из которых была ее старше. Она не понимала ничего из того, что происходило вокруг. Младшая тихо вытирала слезы. Кроме нее, больше никто не плакал.

Все уселись за стол, помянули покойную, сказав тост из двух слов, и начали пить. Спустя какое-то время присутствующие позабыли, ради чего они здесь собрались. Послыша-

лись песни: «Ой, цветет калина», «Вот кто-то с горочки спустился» и «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...»

Веселье набирало обороты.

Водка меня не забирала. Она душила, лезла назад и, как ни странно, придавала мыслям особую ясность.

«И это то, ради чего старуха жила, мучилась, выходила замуж, рожала детей, воспитывала внуков? И это жизнь? И это конец всему?.. А где смысл? В чем? А я... Что сделала я? В чем смысл моей жизни? Я никому не нужна, от меня нет никакой пользы... Я боюсь жить, я просто плыву по течению. Меня обидели, а я мщу тем, что хороню себя заживо! Я умираю от жалости к себе, от своей беспомощности...» – сжав виски ладонями, я закрыла глаза.

На следующее утро ушла к родителям. Повинных речей перед ними произносить не стала, сказала только, что свадьба отменилась и, если они позволят, я поживу у них. Они позволили.

Вместе с моим приходом в доме начался кошмар. Борис постоянно звонил по телефону, угрожал, выбил с улицы два стекла в квартире. Отец после некоторого молчания предложил разобраться с ним «по-мужски», мать обзывала меня много кем.

Я обратилась в милицию и суд. Милиция ответила на мои просьбы о помощи, что, дескать, он мой сожитель и меры они примут только тогда, когда я предоставлю им телесное

повреждение, а еще лучше – свой труп. Тогда они точно его посадят. Заявление в суд помог написать мне отец. В заявлении я обвиняла Бориса в изнасиловании, избиении и краже. Последнее обвинение сочли разумным и вынесли решение о денежной компенсации в мою пользу.

Естественно, мне никто ничего не возместил, а Борис, получив очередную повестку в суд, прикатил вечером к подъезду моего дома с приятелями и на глазах у всех соседей размахивал, как потом написали в протоколе с их слов, «предметом, похожим на пистолет».

Милиция этим происшествием не впечатлилась, так как месяцем ранее в нашем доме в соседнем подъезде двое неизвестных расстреляли в упор красавца Ванечку. Ванечку с детства все знали, девочки все были в него влюблены, но он женился на скромной незнакомке. Расстреляли Ванечку в упор, в голову, на глазах его молодой жены и ребенка. Хорошо хоть их в живых оставили. Неизвестные найдены не были, да, наверное, и не искал никто. Директоров заводов безнаказанно убивали, не то что каких-то Ванечек. А мать Ванюши помешалась.

После посещения моей семьи Борисом, вечером того же дня, я позвонила матери от Вари и сказала, что не буду жить дома. Ответ «скатертью дорожка» удовлетворил меня.

Друзья

Около месяца я жила у Вари дома. Устроилась через биржу труда на работу помощником художника-оформителя. Сам художник-оформитель постоянно в любое время суток был пьян; и даже в тот день, когда я впервые появилась в полуразвалившейся мастерской, он спал, завалив себя планшетами. На вид ему было лет сорок, а звали его Алексей Павлович Романов, попросту – Палыч.

Своеобразный это был человек. И внешность его была своеобразная: белая копна длинных волос, собранных сзади в хвостик; маленькая сережка в левом ухе; и в пол-лица – огромный, приплюснутый, свернутый набок нос.

Как я впоследствии узнала, Алексей Павлович имел за плечами образование восемь классов и десять лет отсидки за грабеж. Осудили его, молодого, в советские времена за преступление, которое в наше время трактовалось бы как легкое хулиганство и в лучшем случае повлекло бы за собой штраф в сумме минимальной заработной платы.

Выйдя из тюрьмы, Палыч узнал несколько неприятных новостей: сестра его была зарезана случайным прохожим, скончалась от полученных ран; мать его, выходя из церкви после службы в неполюженном месте, была сбита насмерть машиной. Отца своего Палыч не знал. Идти ему было некуда, так как квартиры он лишился автоматически.

Но ему повезло. Он встретил прекрасную обеспеченную девушку, чей отец являлся городским депутатом. Девушка наперекор отцу влюбилась в Романова без памяти, вышла за него замуж и прописала к себе.

Они прожили в мире и согласии два года и, как ни старались, не смогли заиметь детей. Обследовавшись по очереди, выяснили, что непоправимое несчастье – в женском организме.

С этого началось падение Алексея Павловича. Медленно, постепенно, он заболел самым распространенным в России заболеванием – алкоголизмом. Жена в итоге его бросила, подарив комнату в коммуналке. Там он познакомился со своим нынешним начальником. Алексей Павлович сделал ему две экзотические татуировки: одну на левом плече, а другую на правой ноге, за что и был посвящен в художники-оформители. Но надо отдать должное, Палыч действительно неплохо рисовал и даже писал картины. Только ни одну из них он не заканчивал, так как вдохновение его было непостоянно и деньги на «подпитку» находились с перебоями.

Когда Палыч был просто пьян, он вел себя почти как трезвый и являлся вполне трудоспособным рабочим. Когда же он был пьян смертельно, он говорил: «Я устал» – и шел в угол мастерской «чутьочку вздремнуть».

Пока он «дремал», я делала за него всю работу; в благодарность за это в свои трудоспособные моменты он позволял мне делать все что хочу. Я могла незаметно ускользнуть с

рабочего места и пойти погулять при условии, что вышестоящее начальство не заметит.

Вышестоящее начальство если и замечало, то делало вид, что не видело: оно само часто ходило пьяное и справляло нужду под ближайшими к мастерской кустиками, не имея сил дойти до нашей двери.

Таким образом, на работе у меня все было тип-топ, если не считать того, что платили катастрофически мало денег.

Все, что получала, отдавала Вариной матери.

В конце мая Варя вышла замуж. Я и мой новый друг Андрей – хороший знакомый Леонида – были свидетелями и единственными гостями на их свадьбе. Впрочем, и свадьбы-то никакой не было. Варя была в своей обычной мини-юбке, Ленька был одет так, словно вышел во двор вынести мусорное ведро, а мы с Андреем, видя такой расклад, вообще не стали задумываться относительно прикида. Во вторник (день для неторжественной регистрации) зашли в ЗАГС, молодожены поставили свои подписи в книжечке, потом все загрузились в Ленькину машину и поехали на станцию Волга, прихватив коробку водки, купленную заблаговременно. На Волге, в деревянном доме, жила Варина бабушка по матери, которую мы поехали поздравлять с выпавшим внучке счастьем. Варина бабушка с поставленными перед ней задачами – нашим ночлегом и закуской – справилась. Погуляли классно. Три дня пили, праздновали, купались, загорали, ка-

тались на машине и снова праздновали.

В пятницу пешком (машина сломалась) вернулись в город, на квартиру к Вариным родителям. Мать была на работе, отец пил в неизвестном месте, а ключи Варя потеряла.

– Давайте я залезу по трубе и влезу в форточку, – оптимистично предложил Андрей. Был третий этаж.

Предложение всем понравилось. Андрей почти долез до Вариного балкона, но сорвался и рухнул. Под балконом находилась пристройка с входом в подвал и черепичной крышей. Андрей проломил ногами крышу, вошел по пояс и застрял на вытянутых руках. Потом он осмотрелся, сказал «Здравствуйте» побелевшим старушкам на лавочке около дома и стал вылезать, давясь от смеха.

Мы ржали на весь двор. Потом полез Ленька. Какая-то старушка побежала вызывать милицию, но Варя ее успокоила, сказав, что дает согласие на такое вторжение.

У Леньки все получилось. Мы проникли в квартиру и продолжили банкет. Леня напился до такой степени, что стал рыдать и рвать цепочку с огромными звеньями, служившую Варе украшением.

– Все бабы суки! – заорал он.

Мы с Варей удивились такому исходу свадебного предприятия. К счастью, очень скоро Андрей, не терявший ясности ума даже при полном его затмении, успокоил Леню и уложил спать.

– Не переживай, – пояснил он, обратившись к Варе, – это

он мать имеет в виду.

О матери Лени я знала только то, что она есть. Ее никто не видел. Леня говорил нам, что она работала проституткой и ее лишили родительских прав. Мы с Варей решили, что в нем погиб великий фантаст.

Молодые супруги стали жить в новой квартире, где из мебели были только кровать и скамейка. Порядком подружившись со мной, Леонид и мне милостиво предложил пожить с ними. Я согласилась.

Спала я на кухне на тоню-у-усенькой скамейке, делала за Варю ее домашние дела и исправно отдавала молодоженам заработанные мною деньги. Варя, месяца два назад сокращенная с завода с доходной должности намотчицы катушек, сумела наконец-то устроиться сторожем в Горзеленхоз. Где работал Леня, никто не знал. Он пропадал целыми днями; деньги приносил непостоянно и тратил без толку: например, покупал ящик пива, пару банок консервов и шоколадку. Шоколадка съедалась тут же, пиво выпивалось за два дня, а суп из консервов давал нам калории в течение недели.

Вообще, у нас стали случаться перебои с питанием. Никто из нас не умел экономить и правильно обращаться с деньгами, особенно при их отсутствии. Получив зарплату, мы отъедались два дня, а потом голодали.

И если я иногда перекусывала у Андрея в гостях, то Варю с Ленькой подкормить было некому.

В один из вечеров, когда Лени, как всегда, не было дома, в дверь позвонили. Мы с Варей побежали открывать.

На пороге стояла пожилая, прилично одетая женщина. В руках она изо всех сил мяла кожаную сумку.

– Здесь проживает Кучко Леонид?

– Да, – ответила я, так как стояла ближе к ней, чем Варя.

– Вы его жена будете? – поинтересовалась женщина.

– А вы по какому вопросу? – отстраняя меня, приблизилась к ней Варя.

– Можно войти? – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнесла незнакомка и решительно шагнула в комнату.

Мы прошли, переглядываясь, вслед за ней.

Женщина, дойдя до окна, остановилась и растерянно посмотрела вокруг.

– А Лени нет?

– Нет, – ответили мы хором.

– Ну, что ж, тем лучше. Вы Варя? – она уставилась на меня.

– Я, я Варя. А вы кто? – подруга начала раздражаться.

– Я мать Леонида.

Повисла пауза. Мы внимательно разглядывали «проститутку», которую лишили родительских прав. Что-то не стыковалось. Варя сделала жест, похожий на то, будто она хочет показать на дверь.

– Он мой приемный сын. Я его усыновила пятилетнего...

Извините за вторжение, – торопливо, будто боясь быть перебитой на полуслове, заговорила женщина. – Леня так долго у меня не появлялся... даже о свадьбе ничего не сказал. Узнала от знакомых. Я так за него переживаю, у меня сердце больное, а он... Он хороший, только всегда очень занят и навещает меня реже, чем хотелось бы. Вы его жена, – обратилась она к Варе, – повлияйте на него. Я вам всем чем смогу помогу. К примеру, квартиру эту обставить надо. А еще лучше – поговорите с ним и живите у меня. У меня трехкомнатная, на всех хватит. Я детей ваших нянчить буду, – и женщина вдруг заплакала.

– Меня Розалия Ильинична зовут, – запоздало представилась она. Дрожащими руками полезла в мятую сумку и, достав оттуда бумажку, протянула ее Варе:

– Возьмите. Звоните мне в любое время. И в гости заходите. Одна, если Леня не сможет. Улица Инженерная, дом двадцать пять, квартира семьдесят. Я очень ждаль буду.

Розалия Ильинична рванула к дверям, перешагнула одной ногой за порог и обернулась:

– Не говорите Лене, что я у вас была. Пожалуйста.

И ушла.

Варя, посмотрев в бумажку, свистнула и протянула ее мне.

Это была визитка. Из нее следовало, что эта женщина занимала одну из главных должностей на самом большом и главном заводе города.

Ленька объяснять ничего не стал.

– И тут нашла, – сказал он. – Ладно, Варюха, съездим к ней в гости на днях.

Жизнь шла своим чередом. Я изредка звонила отцу на работу и интересовалась, как у семьи дела. Иногда заходила поглядеть сестру. Она выходила ко мне на лестничную площадку, я целовала ее и говорила, что соскучилась. Она неизменно начинала плакать и уговаривать меня вернуться домой. Я успокаивала ее, дарила шоколадку и сама еле сдерживала слезы от бессилия. Брать с собой куда-либо сестру из дома мне воспрещалось. Один раз я упросила мать разрешить мне погулять с Дашей. Мать позволила прийти в воскресенье. Накануне я весь день чистила квартиру, где мы проживали, мыла, драила, стирала и т. д. Заняла денег и накупила целый пакет съестного. В воскресенье с утра приготовила праздничный стол и, одеваясь, наказала Варьке ничего не трогать, так как ее муж ходил кругами и облизывался.

– Надька, дай хоть кусочек чего-нибудь! – канючил Ленька.

– Отстань. Приду с сестрой, и поедем все вместе. А пока за ней хожу, ведите себя прилично. Не курите тут. Да. И умойтесь, побрейтесь, что ли. А то на бомжей похожи.

Когда я позвонила, дверь приоткрыла мать. Увидев меня,

она распахнула дверь пошире и сказала:

– Входи. У тебя есть еще полчаса.

– Полчаса чего? – не поняла я.

– Через полчаса мы с Дашей идем в гости.

Я, стоя в коридоре, осмотрелась, ища Дашу глазами. Прислушалась. Из маленькой комнаты доносились рыдания.

– Мам, – я тщательно подбирала слова. – Я обещаю тебе вернуть ее в целости и сохранности. Отпусти ее хотя бы на три часа. Я с ней в сквер на качели схожу.

– Сказала – нет. В гости мы договорились идти заранее.

– Я тоже заранее договаривалась, что ты отпустишь ее со мной погулять!

– Я и не против. У тебя есть полчаса.

Рыдания в маленькой комнате усилились. Я изо всех сил кусала губы, чтобы не разреветься тоже.

– Мам, пожалуйста...

– Мне некогда говорить, мне собираться надо. Да и Даше тоже.

– Она не одета?

– Нет.

– Тогда я пойду. Я зайду в другой раз! – сказала я громко, чтоб Даша меня услышала.

Как только я переступила порог, дверь с треском захлопнулась.

Я как полоумная дошла широким шагом до остановки, села на автобус, доехала до квартиры, зашла в комнату. Варька

и Ленька встретили меня сияющими физиономиями. Они не курили и ничего не съели.

– Где сестра? – спросил Ленька радостно и заглянул мне за спину.

– Она мне ее не отдала.

Ленькина физиономия продолжала оставаться все такой же радостной, а Варина погрузилась. Подруга подошла и погладила меня по спине:

– Не переживай. Рассосется как-нибудь.

– Надь, а кушать тоже отменяется? – вдруг испугался Леня.

– Нет. Только к такой закуси бутылка полагается. – Мне вдруг ужасно захотелось выпить.

– Я мигом, – зашустрил Ленька. – Одна нога здесь, другая там.

Он скоро вернулся с двумя бутылками. После третьей стопки слезы все-таки добрались до меня, и я затряслась в судорожных рыданиях.

– Да не плачь ты, – морщась только для приличия, сказал Ленька. – Утрясется.

– Да, Надь. Она тебе в следующий раз Дашу отдаст, – закивала Варя.

Я немного успокоилась и приставила холодную граненую пустую стопку к виску.

– Вы не понимаете. Я прокаженная. Я не могу и не должна приближаться к невинному ребенку. Я ис-пач-ка-на!

Варя выхватила из моей руки стопку и скомандовала Лене:

– Наливай.

Я выпила и успокоилась:

– Одно утешает. Борис вроде поверил, что я живу в другом месте.

Приблизительно недельки через две мне на работу позволила бабушка. Та самая мамина мать, которая в детстве крестила меня. Она попросила зайти к ней в гости.

Я пришла. Бабушка покормила меня, чему я очень обрадовалась, и стала читать нравоучения. Дескать, жизнь сложная, надо терпеть. Вот она, к примеру, сорок лет терпит мужа, от которого родила троих детей. Муж этот, дед мой, часто в молодости бегал за бабушкой с топором, и ее, и детей бивал, и гулял направо-налево... Но она все сносила! Но зато сейчас как ее Бог вознаградил! Дед ослабел, и она делает что хочет и говорит ему что хочет... Поэтому надо вернуться к матери, образумиться, повиниться и так далее... Ведь мать есть мать, и мать моя еще очень добрая. Вот у бабушки была мать – та на слова времени не тратила. Брала что под руку попадется – и лупила. Довела меня бабушка до слез. Все достоинства у людей, по ее словам, были с приставкой «не»: не бьет, не пьет, не курит, не тунеядничает, не утаивает деньги, не сдает детей в детский дом, не изменяет родине... Тьфу ты... В чем я виновата? В том, что мать разлю-

била меня? Убедила, что я – ничтожество? Сделала изгоем? Оклеветала перед отцом? Лишила сестры? В чем повиниться? Я пыталась наладить с ней отношения, подавить в себе обиду, но если она не хочет этого, то я свободна. А ты, «святая» бабушка, лучше б пожить к себе пригласила. Так ведь не хочешь, тоже брезгуешь мною...

Бабушка попыталась еще несколько раз позвать к себе на обед, но у меня неизменно пропадал аппетит, и я отклоняла ее предложения.

Благо было кому подкармливать: отношения с Андреем становились все серьезнее. А во дворе дома, где жили Леня, Варя и я, поползли слухи о том, что мы – шведская семья. На нас глядели с любопытством и подозрением. Мы забавлялись и шутили по этому поводу.

Дома особо было делать нечего. У Вари нечего было делать и в Горзеленхозе. Начальство отпускало рабочих отдыхать без сохранения заработной платы и не торопило с возвращением на трудовое поприще. Варю тоже распустили. Она без толку сидела целыми днями на балконе, курила бычки и зорко высматривала на горизонте мужа.

Муж, обратив внимание на подавленное состояние супруги, приволок откуда-то телевизор, который мог делать что-нибудь одно из двух: либо говорить, либо показывать. Жить стало веселей. К нашему пению жалобных песен по

вечерам добавилось развлечение: дополнять неработающую функцию телевизора. Когда по вечерам транслировались сериалы, фантазия наша разыгрывалась безудержно:

– Мария, я люблю тебя! – басом озвучивала героя Варя.

– Нет, Хуан Карлос, нет! – визжала я.

Леня был зрителем и стучал по телевизору, когда тот начинал показывать полосы и подозрительно шипеть.

Еще мы с грехом пополам смотрели зарубежные боевики и фильмы про любовь до трех часов ночи; до тех пор, пока глаза сами не смыкались от усталости. Еще бы! Раньше на такое можно было только по виду паяться! А реклама! Какая шла реклама! Прелесть! Все ели «сникерсы» и «марсы», вкладывая попутно заработанные деньги в престижные компании: получали огромные капиталы. Особенно много денег ни за что обещало какое-то «МММ». Мы, глядя на то, как легко сыплются деньги на скромных работяг, мечтали о том же. Наши родители получили бумажки, называемые ваучерами. Никто толком не знал, что они такое и как ими распоряжаются. Люди, не питающие надежды на дармовщинку, клюнули на масштабную по городу агитацию единственного крупного завода: дескать, вложите сюда! Те из товарищей, кому хотелось верить в сказки (А кто не хочет?), потащили свои ваучеры туда, где обещали много денег ни за что. Лотерея завертелась. В умах населения царило полное непонимание происходящего и бешеный азарт. На площади перед универмагом «Юбилейный» с утра до вечера какая-то горст-

ка людей с фанатично горящими глазами что-то пикетировала. В центре города, на трухлявых заборах, прикрывавших руины зданий, которые «охранялись государством и подлежали реставрации», освежились надписи: «Россия для русских!», «Долой коммунистов!» и «Слава СССР».

Однако провинциалов мало интересовала политика. Граждане, не так давно пережившие инфляцию и обмен денег, мечтали разбогатеть. Моя бабушка, сидя на картошке с солеными огурцами, ежемесячно относила свою пенсию в злополучное «МММ». Не знала, бедная, что через два года в Москве люди будут объявлять голодовку и лежать в самодельных гробах, требуя привлечь главного «мммиста» Мавроди к ответственности.

Проиграли многие. Одни сразу, другие – чуть позже.

К сожалению или к счастью, меня, да и моих друзей, финансовые треволнения обошли. Родители наши получили вачеры за нас, своих детей, и благополучно их лишились. Мама передала мне через знакомых сберегательную книжку на мое имя, где значился вклад, уменьшенный обстоятельствами: пять рублей. История данных пяти рублей следующая: папа мой, на все руки мастер, сотворил два кухонных гарнитура из деревоплиты, продал их за пять тысяч рублей и, не сумев купить телевизор, положил деньги с продажи на мое имя. Пять рублей.

Я ничего не имела и ничего не потеряла.

В один из последних дней сентября 1993 года ни смотреть, ни озвучивать по телевизору стало нечего: там порхали балерины, подпрыгивали и дрыгали ножками. Мы усиленно попереключали каналы, пропало изображение, но появился звук. Когда под звуки «Лебединого озера» вымыли посуду и собрались выйти на балкон покурить, раздался долгожданный голос, провещавший нам удивительную новость: нынешнее правительство заболело и поэтому будет новое правительство. Никто из нас никак не мог откомментировать услышанное.

На следующий день телевизор все так же показывал балет, а по городу поползли слухи о военных действиях в Москве.

– Наконец-то! – чему-то обрадовался Леня. И гордо сообщил: – Скоро у нас в городе будут выдавать винтовки, и я уйду воевать.

– С кем? – поинтересовалась я.

– А не все ли равно! Зато как постреляю!

– В кого? – не унималась я.

– Да без разницы!

Мне представилось, что такой же придурок, как Леня, упадет на мою Дашеньку. Стало не по себе.

– А если ваших родных постреляют?

– Надь! Ну что ты заладила! На войне – как на войне. А родным просто высовываться не надо. Вон Варюха меня понимает. И повоевать отпустит.

– Вали. А мы сухарей насушим и блиндаж построим, –

засмеялась Варя.

До сухарей дело не дошло. За несколько дней все встало на свои места. По телевизору показали обычные новости, на которых пояснили, что произошли небольшие беспорядки и что виновные наказаны. И что опять «в Багдаде все спокойно».

А вскоре и телевизор сломался совсем. Не говорил и не показывал. Мы сняли с него заднюю крышку и по очереди с умным видом тыкали паяльником и отверткой в разные места.

В итоге ничего не вышло, но из телевизора получилась неплохая тумбочка.

Метаморфозы

В Лениной квартире я и Варя прожили около полугода. Съехали мы внезапно.

– Я попал на деньги, – объявил нам как-то Ленчик. – Должен квартиру. Возможно, и ее не хватит, чтобы расплатиться. Надо подумать, где мы будем жить.

В этот раз подумала я. Помощь оказал Алексей Павлович Романов. У одного его друга-собутельника пустовала комната. Друг нашел женщину в деревне и был не против того, чтобы на его жилплощади кто-нибудь временно разместился, тем более что желающих для этого оказывалось мало: в комнате из удобств были окна, дверь и батарея. А в аварийном доме под снос, где она находилась, были общие сортир, холодная вода и кухня, полная тараканов. За пару бутылок водки в месяц мы договорились.

Варе было неудобно проситься жить обратно к матери, да еще с мужем, и она попросилась пожить с Леной у меня. Естественно, я согласилась. Во-первых, опыт совместной жизни уже был, во-вторых – будут помогать расплачиваться бутылками, ну а в-третьих – я не могла оставаться наедине со своими мыслями.

Вскоре мы втроем переехали и бурно отпраздновали новоселье, пригласив на него всех знакомых, в том числе и Романова. Соседкой нашей по комнате была старушка – бо-

жий одуванчик: вся беленькая, подвижная, веселая. Она на удивление спокойно отреагировала на необычную компанию, въехавшую в квартиру и в первый же день устроившую шумный сабантуй. Жила эта старушка с дедом, с которым развелась в молодые годы, и часто уезжала в гости к многочисленным детям, внукам и правнукам. Несмотря на преклонный возраст ее и ее сожителя, они постоянно ругались, используя для крепости выражений мат, что очень не шло к их внешнему облику. При этом старушка грозила деду выгнать его на улицу, напоминая, что комната ее, а он ей никто.

Короче, с соседями нам повезло.

Не повезло только со временем. Оно скакало как сумасшедшее, то останавливаясь, то стремительно меняя все вокруг, и не в лучшую сторону. Варин Горзеленхоз обанкротился или был разворован до такой степени, что сторожить стало нечего, и Варя попала под сокращение. Ей выдали денежное пособие и посоветовали обратиться на биржу труда. Там поглядели на ее аттестат о школьном образовании, где значилось «неполное среднее», и послали куда подальше. Курс Варя установила сама – в вечернюю среднюю школу.

Получилось так, что работала одна я. Леня не приносил ни мне, ни Варе ни копейки. Сказать, что денег не хватало, – ничего не сказать. Денег не было вообще. Еды не было. И если алкаши из соседнего дома ловили собак, восхваляя китайскую кухню, то мы, чтобы заглушить аппетит, усиленно

курили «Приму». Леня стал чаще навещать мать, но поесть от нее не привозил и Варю к матери не звал, объясняя свое поведение тем, что со своими проблемами он должен справиться сам.

Вроде бы логично, но не очень, если принять во внимание тот факт, что Варя начала падать в голодные обмороки.

Хотя и у Вари были варианты. К примеру, вернуться к матери. Но она говорила, что ей стыдно перед мамой, так как та руками и ногами была против Вариного замужества с Леной, сразу видя в нем неблагонадежного человека.

У меня реально был только один выбор – прийти к родителям и броситься перед ними на колени, умоляя о прощении.

Виноватой себя я не считала, поэтому даже сама возможность выбора казалось мне несуществующей.

Надежды на спасение я возложила на Андрея.

После той грязи, которой я нахлебалась с Борисом, Андрей мне казался совершенством. Между нами возникли почти дружеские, романтические отношения. «Почти» – потому что они были отравлены. Когда между нами случилась интимная близость, произошла неприятная вещь, которая тогда мне казалась ужасной и непоправимой: из-за меня Андрей заразился нехорошей болезнью, которая считается у продвинутой молодежи чем-то вроде гриппа. Так как «продвигалась» я медленно, то от стыда чуть не умерла. Если бы я подозревала, что больна! Для меня это было ударом. Та-

ким сильным, что я, спрятав кухонный нож в одежду, пошла к Борису. Я, казалось, продумала все варианты, какие могли быть, а также срок, на который меня посадят. Я продумала всю схему моего поведения: захожу, говорю, что хочу помириться, он теряет бдительность, я с размаха бью ему ножом по горлу. Перед тем как пойти, я позвонила Борису, он сказал: «Алло», и я положила трубку. Продумала все детали, но план сорвался: мне никто не открыл дверь. И на следующий день тоже. Потом я дозвонилась до Глеба и, не объясняя причин, поинтересовалась местонахождением его брата. Тот сообщил, что Борис уехал из города, на полгода как минимум. Как выяснилось впоследствии, Борис «сорвал куш» и поехал в столицу открывать антикварный ларек.

Лечение растянулось на месяц. Андрей помогал мне и морально, и материально пережить и излечить ЭТО. Он не обвинил меня, не бросил; более того, познакомил с родителями и обещал расправиться при случае с Борисом, которого не достигали судебные повестки.

Может, что-нибудь и получилось бы, но жизнь, как всегда, устроила свой новый выкрутас.

– У меня, Надь, к тебе серьезное дело, – сказал однажды Андрей.

– На полмиллиона? – пошутила я.

– Нет, конечно, поменьше. Но деньги порядочные.

– А что надо сделать?

– Выйти замуж за одного пропойку.

Не передать всю гамму чувств, отразившуюся на моем лице:

– ??

– Ты выходишь за него замуж и прописываешься в его комнату в трехкомнатной квартире. Остальные две комнаты уже наши. Потом алкаш исчезает, и ты передаешь эту комнату мне.

– Как передаешь?

– Хочешь – даришь или продаешь... а лучше всего – выходишь за меня замуж.

– Тоже понарошку?

– Я согласен и всерьез.

Мы поцеловались и помолчали.

– Как ты все это сделаешь? – меня заинтересовали подробности.

– Все уже, можно сказать, сделано, если ты согласна. Леня мне немного с бумагами поможет: у него кой-какие связи есть – и все.

– Алкаш-то хоть останется жив?

– Останется. Только никому на сторону ничего не говори, ладно?

– Ладно.

На том и расстались, договорившись встретиться через пять дней.

Через два дня Леня, вечно пропадающий где-то, явился раньше обычного и отозвал меня в уголок:

– Тебе Андрей дело предлагал?

– Да.

– Ты согласилась?

– Да.

– Я должен помочь ему. И помогу. Но у меня, точнее, у нашей братвы свой план. Деньги ты получишь те же.

– В чем разница?

– Когда пропишешься, передаешь квартиру нам. А Андрея мы просто кидаем.

– Это нехорошо.

– Знаю. Но он – никто, а загребет столько денег. Братва против.

– А если я – против?

– Послушай: все уже решено. Если ты против нас попрешь, то не я, так другие с тобой разберутся... Ты же не любишь Андрея, так какого фига? Тебе деньги нужны – мы их дадим.

– А где гарантия?

– Может, тебе расписку дать? – Леня делано засмеялся.

– Хорошо. Я на вашей стороне, – сказала я и пошла ставить на огонь чайник.

Через пять дней Андрей, радостный до безобразия, завадил ко мне на работу:

– Как дела?

– Нормально, – сухо ответила я, уклоняясь от его поцелуев.

– Сегодня вечером на стрелку идем!

– Кто идет, а кто и нет.

– В каком смысле? – улыбка сползла с лица Андрея.

Минута молчания.

– Знаешь... – нужные слова я подбирала с трудом, – наша сделка отменяется. Я не хочу ввязываться в авантюры. Поищи другую девушку.

– Почему?

– Потому что не хочу.

– Почему?

– Не хочу, и все.

Терпение Андрея иссякло. Он взял меня за плечи и потряс:

– Почему?

– А ты мне поверишь?

– Постараюсь.

– Умоляю тебя, не берись за это дело, ничего хорошего не выйдет...

– Объясняй!

Я сказала ему все что знала. Он молчал, уставившись в стену мастерской, увешанную плакатами с голыми женщинами. Потом посмотрел на меня, глаза его стали красными, дыхание – неровным.

– Предатели... – шепотом произнес он.

– Если они узнают, что я тебя предупредила – мне не жить, – сказала я и тоже уставилась на неправильную стену.

– Я знаю, что делать. А ты Леньке сегодня скажи, что поругалась со мной. И что я решил работать с другой девушкой... любовницей, о которой ты не знала. В остальном – мы будем делать вид, что разговора этого не было. И с Ленькой мы – друзья. Понятно?

– Да. Мы еще увидимся?

– Я зайду к вам на днях, когда Леньки не будет. Ему не говори.

Андрей еще немного посидел в расстроенных чувствах и ушел.

Тем же вечером я, придя с работы и застав Леню с Варюхой дома, сыграла сценку. С понурыми глазами, трясущимися руками держа стакан чая, сообщила: несчастная я, бросили меня...

Леонид проявил сочувствие и утешал как мог, говоря: «Видишь, какой подонок, а ты еще жалела его... Дура!»

В тот момент мне очень хотелось бы рассказать все Варе, но я понимала, что теперь она мне – не союзница.

Прошла неделя. Варе в вечерней школе поставили ультиматум: либо ты сдаешь на проверку пять сочинений – долги за четверть, либо начинаешь учебу сначала. Сочинять по-

друга не умела, но быстро нашла выход из положения: раздобыла где-то чекушку, отварила дешевых макарон с «таким», и с приятным выражением лица встретила меня с работы.

Первой темой для сочинения, которую Варя мне подсунула после ужина, была следующая: «Счастье в понимании лирического героя В. Маяковского». М-да... Любимая тема Вариного папаши: как напьется, так орет про «дубликат бесценного груза». Я раскрыла затасканную книжку, взятую Варюхой в библиотеке, и стала проникаться поэзией указанного в теме автора. Когда нашла в одном из стихотворений строчку «Я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз...», то с умным видом стала записывать ее в качестве эпитафии. Далее полет моей творческой мысли был остановлен, так как в дверь постучали. Я отложила ручку в сторону, Варя пошла открывать.

На пороге стоял Андрей. Внимательно посмотрев на меня, он сказал, обращаясь к Варе:

– Мне Леня велел взять все его документы. И бумажник, если он тут. Да, еще ключи от машины.

– Интересно, а сам Леня когда будет? – язвительно спросила Варя, собирая требуемое.

– Если сегодня вечером, то поздно. А может, завтра утром.

– Ну-ну... Передай ему: может вообще не являться! – Варя нервно сунула в руки Андрея пакет.

– Надь, проводи меня до лестницы, – попросил Андрей.

Я будто бы нехотя встала и пошла к двери. Варя хихикнула.

Андрей пошел по коридору, я – за ним. Когда мы дошли до лестницы и убедились, что Варя исчезла из поля зрения, Андрей порывисто схватил меня и прижал к себе. Потом с жалостью посмотрел мне в глаза и сказал: «Желаю тебе счастья».

– Это все? – спросила я.

Андрей крепко поцеловал меня в губы и выдохнул:

– Все.

Потом резко повернулся ко мне спиной и не оглядываясь вышел из подъезда.

– Ну, как? – смеясь, задала мне вопрос Варя, когда я вернулась в комнату. – О чем говорили?

– Ни о чем. Так, прощения просил... – я почувствовала убийственную усталость. – Ты не спрашивай меня всякие глупости, если хочешь, чтоб я тебе сочинение написала.

– Да пожалуйста!

Я села на кровать, скрестив ноги, прочитала эпиграф к сочинению, подумала: «Поплакать, что ли?» Чувствовалось, что слезы где-то рядом, но на улице было холодно, в комнате был дубак, и мое физическое брэнное тело промерзло настолько, что слез и взять было неоткуда.

– И черт с ним! – сказала я вслух.

Леня пришел ночью пьяный и завалился спать. Наутро стал спрашивать, где его документы.

– Допился! – сказала Варя. – Сам же за ними Андрея прислал!

– Отдала? – задерживая дыхание, просто так, зная ответ, поинтересовался Леня.

– Ну да. А что? – Варя поглядела на меня, ища поддержки.

– Надя... Вы отдали ему документы? Доверенность на машину? Мой бумажник? – Леня набрал в легкие побольше воздуха и заорал на весь дом:

– Ду-у-уры!

Варя забила мелкая дрожь, а я еле сдерживала ликование.

В этот момент в смежную стену громко стукнули и раздался нежный голос божьего одуванчика:

– Молодежь хренова! Ночами гуляют, утром орут! Заткнитесь наконец!

– Спи, бабусь! – ответил ей Леня и, рыча, со стиснутыми зубами, ушел, хлопнув дверью.

Ленки не было три дня. Варя плакала, курила бычки и голодала. Надо сказать, что материальное положение наше ухудшалось с каждым днем. Благоверный подруги в дом уже ничего съедобного не притаскивал, мою зарплату постоянно задерживали.

Но Варя нашла выход. Под предлогом того, что муж куда-то испарился, на второй день его отсутствия подруга яви-

лась к свекрови. Та осталась настолько довольной ее визитом, что подарила с ходу норковую шапку и новую шубу, правда, искусственную, накормила и дала денег.

Варя подружилась с Розалией Ильиничной. Ленька о дружбе жены и названной матери в известность не ставился.

Честно говоря, я начинала потихоньку ненавидеть Леньку. Во-первых, как-то раз, по пьяни, когда Варя дрыхла в двух метрах от меня, он пытался забраться ко мне в кровать. Во-вторых, когда Варя заболела, он просто смылся на неделю, оставив меня сиделкой около нее. Ну а в-третьих, он сам мне красочно рассказывал о своей любовнице, которой каждую неделю возит шампанское. Именно это шампанское меня возмутило до глубины души, хотя я, конечно, понимала, что Леня о-очень сильно преувеличил. Но даже если б он сказал, что возит к любовнице хлебные батоны, это не спасло бы его от того, что случилось далее. А далее случилось то, что я заложила его жене.

– Варя! Ты целыми днями одна, в доме жрать нечего. А Леня, кобель, все, что нашестерит, налево возит. Давай его выгоним и будем жить вдвоем, если не захочешь к матери возвратиться, – распиналась я, сопровождая свои обвинения конкретными фактами.

Варя плакала и кивала головой.

На третий день Ленька явился поздно вечером. Варя увела его на кухню, где они и поговорили. Минут пять. Дальше ее

благоверный вбежал в комнату с выпученными глазами и, театрально заорав: «Убью!» – кинулся на меня. Я швырнула в него табуреткой, извернулась и выскочила вон.

На улице было холодно, сыро и ветрено. «Куда идти?» – подумала я. И пошла на автобусную остановку. На остановке стояло два с половиной человека. Московское время светилось на соборной колокольне: 23 часа 49 минут.

М-да. Я присела на скамеечку и закурила. К маме? Нет. К бабушке? Ха-ха. В детстве я очень любила бабушку: иногда мама отдавала меня ей «поиграть», и я радовалась. У себя дома бабушка много чего мне позволяла: я выгребала вещи из ее кладовки, делала там кукольные домики, звала соседку снизу, и мы играли до одиннадцати вечера. Мне нравилось бывать летом на бабушкиной даче, ходить с дедушкой в лес. А потом бабушка отдалилась. Когда-то она пообещала прописать меня к себе в квартиру, но не сделала этого. Однажды, после ругани с мамой, я попросилась пожить у нее, но бабушка отказала, сообщив потом в приватной беседе матери: «Вдруг она у меня украдет что-нибудь?» В жизни ничего не крада. Разве что платье для куколки в детском саду, забытое кем-то на ступеньках лестницы... Смешно, а я после этого три дня не спала: все чудилось, что за мной милиция приедет... Нет. Нет у меня бабушки. Тетям-дядям я не нужна. Другие родственники – папины – далеко, и связь с ними совсем утеряна. Друзья... Друзья такие же, как и я, –

люди подневольные. Все с родителями. Объяснять им, что со мной происходит, мне не хотелось. Вспомнила Палыча. Можно было бы попытаться переночевать у него, но я знала, что сегодня он сделал какую-то шабашку и, пока не пропьет все деньги, не успокоится. Следовательно, сейчас он либо где-то пьет, либо беспробудно спит там, где «устал».

Ночлежек для бездомных в нашем городе пока еще не открыли.

Я не замечала, как выкуривала сигарету за сигаретой.

– Вы много курите, – раздался голос сзади.

Я обернулась. Все ожидающие, которых я видела, ушли. Решили, видимо, что легче поезда дожидаться. Передо мной стоял интеллигентного вида некрасивый человек лет тридцати, на глазах очки, на голове аккуратная классическая стрижка, в руках дипломат. «Наверно, маньяки именно так и выглядят», – подумалось мне.

– Не знаете, автобусы еще ходят? – спросила я сторонника здорового образа жизни.

– Сейчас должен «первый» пойти. А вам какой нужен?

– Мне все равно.

– Куда же вы едете?

– Еще не придумала.

– Интересно. А что у вас случилось?

Не зная зачем, я рассказала ему о Варе с Ленькой и о том, что произошло вечером.

– Зря вы все сказали его жене. Вот увидите, они помирят-

ся, а вы у них плохая будете, – назидательно рассудил незнакомец.

– Думаю, вы правы. Но я не собиралась этого делать, все как-то само собой получилось. Не надо было Варе причитать: «Где же мой любимый Ленечка, что же с ним случилось...» Меня прорвало.

– Я предлагаю вам поехать ко мне домой. Клянусь, что приставать не буду, – неожиданно предложил мужчина.

– Может, сначала скажете, как вас зовут?

– Павел Семенович. Паша. А вас?

– Надя.

– Хорошее имя.

Вдали показался автобус.

– Вы едете со мной? – заторопился Паша.

– А вы не маньяк? – сама чуть не засмеялась от вопроса.

Паша, смеясь, быстро вынул из кармана паспорт, развернул его и дал мне в руки.

Автобус подошел к остановке, остановился, открыл двери и закрыл, поглотив нас.

Квартира Паши оказалась довольно милой и уютной. Женщиной в ней не пахло.

– Есть хочешь? – спросил меня Паша, как только я влезла в его домашние тапки.

– Хочу, – не задумываясь ответила я.

Паша открыл холодильник. Ничего себе! Столько и такой

еды я давно не видела. «Может, я стоящего кадра подцепила?» – игриво подумала я.

«Стоящий кадр» в это время накрывал стол: апельсины, шоколадные конфеты, ликер...

В углу холодильника я увидела пельмени. Робко попросила: «Давай отварим...» Отварили. Наелись. «Ну, все. Сейчас приставать будет. Боже мой... Вдруг извращенец какой-нибудь?»

Он ушел застилать кровать, я медленно допивала чай, оттягивая время.

– Ты идешь спать? – раздался крик в мой адрес спустя несколько минут.

«В самом деле, ну не всю же ночь, как дуре, на кухне сидеть», – сказала я себе. И вошла в комнату.

– Ты будешь на кровати спать, а я – в кресле. Укладывайся, я не смотрю, – скомандовал Паша.

Сильно не раздеваясь, легла. Паша тоже лег и потушил свет.

Немножко помолчали. Я лихорадочно соображала, как бы прояснить все неясности. Делано смеясь, спросила в темноту:

– Ты на меня набросишься, когда я усну?

В темноте раздался вздох и прозвучал ответ, который вселил в меня еще больше тревоги:

– Я импотент. Спи спокойно.

Уткнувшись в подушку, подумала: «Точно маньяк. Ниче-

го не может и поэтому убивает людей, когда они спят. Может, и в еду мне чего-нибудь подмешал. Не пора ли делать ноги?»

– Почему импотент? – не удержалась и спросила я. Ну день выдался такой, чтобы дурацкие вопросы задавать. Поздно уловив себя в нетактичности, добавила:

– Впрочем, можешь не отвечать.

– Почему же, отвечу. Жена мне изменяла всю нашу совместную жизнь, а прожили мы с ней немало: двоих детей сделали. Любил ее, и детей до сих пор люблю – хотя неизвестно, мои ли. Может, моего лучшего друга, с которым она встречалась. Ну, застучал я их, поругался, подал на развод, ушел к родителям жить. По детям стал скучать страшно. Подумал: фиг с ней, поговорю, прощу и будем жить по-прежнему. Я ж думал, она случайно, один раз мне изменила. Явился к ней. А как стали разговаривать, тут-то все и выяснилось. Сказала она мне, что всю жизнь со мной не жила, а мучилась, что друга моего любит, а со мной притворялась. Послушал я ее, да и стукнул легонько об стену. Смотрю: стена в крови, жена – без чувств. Все, думаю, убил. Слава Богу, что дети в школе были...

Паша замолчал.

«Раз он сейчас со мной разговаривает, то его не посадили. Раз не посадили, значит, не убил», – прокрутилось у меня в голове.

– Потом, – продолжил Паша, – накинул я веревку на дет-

ский турник и повесился. А спустя какое-то время очухался в больнице. Шея синяя, опухла, глотать невозможно. Как оказалось, жена пришла в сознание и скорую вызвала... Три месяца назад это было. С тех пор и импотент. Даже желание отсутствует.

– М-да, – протянула тихо я, – хорошая у тебя жена была. В темноте было слышно, как тикают часы.

– Вообще-то я не зацикливаюсь на этом, у людей бывают проблемы и пострашнее, – Паша, казалось, утешал себя.

– Слушай, а когда ты с петлей на шее потерял сознание, видел что-нибудь?

– Ничего не видел. И все, что говорят о загробном мире, – неправда. Нет его. Нет ни черта, ни Бога.

– Может, ты потому ничего не видел, что смерть выбрал неправильную. Мало того, что самоубийство, так еще и через повешенье, как Иуда.

– Да я не думал об этом тогда...

– Если бы я захотела свести счеты с жизнью, то, наверное, прыгнула бы с девятого этажа, – нервно хихикнула я.

– Нет, ты плохо придумала, – хмыкнул Паша. – В гробу каша лежать будет.

– Зато полетаю. А то жизнь – жестянка, ну ее в болото...

Наутро я проснулась живая, здоровая и невредимая. На журнальном столике рядом с кроватью, где я спала, стояла чашка с кофе.

– Давай быстрее ешь, а то я на работу опоздаю, – сообщил Паша, внося тарелку с бутербродом и двумя конфетами «Белочка» сбоку. – Впрочем, если хочешь, оставайся и живи у меня.

Ну надо же! Прямо как в любовных романах! «Принц» только с проблемами, и коня нет.

– Ладно, – кивнула я. – Сейчас мне на работу надо, а в остальном – я подумаю.

– Да. Подумай. А я к тебе зайду на днях. Где ты живешь, я знаю.

Паша проводил меня до остановки, и мы разъехались в разные стороны.

Писательские и художественные наклонности

В то утро мы Ленькой помирились; Варя я сказала, что все напридумывала. Ленька великодушно простил меня и смылся «по делам». Когда я с подругой осталась наедине, она колко спросила:

– Придумала?

– Ну конечно, – ехидно кивнула я.

– И в постель он к тебе никогда не лез?

Моя рука, заносившая чайник на газовую плиту, невольно остановилась. Варя могла узнать об этом только из двух источников: от Леньки и из моего дневника, который я тайно веду с девятого класса. Лучше бы она узнала об этом от Леньки. Я внимательно поглядела на Варю и поняла, что мои худшие подозрения подтвердились.

– Откуда? – зная ответ, спросила я.

– Да, Надечка, оттуда...

– Ты прочитала весь?

– Весь. Но не бойся, я никому ничего не скажу. Кроме того, мне там многое неясно: ты великая шифровальщица.

– Варя, он сам лез! И ничего не было! Ты мне веришь?

Варя потерла лоб:

– Верю, разумеется. Ты меня никогда не обманывала.

Видя мое нарастающее удрученное состояние, Варя обня-

ла меня и предложила:

– Давай считать, что я ничего не читала. А насчет Ленки... Ты моя лучшая подруга, я это знаю. Как и то, что он шляется. Но люблю я его, понимаешь?

После того как мы с Варей попили чаю, она стала мыть посуду, а я пошла на работу. Перед тем как уйти, нырнула незаметно в комнату и достала из съеденного молью валенка дневник. Это была зеленая толстая тетрадь в клеточку. Я быстро сунула ее под кофту и выскочила в общий коридор.

– Пока! – махнула Варе рукой, проходя мимо кухни.

– Ты опаздываешь! – донеслось вдогонку.

Я вышла на улицу и побежала в сторону полуразрушенных сараев, стоявших неподалеку. Там был тупик, скрытый от посторонних глаз, и стихийная помойка. Я дошла до того места, убедилась, что меня никто не видит, достала зажигалку и тетрадь. Ночью шел снег, под утро он прекратился и подул пронизывающий ветер. Зажигалка не хотела высекать огонь, а листы упрямо не желали загораться. Мои пальцы закоченели, я дула на них и продолжала бесполезные попытки уничтожить компромат. Тетрадь от ветра разложилась веером, и я увидела стихи, недавно написанные. Мне стало жаль уничтожать все, и, вырвав несколько страниц и сунув их в карман куртки, я изорвала остальные на мелкие кусочки и кинула на землю. Потом взяла грязную палку и, найдя на помойке пакет с обедками, подтянула его к себе и высыпала

на кусочки бумаги.

Вечером пили за встречу, примирение, согласие и мир во всем мире.

Компания собралась обычная: я, Ленька, Варя и Романов. Хорошо выпили. Вдруг раскрасневшийся Ленька стал привязываться:

– А мне Варя сказала, что у нас Надя – писатель.

– Писает? – заржал Романов.

– Писает, писает... А мы, читатели, просим почитать. Хоть что-нибудь... трахательное! – Ленька карикатурно выгнулся и нечаянно расплескал водку.

– Да отвянь ты! – дернула его Варя.

Спиртное шибануло мне в голову и придало смелости. Я, как заправский оратор, встала и с пафосом произнесла вступление:

– Книгу, претендующую на Нобелевскую премию, я пыталась сжечь. Но рукописи не горят! И сегодня побалую вас поэзией.

– Давай, давай! – загоготали Романов с Ленькой, а Варя растерялась.

Я залезла в карман куртки и вынула измятые тетрадные листы:

– Прошу внимания!

Наступила относительная тишина.

– Про любовь! – отчеканила я.

Наверное, любовь прекрасна.
Наверно, что-то неземное
Должно проникнуть в человека,
Чтоб чувство испытать такое.

Я бы могла коснуться краем
Души своей такого чувства,
Но ты и я... Мы твердо знаем,
Что годы детства не вернутся.

– Клево! Давай еще! – захлопали в ладоши Романов с Варей, а Ленька загрустил.

– Слушайте еще. Притча. – Я глубоко вдохнула.

Спешу домой. Вдруг эта ночь
Меня на улице застала.
Она, разлуки, грусти дочь,
В глаза взглянула мне устало.

Тоска на плечи мне легла,
Окутав холодом тревоги.
Я глянула – кругом зола
И пепел на моей дороге.

Я оглянулась – всюду мрак.
Звезда с небес и то укрылась.
Я крикнула: «Не надо так!»
Ночь усмехнулась, зарезвилась.

Смеясь, сказала мне: «Смотри,
Вон там, вдали, огни мерцают.
Там три свечи, и сердца три
Тебя, быть может, поджидают.

Одно из них – сестра твоя,
С пеленок ты за ней ходила.
Другое – мать, она тебя
Когда-то жизнью наделила.

А третье – милый твой отец,
Наставник, добрый твой учитель.
Иди туда, чтоб наконец
Найти тебе свою обитель.

Иди же, время не тяни».
Тотчас последовав совету,
Я побежала на огни
Навстречу маленькому свету.

Мой путь так долог, так жесток,
Но вот стою я у порога:
«Тук-тук, пустите в свой мирок,
Длинна была моя дорога.

Мне одиноко, я дрожу,
Мне холодно, прошу, пустите,
Я долго в темноте брожу,

И если было что – простите».

Но что я слышу... Мать: «Она
Нас предала, позором крыла!
Мы знаем: в темноте она
Одна по улицам бродила!»

Отец: «Простим ей этот грех...
Она, конечно, недостойна...
Ведь, отказавшись от утех,
Гуляла с мраком непристойно».

Сестра заплакала. Она
Родителей своих любила,
Но в то же время я – одна,
И ей меня так жалко было...»

Я закричала. Нет тех слов,
Какими можно оправдаться,
Когда бываешь не готов
Святым и праведным казаться.

«Ведь не нарочно, не со зла, —
Сказала я, – так получилось...
И если б знала и могла,
Такое б вновь не повторилось...

Я шла домой, сюда бежала,
Надеясь, что поймут меня,

Вдруг темнота врасплох застала,
Исход спокойствия и дня.

Я вас звала. Где были вы?
В каком вы месте находились?
Я так ждала, чтоб силы тьмы,
Лишь вас завидев, расступились...»

Моих упреков не желая слышать,
Родители закрыли дверь
Не только в дом. В свои закрыли души.
И правда это. Мне поверь.

С тех пор я не боюсь ночей,
Я лишь гляжу сквозь них устало.
Я – дочь тоски, мой дом – ничей,
На мне тревоги покрывало.

После этого стихотворения мне никто не захолопал. Романов, восхищенно уставившись на меня, произнес:

– Ну, ты даешь! У меня знакомый корреспондент есть, он махом эти стихи напечатает! Чур, гонорар вместе со мной пропивать!

– Да кому нужны такие похоронные стихи! И хорош нас своей поэзией травить, а то совсем настроение испортишь! – огрызнулся Ленька.

– Давайте выпьем за хорошее настроение! – заорал Романов.

– Я посплю, пожалуй, – промямлила Варя и повалилась на диван.

– Вот, Надя, дочиталась. Из-за тебя мы потеряли человека. Варю-у-у-ха! – заблеял Леня, безрезультатно тряся подругу. Потом потерял к ней интерес и скомандовал:

– Наливайте.

Дни шли, и с деньгами становилось все хуже. Варя не могла найти хоть какую-нибудь работу. Леня сказал, что его кто-то послал куда-то, и смылся, как мне показалось, точно по адресу. Срочно надо было что-то делать. Что я умею? Так... Везде и всюду, на углу каждого дома, рядом с объявлениями сектантов о том, что конец близок, наклеены красочные бумажки с предложениями работы симпатичным женщинам. Заманчиво, но... От проституции пока воздержусь. Варя, когда прикидывала в уме варианты, изрекла по этому поводу: «Мне еще жить с собой». Так... Умею рисовать. Не профессионально, но все же... А кому сейчас нужны картины? Никому.

Тем не менее на покосившемся остановочном столбе я прочла интригующее объявление: «Набираются люди, умеющие рисовать. Достойная оплата».

Явилась по адресу, указанному в объявлении. Оказалось, надо писать иконы: у зажиточных людей в Москве шевелились деньги и, по всей видимости, погибала совесть. Деловитый мужик выдавал таким же «художникам», как и я, загрун-

тованные дощечки и объяснял, какие иконы и откуда надо списывать. Назначил встречу через неделю в то же время.

Два дня срисовывала икону «Георгий Победоносец убивает змея». Получилось неплохо, на мой взгляд. Отнесла. Мужик забраковал.

– Знаете, – сказал, – лик у него не божественный. Потрудитесь еще немножко.

– Ладно, – говорю, а про себя думаю: «Перед тем как икону написать, месяц поститься да причащаться надо, чтоб лик божественный был. А ты хочешь за неделю у подмастерья святую вещь получить. Потом, может, еще и молиться на нее будешь, болван».

Всю следующую неделю трудилась над ликом. Безрезультатно. Глядя на мои мучения, Палыч предложил свои услуги:

– Давай, выпишу тебе эту рожу, что ли...

И выписал, с первого раза выписал! Здорово получилось. Только подумала я, что больно много возни с ней было, а заплатят копейки. Подумала – и не понесла заказчику. Себе как сувенир оставила.

Спустя какое-то время Палыч вдруг выдал:

– Когда отдашь мне причитающуюся долю?

– За что, Палыч? – удивилась я.

– Как за что? За личико!

– Ну ты даешь! И почему оцениваешь?

– Половину того, что ты должна была получить.

– Того, что должна была получить, не хватило бы и на бу-

тылку.

– Ну, налей мне стакан.

Удивлял иногда меня этот Палыч. То душа нараспашку, то вдруг такой жмот памятный. И ведь если втемяшилось ему в голову, что в каком-то месте спиртное раздобыть можно, не успокоится. Значит, и мне не обойтись, чтоб не налить ему. Развиваю дипломатию:

– Палыч, ну откуда у меня сейчас деньги? Вот когда дадут нам зарплату, тогда и выпьем на двоих.

– Я сейчас выпить хочу. Когда дадут, тогда я и сам за самогонкой схожу, – не унимается «компаньон».

– Мне сейчас даже в долг не взять, у всех знакомых заняла, сколько можно, – отстаиваю позицию.

Палыч оживает:

– Давай я у своих попрошу, а ты скажешь, что с полочки отдашь, а?

– Да у кого ты спросишь?

– Да к Лидихе сбегая, ты только подтверди мои слова!

Лидихой именовалась жирная старая баба, впрочем, вполне ухоженного вида, в доме напротив: у нее всегда была дрянная самогонка в заглашнике.

Что мне оставалось делать?

– Беги, – говорю.

Наклюкались мы с Алексеем Павловичем вусмерть. Он попросился переночевать рядом со мной на полу. Я согласи-

лась, и мы поползли в сторону нашей комнатенки.

– А знаешь, Надюха, – вдруг вспомнил Палыч, – я ведь позавчера со знакомым редактором газеты пил. Ну, не так чтоб пил, а так, чуть выпил. Этот Смелов, редактор, много пить не может – язва у него. Вот раньше – мужик что надо был! И умный!

– Короче, Палыч.

– Короче, я сказал ему, что ты – гений. Он попросил что-нибудь для публикации. Да! И паспортные данные.

– А ты не врешь?

– Чтоб я сдох, если вру.

– Палыч, ты и так когда-нибудь сдохнешь. И я сдохну. Вопрос в том, помрем мы честными людьми или нет.

– Я помру честным. А ты придешь ко мне на похороны?

– Ну, если ты приглашаешь...

Мы обнялись, и Палыч хлопнул меня по плечу:

– Классная ты девка! Эх, быть бы мне помоложе и не пить!

– Так не пей.

– И тогда ты за меня замуж выйдешь?

– Мы ж честные. И я тебе честно отвечу: ни-ког-да!

– Ну, тогда стишок на память подари. А я Смелова попрошу, он все для меня сделает, он...

Мы подошли к нашей хибаре, и я постучала. Открыла Вара:

– Алкоголики, пьянь несчастная...

Мы с Палычем заржали и повалились спать: я на свое

узенькое ложе, а он – рядом на пол. А Варюшка чего-то всю ночь ревела.

Мешала спать, глупая...

Стишки мои напечатали на последнем листе городской серой газетенки. Я купила таких три штуки и с грустью подумала о том, что эти газетки для того, чтоб заворачивать в них что-нибудь. Кто их читает? То ли дело в том же киоске лежащие рядом толстые эротико-порнографические газеты! Вот они – популярны! На гонорар, который мне выплатили, я смогла бы купить два издания такой похабщины. Или один стакан водки.

В один из дней, придя после обеденного перерыва на работу, увидела папу. Он сидел за моим столом и играл с Романовым в шахматы.

– Я к тебе в гости, Надь. Можно? – не отрываясь от партии, спросил отец.

– Конечно. Я рада тебя видеть. Как там Даша?

– Нормально.

– Может, бухнем за встречу? – словно невзначай, поинтересовался Романов.

– Не на что, – огрызнулась я.

– Давайте я куплю, – предложил папа. – Посидим. У меня сегодня отгул.

Против никто не был. Купили бутылку и круг ливерной

колбасы.

Посидели. Потом еще посидели, и еще. Говорили ни о чем: о шахматах, картинах, погоде... Когда посиделки закончились, мой папа был в таком невменяемом состоянии, что мы с Романовым решили проводить его до дома.

Мы всю дорогу держали его под руки и остановились за два подъезда до нужного.

– Ну, все, пап, – сказала я. – Иди домой, тебя сейчас ругать будут.

Папа встрепенулся:

– Наплевать. Она иначе не может. Что за женщина!

И тут он всхлипнул:

– Надя, прости. Прости, Надя...

– Пап, да ты что? – удивилась я.

– Прости. Я знаю, что она тебя погубила, а я ничего не сделал. Я хотел, но не смог... Понимаешь, жена все-таки дороже, да и Дашенька еще есть... Она и ее хочет погубить, но я ей не дам... Прости, Надя... – он заплакал.

Я второй раз в жизни увидела, как плачет папа. Первый раз был, когда умер его лучший друг. Заплакала тоже.

Мы с отцом поцеловались, и он пошел домой.

Этот день, пожалуй, стал точкой отсчета в папиной болезни, предрасположенность к которой выказывалась ранее. Обычная болезнь – алкоголизм.

Точка

Иногда находит на людей затмение, и становятся они вроде как и не они вовсе. Что-то совершают, продумывают, как-то живут, – и не один месяц, год, – а года. И только потом, по прошествии какого-то отрезка времени люди оглядываются назад и ужасаются: «Неужели это было со мной? Неужели это я? Неужели это было моей жизнью?» Но в тот момент, когда их чувства и разум затемнены, они не видят иной жизни, иного жизненного измерения и думают, что судьба их давно предрешена и неизменна.

Так думала и я. Беспросветность, безработица, безденежье, бессилие в конце концов подавили меня. Все вокруг стремительно обесценивалось, «обесчеловечивалось».

Иногда, когда очень хотелось есть, я была готова обокрасть, избить, возможно даже убить. Я никогда этого не делала, но была готова. Почему я должна жалеть других, когда меня никто не хотел пожалеть? Я, как бездомная собака, скиталась из одной конуры в другую; облизываясь, смотрела на витрины с шоколадом и копченой колбасой, думая о том, где бы ухватить кусок хлеба; преданно смотрела в глаза подонкам, надеясь обрести защиту и поддержку, – и я должна жалеть людей? Почему я не украдала, не отняла, не обманула? Почему? Где-то я читала, что совесть – это голос Бога. Видать, Господь говорил со мной, и совесть не покидала меня.

Я уничтожала себя, но поднять руку на ближнего – не могла. Бориса собиралась убить, но, думаю, не смогла бы... За себя не смогла бы... Вот, упаси Бог, если бы к Дашеньке кто так пристал – не раздумывая бы убила.

Однажды в пьяную компанию, где я случайно «зависла», зашла вполне симпатичная девушка. Я бы могла сказать даже – свежая, если бы не ее чересчур сухая кожа лица и пальцы на руках с желтоватым оттенком. С ней был ребенок: девочка лет четырех. Малышка забралась в угол и сидела там не шевелясь. Один из собутыльников шепнул мне, что девочку эту год назад изнасиловал сожитель родной мамыши и что девочка эта полгода назад выписалась из психушки. У нее разорван желудок и никогда не будет детей.

Я не успела выйти из-за стола. Меня вырвало.

По прошествии какого-то времени я поняла, что со мной что-то не так. Постоянная слабость, головокружение... Все это было у меня и раньше от вынужденной непрекращающейся «диеты», но теперь к этому добавилось и отсутствие месячных. «Беременная», – подумала я в первый месяц задержки и впала в странное оцепенение. Понимая, что надо срочно что-то предпринять, сделать какой-то выбор, я бездействовала. В таком ожидающем состоянии, ничего не меняя и не делая, я прожила второй, третий месяц. В конце концов в одно прекрасное утро я собралась с силами и подумала. «Так. Может, и женится, да только как я с ним жить

буду? И пила... Если ребенок больной? Но даже если здоровый, что я смогу ему дать? Боже... Убивать грех... Но и дать ребенку такую жизнь – преступление...»

Аборт явился мне разумным и единственным выходом. Я заняла денег и записалась на операцию в платную больницу, где не требуют никаких справок и объяснений.

Через день взяла административный и отправилась на «лечение».

Больница находилась едва ли не в центре города: задрипанное красное кирпичное здание, постройка дореволюционных времен. Вероятно, с тех же самых времен и не ремонтировавшееся. Вывалившиеся из стен кирпичи лежали, придвинутые к главной лестнице, и словно предупреждали прохожих: «Не подходи, убьет!»

Я предупреждению не вняла и вошла. И уткнулась в длинную очередь из женщин. Встала позади, ничего не спрашивая. Очередь быстро продвигалась, поднимаясь по ступенькам и проталкивая меня вперед. Наконец передо мной оказались двери приемного отделения. Вошла; две женщины протянули мне ручку и бумагу. Я что-то подписала. Мне приказали следовать в палату.

Почти сразу же началась резня. Я никогда не видела, как забивают скот, но теперь, думаю, имею об этом представление.

Дело было поставлено на поток: заходишь, лезешь на кресло, люди в белых халатах укалывают, убивают, расчле-

няя, ребенка и везут несостоявшуюся мамашу в палату. Дверь в операционной не закрывалась.

Мастерство врачей я созерцала, стоя в коридоре, не имея сил, несмотря на приказание медсестры, уйти в палату. Мимо меня на каталке провезли молодую женщину с согнутыми в коленях, окровавленными ногами. Наверное, не нашлось лишней простыни, чтобы укрыть ее.

Мне стало плохо: перед глазами заплясали синяя плитка на стенах операционной и яркий, нестерпимый свет.

Не помню, как я очутилась в кресле. Самоуверенная, сильная женщина-врач сказала другой, поменьше ростом и послабее силой: «Беременность две недели». «Это они про меня?..» – подумала я. Та, что поменьше, кивнула и завязала жгутом мою правую руку. Значит, про меня... Тут в моих мозгах немножко прояснилось, и снизошло озарение: я не могу быть беременной две недели, а значит, и беременности никакой нет! Мне захотелось сказать им об этом, но от ужаса пропал голос. Игла уже вошла в вену, обжигая ее, а я не могла выговорить и слова. Тогда я изо всех сил дернулась, и шприц вылетел из рук врачихи. Она матерно выругалась, моментально достав откуда-то новый наполненный шприц, и, с остервенением вогнав его в прежнее место, резко влила всю дозу наркоза.

Я провалилась в какую-то жижу: зловонную, черную, с цветными вкраплениями. Меня мутило, я задышалась, пытаюсь выбраться из нее. Раздавались какие-то неясные голоса,

крики, шепот. Вот он, вот он, этот огромный сгусток зеленой слизи, стремящейся поглотить меня! Мама! Люди! Кто-нибудь... Господи! Темнота и грязь засасывали меня, обнимая так крепко, что терялась возможность дышать... Это ад.

Спустя какое-то время очнулась с твердой уверенностью, что умерла и нахожусь на том свете. Оглядываясь и видя палату, я предположила, что и на том свете есть больницы. Тут пришла расплывчатая врачиха и заговорила о том, что зря меня сюда принесло. Что со мной что-то не в порядке, возможно, – истощение организма, но это не по их части. И что если ничего не изменится, то недели через две надо бы лечь в другую больницу на обследование.

Не понимая, о чем она говорит, я попыталась встать с кровати. Оказалось, мне мешает грелка со льдом, положенная на живот. Я потрогала грелку рукой и ощутила холод. Только после этого до меня дошло, что я живая.

Как я пришла домой – не помню. Помню только, что меня машины на дорогах объезжали. Пришла. Легла. Началась ломка. Руки и ноги выкручивало, выворачивало наизнанку. Казалось, наступил конец света. Меня трясло, рвало, я не могла согреться. Куда бы ни обращала взгляд, всюду мерещилась синяя и яркая до боли кафельная плитка. Слышался какой-то противный шепот из всех углов комнаты.

Мне захотелось срочно с кем-нибудь поговорить, чтоб почувствовать, что я живая, но никого рядом не было.

И тут меня охватил жуткий страх такой силы, что трудно

стало дышать.

«Господи! За что, ЗА ЧТО со мной все это! У других есть семья, прекрасная обеспеченная жизнь, любовь, гармония, счастье... Почему я живу в этом ужасе, испытываю такие унижения, такую боль? Что со мной не так? Я ведь поздно, но уверовала в Господа, я молилась, когда мне было тяжело, я и сейчас вспоминаю Его, чего многие не делают, так почему же мне так плохо? Нет... Нет, не может быть, чтоб я была им оставлена... Он всех любит...»

Мысли мои принимали неожиданный оборот: «Значит, – подумала я, – это не Он меня оставил, а я Его». И тут воспоминание озарило меня: церковь, ограда, и я, плюющаяся и злая. Я отказалась от Бога, а не Он от меня! Он, по милосердию своему, помогал мне и после ЭТОГО, а я не раскаялась! Боже!

Трясаясь всем телом, я встала с кровати и подбежала к коробке, где лежал всякий хлам, не вынутый с переезда. Судорожно раскидывая тетради, ленточки, карандаши и прочее, я добралась до сломанной шкатулки, где хранилась вышедшая из моды дешевая бижутерия; выхватила из нее алюминиевый крестик и поцеловала его. Потом без перерыва забормотала вслух «Отче наш», опустившись на колени.

Страх понемногу отступил, а мысли стали приобретать ясность.

«Да, это я отреклась от Бога, а не он от меня. Я осудила всех, возненавидела мать, оставила сестру... Я думала толь-

ко о себе... Я мстила всем за то, что они меня сделали такой! Но как я могу осуждать их, а тем более роптать на Бога, если сегодня чуть было не совершила самое ужасное, что может сделать человек! Я хотела убить невинного ребенка! Но Бог оградил меня саму от себя... Боже, Боже...»

Кто-то будто толкнул меня в спину, и, уронив голову на колени, я закричала во весь голос:

– Прости, прости, прости меня, пожалуйста!

Комната постепенно стала приобретать свойственные ей очертания: мне уже не казалось, что в окна бьет яркий синий свет, а в углах кто-то шевелится и шепчет.

В этот момент послышалось звяканье отпираемого ключами замка. В комнату вошла Варя. Увидев меня, она окочалась у порога:

– Надь, ты что?

Я заплакала.

– Надя, да что с тобой? Все благополучно? У тебя что-нибудь болит? – Варя подошла и попыталась поднять меня.

– Варя, подожди... – я остановила ее руку, – ты пойми, Варя: мы не так живем. Мы не должны так жить, это неправильно...

– Черт, да что с тобой! – видно было, что Варя начала бояться меня. – Говори толком, что случилось, что мне сделать, чего ты хочешь?

Я судорожно проглотила воздух и зарыдала:

– К маме хочу!!!

Никогда – ни до, ни после этого – я не видела у подружки такой физиономии. На Варюхином лице образовалась сложная гамма чувств, под конец сменившаяся одним выражением: уверенностью в полном моем сумасшествии.

Варя растерянно попятилась назад, скрылась за дверью и вернулась вскоре со стаканом воды:

– Попей, что ли... Знаешь, Наденька, давай по-нормальному поговорим, ладно? Сядь на стульчик, подожди меня... Я сейчас макарон подогрею, поедим... Я знала, что тебе плоховато после аборта будет, так смотри: я сто грамм колбасы купила, пошикуем... Хочешь колбаски? Давай покушаем, чайку попьем... Это все оттого, что ты сто лет не плакала. А ты поплачь, легче станет.

Варя усадила меня на стул. Я, снова пугая ее, засмеялась:

– Зря ты, Варюш, колбасу покупала. Не делала я аборт! Бог миловал! – и дальше, понемногу овладевая собой, рассказала ей все. Она меня обнимала, гладила по спине и, не понимая, что такое произошло в моей жизни, плакала вместе со мною.

Часть третья

Остановка

...Если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог, потому что Бог больше сердца нашего и знает все.

Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова. Гл. 3, 20

Захар

Да, я поняла, что надо измениться, начать новую жизнь. Но я плохо представляла себе, с чего ее начинать. Прежде всего, как мне казалось, следовало вырваться из нищеты и «обелить» репутацию, а потом наладить отношения с родными. Главным стал вопрос: в какой момент и при каких обстоятельствах легче вырваться?

Естественно, в голову пришел самый легкий вариант — подцепить мужчину и хотя бы временно опереться обо что-нибудь, что есть у него.

Однако время было такое, что подпорки требовались и настоящим мужчинам. Одни из них быстро нищали, другие занимались сомнительными аферами, а некоторые молодые парни уезжали куда-то за деньгами и возвращались домой

в цинковых гробах. Знакомому менту повезло: он вернулся из командировки в Северную Осетию. Все без объяснений знали, что ездил он воевать в Чечню, где воюют с момента распада Советского Союза. «Осетинец», вернувшись в родной город и продолжив работу в органах правопорядка, рассказывал, что много вызовов в милицию по самоубийствам. Причем сводили счета с жизнью чаще всего мужики.

– Бедные, – говорил Осетинец, – и так-то им тяжело, а еще жены – стервы такие. Все денег им подавай. Пилят, пилят мужика, а он молчит, все в себе копит. Потом – бац! Напился и кувырнулся с балкона.

– Может, он не специально, – поддерживала я разговор.

– Ну да. А перед этим не специально предсмертную записку написал.

Мне захотелось спросить, не в стихах ли записка была, а также добавить, что пить надо меньше. И что у женщин проблем не меньше, но больше ответственности... И много еще чего... Но Осетинцу нельзя было всего этого говорить, так как после командировки, из-за которой он получил прозвище, у него периодически сносило башню. Он хватался за тяжелые и острые предметы, а также устраивал засаду, пытаясь ликвидировать противника. Осетинец знал за собой этот недостаток и потому был бдителен, не пил и заводил «спокойные» знакомства.

Я не смогла примириться с его недостатком, и мы расстались.

Пару раз свои услуги по моему спасению предлагал Паша-импотент. Я со всей серьезностью подумала о том, как долго смогу быть ему подругой, и, придя к неутешительному для него выводу, честно во всем призналась. Паша исчез из моей жизни.

Иногда попадались женатые мужчины. С ними я встречалась один-два дня, кушала и выпивала за их счет, после чего безжалостно расставалась. Во-первых, все они были жмотами, во-вторых – трусами, а в-третьих, мне просто надоедало слушать заезженную до дыр пластинку о том, как они плохо и только ради детей живут с женой.

И вот на этом фоне нарисовался Захар. Я познакомилась с ним на танцах, куда нас с Варей занесло в Ленкино отсутствие. Я получила зарплату за два месяца – четыреста тысяч рублей (из которых истратила триста пятьдесят на кофточку и штаны), и мы намеревались прогулять оставшееся. Свободных столиков не было, и мы попросились подсесть к трем ребятам. Один из них был красавчик, другой – говорливый и беспрестанно улыбающийся, а третий – нескладный, прыщавый, с выпирающей вперед челюстью, одним словом – страшный. Страшный и тихий. Варька села на единственный свободный стул между красивым и говорливым, а я осталась стоять, озираясь в поисках посадочного места. Тут страшный встал и предложил мне сесть. Я села, а он встал рядом. Выпили. Познакомились. Выпили еще. Мне стало неудобно

оттого, что он стоит.

– Давайте поделим стул, – предложила я. – Мы оба не толстые. Ну, не очень, – добавила я, взглянув на его фигуру медведя. – Уместимся.

Он кивнул и смущенно присел на краешек.

Заиграла медленная музыка. Красавчик Мишаня облапал Варю и пригласил на танец. Артем – говорливый – стал протягивать ко мне руки и с умильной харей причмокнул губами:

– Потанцуем?

Мне стало противно.

– Нет. Я с Захаром танцую.

Захар встал и, поклонившись, подал руку.

Впервые за долгое время я вспомнила детство. Мы танцевали так, как я танцевала ребенком в пионерских лагерях. Руки девочки на плечах мальчика, руки мальчика на талии девочки. Руки вытянуты, глаза опущены, ноги топчутся в торжественном молчании. Танец так и назывался – пионерский».

«Да он ребенок!» – подумалось мне. И тут же захотелось выкинуть что-то такое, чтобы он засмутился до кончиков волос.

«Я сяду к нему на колени», – подумала я.

Танец кончился, мы подошли к столику.

– Мне неудобно. Можно, я сяду к вам на колени? – тихо предложила я.

Захар покраснел и согласился.

Весь вечер я просидела у него на коленях, а он нежно, боясь прикосновения, придерживал меня за талию.

Танцы закончились около двух ночи, и мы пошли «продолжать банкет» на дом к красавчику. Там еще выпили и разбрелись по его трехкомнатной квартире. Варя уединилась с Мишаней. Артем, когда я его грубо оборвала на десятом анекдоте, с горя напился и ушел спать, а мы с Захаром остались сидеть на кухне. Водка уже не лезла в горло.

– Может, потанцуем? – предложила я и включила магнитофон. Из динамика полилась приятная мелодия:

Ты забудешь вопрос, но я помню ответ,
Друг без друга мы не умрем.
Светом утренних звезд наш последний рассвет
Позовет нас, и мы начнем...

Танцы вдвоем, странные танцы.
День переждем, не будем прощаться.
А ночью начнем странные танцы...⁴

Захар встал, привлек меня к себе и повел в танце. Удивительно! Он танцевал как профессионал!

– Ты что, учился этому? – спросила я.

– Да. У меня музыкальное образование. И хореографию нам тоже преподавали.

⁴ Песня «Странные танцы» группы «Технология».

Мне захотелось показать, что и я не чужда прекрасному:

– А я в художественной школе училась.

– Что ж. Нарисуешь мне потом что-нибудь, – отозвался он и вдруг прижал меня к себе и поцеловал. Это был самый прекрасный поцелуй из всех, что я знала!

Никто не поверит, но той ночью мы танцевали и целовались, целовались и танцевали... до утра.

И ничего больше.

А утром, часов в шесть, из ванны донеслось Варино пение:

Ты отказала мне три раза,

«Не хочу», – сказала ты.

Вот такая ты зараза,

Королева красоты...⁵

Вероятно, она выучила наизусть только припев, так как все куплеты заменяла горловым бульканьем воды.

– Домой пойдём? – показала её физиономия в проеме. – Я Мишане не дала, он ужрался вусмерть и заявил, что провожать не пойдет. Кроме того, он женат.

– Я провожу, – кивнул Захар на мой немой вопрос.

Мы втроем выпили по чашке чаю, немного прибрались и пошли обуваться.

– А Артем что делает? – просто так поинтересовалась я.

Варя и Захар пожали плечами, я махнула рукой, и мы вы-

⁵ Песня «Зараза» Л. Милявской и С. Цекало (кабаре-дуэт «Академия»).

шли.

Когда мы добрались до нашей хибары, Захар оглянулся вокруг.

– Вы тут живете?..

– Да. Снимаем комнату.

– А можно...

– В гости сейчас нельзя! Я спать жутко хочу! – закричала Варя из темноты подъезда.

– Я сейчас и не набивался... – замялся Захар. – Я тоже спать хочу. Можно, я потом как-нибудь в гости зайду? Скажем, завтра?

– Можно.

– На чай.

– Можно. Только у нас к чаю ничего нет. И заварки тоже нет.

Из подъезда вышла Варя с кастрюлей:

– И воды тоже нет. Я на колонку.

Все засмеялись.

– Ну, так я приду, – кивнул Захар и пожал мне руку на прощанье.

На следующий день он действительно пришел: с конфетами, печеньем, заваркой и трехлитровой банкой воды. И в последующие дни он приходил с тем же «набором», только без банки, так как воду дали. Через неделю «хождений» я сжа-

лилась и оставила его ночевать.

Вероятно, сравнивать Захару особо было не с чем, и он в меня влюбился. Каждый день искал встречи со мною. Познакомил со своими родителями... Захар числился кочегаром в депо и зарабатывал больше меня, но моя зарплата фактически равнялась нулю... Если на неё могла питаться два дня, то на его можно было продержаться дней десять. Увы, в месяце дней в три раза больше. Думы о хлебе насущном не только делали меня материально заинтересованной, но и озлобляли. Когда мой суточный рацион приближался к половине батона с водой и я собирала в подворотне окурки, то находила, что не очень-то неправы коммунисты, призывавшие «все отнять и поделить». Что ни говори, но в советской стране человек никогда бы не умер с голоду. А сейчас – запросто! Когда я видела на остановке ли, на базаре человека с протянутой рукой, я завидовала его способности перешагнуть через свою гордость и попросить милостыню. Мне было легче умереть, чем попрошайничать.

Впрочем, Захар скоро вник в мои проблемы и если не с блеском, то все же пытался мне помочь: покупал сигареты, приносил еду и водил меня в родительскую квартиру, где неизменно кормил супом.

Его мама еще заочно невлюбила меня. Захар был ее единственным и любимым сыном, которого она «тянула в люди» изо всех сил. А тут такой балласт!

Кроме того, мать его, Екатерина Юрьевна, была деревенских кровей, и требования к невестке (гипотетической) имела соответствующие. Жена Захара должна была быть толстой, здоровой, по-житейски умной, а во всем остальном – глупой женщиной. Екатерина Юрьевна имела гигантское влияние на сына. Надо отдать должное, Захара она воспитала превосходно, вложив в него все, кроме того, что в первую очередь требуется мужчинам, – самостоятельности.

Захар был добрый, отзывчивый, наивный мальчик. Таким он был не в силу каких-то своих убеждений, а просто потому, что с детства ограждался от всякого дурного влияния. Добро и зло не боролись в его голове, потому что течение жизни не прибывало его к границам ни того, ни другого. Захар был РАВНОДУШЕН к окружающему миру. Обо всем, что представляло сложности, думала его мама, а ее существование казалось Захару естественным и непреходящим. Она была его мыслительным центром.

После того как он влюбился в меня, я изредка брала управление этим центром на себя. Невозможность добрых взаимоотношений между мной и его матерью стала фактом.

Что можно еще рассказать о его семье? У Захара был отчим, воспитывающий его с трех лет. Звали его Семен Иванович. Мне он показался тихим подкаблучником, хотя Захар рассказывал, что когда-то его отчим пил запоями и вел себя очень плохо, но потом съездил с мамой в Москву и закодировался по методу Довженко на десять лет, от которых

осталось еще два «трезвых» года. Ко мне Семен Иванович относился лояльно и даже с симпатией.

При всех моих тесных отношениях с семьей Захара и с ним самим он никогда не заводил речь о женитьбе или хотя бы о каких-нибудь изменениях. Его все устраивало: мама-папа под рукой, кормежка, какая-то работа и девушка, всегда готовая принять в гнилых «апартаментах». Но меня такое положение вещей не устраивало. Надежд относительно Захара я не питала и положила срок, в течение которого должна его бросить, несмотря на некоторые достоинства, имеющиеся у него.

Захар не давал мне самого нужного – ощущения безопасности. Мое существование балансировало на грани, с одной стороны которой были отчаяние и бравада, с другой – тоска и надежда.

Как-то раз, возвращаясь с работы и почти дойдя до подъезда своей хибары, я была грубо остановлена мужчиной, чей вид явно не вызывал доверия.

Без вступления он вцепился в мой локоть и потащил по направлению к развалившимся лачугам, стоявшим неподалеку. Мои крики о помощи и попытки вырваться обратили на себя взгляды нескольких прохожих, на чем их участие и закончилось.

Мужская особь, пытаясь со мной совладать, вытащила нож и стала размахивать им перед моим носом.

– Будешь орать – убью, – сказал мужик.

– Убивай. Мне все равно жить наср. ть, – ответила я и дернулась.

Мужик еле успел отодвинуть нож.

– Нет, – сказал он, убирая в штаны оружие, с помощью которого надеялся испугать меня, – я потом тебя зарежу. – И потащил меня дальше.

Чтобы я не очень сильно сопротивлялась, он ударил меня чуть ниже подбородка, и у меня прервалось дыхание. Воспользовавшись передышкой, втащил меня в какой-то сарай. Там сидело еще четверо мужиков. Все, увидев меня, обрадовались. На огромном столе посреди комнаты на грязной газете лежала расчлененная селедка на фоне трех бутылок водки, одна из которых была почти распита. Кругом – хлам и мусор.

«Все. Доигралась», – подумала я.

– Ну, красавица, – гаркнул один из мужиков, – выпей с нами!

– Не хочу, – гордо и с вызовом ответила я. Мне ведь все равно терять нечего.

– Пей, тебе сказано, – приказал тот, что затащил в дом, – тебе же легче будет.

Я прикинула все за и против. Решила, что нужно потянуть время:

– Раз так – наливайте.

Они налили полный граненый стакан и поставили передо

мною.

В тот момент я согласилась принять боль, позор и, вероятно, смерть с надеждой в загробную жизнь; мне так захотелось верить, что в другой, чистой, непорочной жизни у меня все будет иначе... Я мысленно творила молитву, отпивая медленно, глоток за глотком жгучую водку...

Отче наш, Иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
да приидет Царствие Твое,
да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли.
Хлеб наш насущный даждь нам днесь;
и остави нам долги наша,
якоже и мы оставляем должником нашим;
и не введи нас во искушение,
но избави нас от лукавого.
Ибо Твое есть и Царство, и Сила, и Слава
И ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Тихо поставила стакан на край стола и сдавленным голо-
сом произнесла:

– Можно я поем?

Ответить мне никто не успел. Дверь с грохотом свалилась с петель, и в комнату вбежали какие-то люди. «К стене! Руки за голову!» – закричали они. Все сильно шумело и падало. Я

как сидела, так и осталась сидеть. Меня никто не трогал, обо мне ничего не говорили. «Ба! Да это милиция!» – подумала я. На большее я была не способна. В голове все вертелось.

Мужикам нацепили наручники и увели. В доме начали делать обыск. Думаю, только в этот момент обратили внимание на меня. Ко мне подошел какой-то человек и тихо сказал: «Девушка, бегите скорей отсюда, сейчас еще оперативники понаедут, тогда и вас задержат».

Я, пошатываясь, встала и, стараясь идти побыстрее, пошла к себе.

Несколько недель после этого происшествия носила в сумке баллончик с лаком для волос и складной ножик, лезвие которого постоянно было вынуто.

Что-то надо было менять.

Бузулук

Наступило лето. Стояла чудесная июньская погода. Зайдя на обеденный перерыв к себе, я переоделась в легкую блузку и ситцевую юбку, сшитую своими руками в девятом классе. Нацепила дешевые солнцезащитные очки – последнее дорогостоящее приобретение с полочки. Пообедав пшенной кашей на воде, я в очень хорошем настроении заторопилась на работу. Но, едва высунувшись из дверей подъезда, увидела довольные лица Романова и своего папы.

– Классно выглядишь! – заценил Палыч.

– Стараюсь.

– Моя дочка вообще молодец! – замахал руками папа.

От обоих потягивало спиртным.

– Мы за тобой, – объяснил Романов. – Пойдем в рощице посидим.

– А работа?

– Какая на хрен работа? Смотри, какая погода! Шепчет!.. Я директора с замом видал, они еле живые ползают! До нас ли им?

– А я отгул взял, – зачем-то пояснил папа.

– Ну, пойдем, раз так. Только мне после пяти надо к Захару. Он у себя дома ждать будет.

– Не-е-е! Мы ненадолго!

Это «ненадолго» растянулось. Однако в процессе мне ста-

ло настолько хорошо, что я и спешить забыла. Хорошо посидели, поговорили. Папа рассказывал про Дашу, про маму, про себя. Мама все та же, Даша учится на отлично, и ее всем ставят в пример, а папа вот-вот начнет рисовать картины. Он ведь художник! Он нарисует много красивых картин и продаст их за большие деньги, и мама перестанет ругаться, и он сможет мне помогать... Поговорили о моих планах на будущее. Я сказала, что мне здесь все надоело и что я мечтаю куда-нибудь сорваться.

– Хочешь, поезжай в Бузулук, к Тане с Верой (это его сестры). Поживешь там немножко. Они тебя маленькую последний раз в пять лет видели. Отдохнешь, а там видно будет, – неожиданно предложил папа.

Я кивнула:

– Только получки надо дождаться.

– Так поедешь?

– Обязательно.

– Я им письмо напишу. А как же Захар? У вас ведь вроде серьезно? Замуж не собираешься ли? – стал интересоваться папа.

– Ну, он же страшный! – будто заколебалась я.

– А кто красивый? – заудивлялся, размахивая кружочком ливерной колбасы, Палыч. – Вот я, например, красивый, что ли?

– Тебе нос посторонние свернули. Захотел бы – выправил. А он от рождения страшный!

– Ничего, Надь, – похлопал меня по руке папа, – настоящий мужчина должен быть чуть красивей крокодила. Шляться не будет. Так что выходи за него замуж смело. Он настоящий мужик!

– Ой! – вспомнила в тот момент я. – Мне же к нему в гости надо!

Попыталась встать на ноги.

– Может, не пойдешь? – глядя на мои старания, предложил Романов.

– Обманывать нехорошо. Особенно детей, – засмеялась я.

Папа и Романов взяли меня под руки и поставили.

– Ты точно дойдешь? – заботливо спросил папа.

– А как же! – уверила я.

Они немного проводили меня и пошли «догоняться».

Я опоздала на два с половиной часа. Захар ждал меня у своего подъезда.

– Домой ко мне в таком виде нельзя, – констатировал он, оглядев меня с головы до ног. – Что они о тебе подумают?

– Да мне плевать! – отрезала я.

Захар взял меня под руку:

– Пойдем просто погуляем. Погода хорошая...

Папа свое обещание не забыл. Он написал родственникам письмо, и те ответили, что ждут меня с нетерпением.

После получки я зашла к матери за чемоданом.

Через два дня папа заказал билеты за свой счет.

Поезд следовал транзитом и прибывал на станцию в три часа ночи. Захар пришел с вечера меня провожать. Посидели, выпили по маленькой. Варя меня обняла, а Ленька подарил зажигалку в виде пистолета. Такие зажигалки только-только появились в ларьках и стоили дорого. От Лени я такого поступка не ожидала и искренне поблагодарила. На вокзал подруга с мужем не пошли, предоставив эту возможность Захару. В два ночи тронулись. Пришли. Я легко поднялась в вагон по ступенькам, а Захар с трудом втащил чемодан, забитый родителями до упора какими-то крупами, которые в Бузулук редко завозились

– Ну, до места сама доберусь, – вздохнула я, взявшись за ручку чемодана. – Спасибо, что помог.

Захар казался растерянным.

– А когда ты вернешься?

– Когда захочется. Шучу, шучу! Я тебе позвоню, если деньги будут. Или папе, а ты у него спроси, если хочешь.

Бедный мальчик вздохнул и погладил меня по руке, пытаясь привлечь к себе и поцеловать. Чтобы поскорее покончить с прощанием, я поцеловала первая и шепнула на ухо: «Я тебя люблю». Ни одному ухажеру не говорила этих слов, никогда. А тут захотелось почудить. В сущности, я прощалась с Захаром навсегда, так как по возвращении твердо решила дать ему от ворот поворот.

Когда я увидела, какую реакцию мои слова вызвали у За-

хара, я пожалела о сказанном. Захар расширил глаза, потом часто-часто ими заморгал, потом открыл рот, чтобы, вероятно, что-то сказать, но не сказал и опять закрыл. Я рывком взяла чемодан и, улыбнувшись, подтолкнула Захара к выходу. Раздался второй гудок.

– Да иди же! – не выдержала я.

Он молча стал искать ногой ступеньку.

Я махнула рукой в сторону:

– В купе пойду!

Дойдя до места и выглянув из окна, я увидела все ту же растерянную физиономию. Поезд тронулся, и Захар сначала пошел, потом побежал, а вскоре вовсе скрылся из виду.

Приятно уезжать куда-то далеко-далеко. Кажется, что в одночасье решено множество проблем, впереди рисуются приятные сердцу перспективы, и все надежды сулят осуществление. Легкость, с какой покидаешь приевшиеся места, где вдобавок нет ощущения твоей надобности, волшебна.

Через полчаса я спала сном младенца, а проснувшись на какой-то станции в восемь утра, почувствовала небывалый прилив сил.

«Надо покурить», – подумалось мне, и я пошла в тамбур. Там стоял и курил парень в джинсовом костюме. Я достала Ленкин подарок и зашарила в сумочке в поисках сигарет. Парень как-то странно вытянулся. Я нашла пачку, вытащила

сигарету, нажала на курок и, прикурив, затянулась.

– А-а-а... Так это зажигалка... Ну и напугали вы меня, девушка... – нервно рассмеялся парень.

– А вы что думали? Грабить буду? – улыбнулась я.

– А вы газеты читаете? В наше время это в порядке вещей!

Кругом стреляют.

– У меня денег на газеты нет.

– Судя по зажигалке, не скажешь, что у вас денег нет.

– Это подарок.

– А посмотреть можно?

– Пожалуйста! – протянула я игрушку.

Он посмотрел, удивился и предложил сыграть в картишки.

– Газеты! Газеты! Свежие газеты! Новое заказное убийство! – около полудня закричал, проходя вагон за вагоном, оборванный юнец. Я вышла на незнакомую станцию покурить: в вагоне было душно.

– Дай ручку, погадаем! – подбежали ко мне две цыганки, одна из которых держала на руках спящего младенца.

Я была наслышана про гипнотические сеансы всяких проходимок. Поэтому даже не взглянула на них повнимательнее.

И тут цыганка с ребенком шепнула мне в самое ухо:

– Возьми... За бутылку...

Раздался гудок поезда, и я немедленно вскочила в вагон. Только когда отъехали порядочно, поняла, что предлагала

мне цыганка.

В той же газете, где напечатали мои сочинения, заботливо «продвинутые» Палычем, мне запомнились стихи некоего Игнатьева:

Родина! Пьяная родина...
Ширь, бесконечная даль.
Мать, проститутка, уродина.
Боль и сыновья печаль...

Что-то мне эта депрессуха на ум пришла...

На рассвете третьего дня прибыли в Самару. Попрошались с попутчиками и сошла с поезда. Передо мной стояли две задачи: избавиться временно от чемодана, не дающего и шагу ступить, а также приобрести билет до Бузулука. Вспомнился анекдот про мужчину и женщину в машине, когда они сбились с пути. Мужчина кричал: «Вот за тем поворотом будет нужная дорога!» – и каждый раз ошибался, а женщина упрашивала его: «Давай спросим у прохожего...» Времени было пять утра, и прохожих не было. Пройдя через здание вокзала, камер хранения не обнаружила. Вышла. Огляделась. Никаких обозначений. На ступеньках соседнего невзрачного здания сидел и утолял жажду пивом мужчина. «Лучше так, чем ничего», – подумала я, подошла, поставила чемодан на землю и спросила:

– Не подскажите, где здесь камеры хранения?

– Прямо перед вами.

– А почему нигде не написано?

– Ремонт.

– Спасибо большое, просветили.

– Я еще и помочь могу, – мужчина оставил бутылку недопитой и, подойдя ко мне, взялся за ручку чемодана.

«Даже если захочет украсть, далеко с такими кирпичами не убежит», – мелькнуло у меня в голове. На словах я выразила полное согласие.

Не помню, как звали мужчину. Он был мордвин, как и мой папа, а работал милиционером. «Мент», – так он о себе сам и сказал. Волосы и глаза его были черные, а улыбка – широкой. Накануне он сильно погулял, а в день моего приезда взял у начальства выходной, чтобы поправить здоровье. Мент вызвался быть моим гидом. Сдав чемодан, мы поехали к билетным кассам, которые находились черт знает где. Когда приехали, они оказались закрыты (рано!), и «гид» повел меня в круглосуточный бар, где накормил завтраком. Потом мы опять пошли за билетами, и там уже оказалась сумасшедшая очередь. Вдобавок нигде поблизости не было ни одного туалета, а деньги я запрятала в трусы. Проклиная себя за пошлость и преодолевая стеснение, достала деньги при милиционере и купила билет. Потом отправила телеграмму и совершила экскурсию по набережной, которая оказалась ни-

чуть не хуже нашей. «Гид» предложил попить пивка. Я согласилась, и мы уютно расположились на скамеечке в парке.

Сначала о себе рассказывал он, да так, словно на приеме у психотерапевта. Милиционер обстоятельно поведал мне о своих сложных взаимоотношениях с бывшей женой, а также о причинах, которые к этому привели. Плюс много всего. А потом я зачем-то рассказала ему все-все о себе. Он некоторое время посидел, что-то обдумывая. Потом предложил помочь устроиться на работу. Я вежливо отказалась.

Задушевный треп нам обоим пошел на пользу, и по сей день я вспоминаю этого человека без имени, да и без четкого зрительного образа, с нежностью и симпатией.

Когда я доехала до Бузулука, то увидела деревню.

– Это город Бузулук? Точно? – переспросила я, вылезая из вагона пригородного поезда.

– Точно, точно, – ответили мне.

До автобусной остановки пилить и пилить. Троллейбусы не существовали. Когда я стала переходить железнодорожные пути по направлению к остановке, мне вообще посоветовали дойти до желанного адреса пешком. Дескать, быстрее получится. Шла очень долго. Вероятно, автобусы ездили редко. Народу по дороге попадалось мало, в основном – бабушки и дедушки. Чемодан довел меня до такого состояния, что я была готова просить о помощи любого встречного, но о чем можно просить у стариков? Волокла волоком, сожалея,

что отказалась от встречающих.

Притащилась я к дому старшей папиной сестры – Веры. К ней я пришла потому, что она считалась зажиточной: жила в своем доме с огромным участком земли, с баней, пристройками и т. д. Вела натуральное хозяйство и тянула на себе родственников-горожан. Тетя Вера жила с мужем и матерью, а ее трое сыновей имели свои семьи. Двое сыновей жили очень далеко, и я их не видела, а один – Василий в день моего приезда случайно оказался с женой и двумя детьми у матери: достраивали ей какой-то амбар. Встретили меня приветливо, как диковинку. Бабушка вышла на шум, поцеловала меня и, внимательно оглядев, покачала недовольно головой:

– Вылитая Ольга.

И стала рассказывать, как она себя плохо чувствует, а мое семейство совсем ее бросило.

Чемодан распотрошили, меня поселили в одну из пяти комнат в доме.

Первую неделю после приезда я только и делала, что ходила по гостям из дома в дом и пила самогонку. Пили в Бузулуке все, и это даже за питье не считалось. Так, для аппетита. Запивали простоквашей и заедали зелеными яблоками. Это считалось самой подходящей закуской. Три дня мой организм отказывался задерживать пищу, а потом привык.

У тети Тани – обалденно красивой, стройной пятидеся-

тилетней женщины – тоже было трое сыновей. Она жила с младшим сыном, а двое ее других сыновей – отдельно от нее, но недалеко. Я с ними со всеми познакомилась. Они оказались самыми замечательными в мире двоюродными братьями. Жаль, что судьба нас так раскидала. Симпатичнее и интереснее других показался мне младший сын Тани – Денис. Он единственный из всех моих братьев был не женат. Учился заочно в юридическом, а работал милиционером. Девчонки за ним табунами бегали, а он по всему городу со мной таскался. Одна из его почитательниц даже побить меня хотела, но потом ей все объяснили, и она куда-то подевалась.

Денис мне понравился настолько, что я даже пожалела, что прихожусь ему сестрой. А он восхищался мной, вернее, той жизнью, которую я, по его мнению, вела: интересную, полную значительных событий.

– Хорошо тебе, – говорил он. – Ты в нескольких часах езды от Москвы живешь. Почти в столице. Молодец дядя, дорогу себе пробил. Я тоже выучусь и уеду отсюда. И мать с собой возьму. Я в цивилизации жить хочу. Там столько возможностей! Там троллейбусы ходят, дискотеки солидные имеются. А у нас что? Потусовались после двенадцати под фонарным столбом – и баста. Все только и делают, что пьют. Чтоб от скуки не сдохнуть.

– У нас тоже пьют.

– Но не так, согласишься!

Я пожимала плечами. «Нет на Руси страшней изьяна, чем

отказаться от стакана», – изрек один сочинитель-земляк.

Иногда на тему отъезда, но в другом ракурсе заводи́ла разговор мать Дениса:

– Уеду, уеду! Куда мы поедем! Тут хоть картошку можно посадить, а что мы в столицах будем есть? Я старая, мне бы хоть как-то дожить. Вот ты – молодой, ты и поезжай. А еще лучше – женился бы.

– Да не хочу я жениться, – слабо отбивался Денис.

– Вот ведь! Меня замуж пойти отговорил и сам жениться не хочет!

– А как отговорил? – интересовалась я.

– Да так. Плакал: «Мама, не выходи, не выходи. Я всегда с тобой рядом буду». Так и прожила с двадцати восьми лет вдовой.

Я изумлялась и задавала глупые вопросы:

– И часто сватались?

– Последний раз – год назад, – скромно пожимала плечами тетя Таня. – Да старый он. На восемь лет старше меня. Пошто мне такой?

Кто бы сказал тогда тете Тане, что через три года ее любимый сын Денис погибнет в автомобильной катастрофе, и она сделает из его комнаты музей и проживет долгую жизнь как монахиня...

Удивлялась я среднему сыну тети Тани – Ивану. Красавец, ничем не хуже Дениса, он женился на девчужке из Таджикистана. Она родила ему сына Сережу, а через два года уехала

к родственникам «погостить», да так и не вернулась. Даже за сыном. Ивану пришло позже письмо, где она писала, что они разной веры и все такое... Он бросился было на поиски, но ее родня популярно объяснила по телефону, что русский на их территории – покойник. Так все и осталось, как осталось. Когда я приехала, то застала Ивана успокоившимся и довольным: он собирался жениться на девушке Свете. Та ждала от него ребенка. Сережа выглядел затравленным волчонком, угрюмым и грустным, хотя все обходились с ним очень ласково.

Старший сын тети Тани был прекрасным семьянином, имел троих детей. Он с радостью отметил мой приезд, и потом я его почти не видела: заботы.

Город Бузулук оказался не таким заброшенным, каким мне показался вначале. Деревня, которая напугала меня у вокзала, являлась окраиной города; сам город был вполне приличным: с хорошими площадями и магазинами. В одном из них я купила экзотический мундштук Варе и смешную национальную шапочку Леньке. На городском базаре приобрела себе блузку. Короче, потратилась. Если бы тетя Таня не дала мне по доброте душевной немного денег в обратный путь, пришлось бы сходить посреди дороги.

А в обратный путь пустилась я через две недели. Может, погостила бы и дольше, но почувствовала, что обременяю. Нет, они ничего такого не сделали и не сказали, но я видела, что у них были свои проблемы, а мне пора и честь знать.

Мое присутствие у них было нескончаемым праздником, и затягивать его, злоупотребляя средствами и временем гостеприимных людей, становилось неловко.

Я дала отцу телеграмму, что выезжаю. Чемодан был вдвое тяжелее против прежнего: нагрузили медом и семечками. Проводили до Самары, пожелали всего хорошего.

Ночью в поезде не спалось. Разглядывая в грязном темном вагонном окне звездочки, я пришла к выводу, что и в Бузулуке жизнь не лучше. Все то же с приставкой «бес-». И в Самаре не лучше: все то же одиночество. Бежать надо не туда. Лучшей жизни там нет. Надо менять не условия, надо менять что-то другое...

Первая беременность

Удивительно меня встретили в родном городе! Во-первых, на перроне оказались родители с Дашей, во-вторых – Захар с цветами; а в-третьих, что было удивительней всего, – они были *вместе*. Я обалдела. Отношения между ними казались настолько родственными, что для полноты эффекта Захару оставалось только величать моих родителей папой и мамой.

После шумного приветствия мы поймали такси, хотя был еще не глубокий вечер и автобусы ходили. Поехали к родителям.

– Мы отметим твой приезд. А там – может, ночевать останешься? – спросила мама с довольной улыбкой.

Это что-то новенькое.

У родителей я впервые за долгое время помылась в белоснежной ванной. Кое-какая моя одежда все еще у них хранилась, и я нашла во что переодеться.

Ужин прошел в теплой и дружественной обстановке.

– Знаешь, – улыбалась мама, – Захар каждый день о тебе справлялся. А за мед – спасибо. Такой тяжелый чемодан, и как ты его везла!

– Моя дочка – молодец! – твердил папа. – И родня моя – золотая!

Захар обнимал меня на глазах у родителей.

Посидев часа полтора, я не выдержала:

– Пожалуй, я пойду. Меня Варя с Ленкой ждут, да и на свежем воздухе погулять хочется. А Дашеньке спать пора.

– И я с удовольствием погуляю, у меня завтра выходной! – подпел Захар.

Родители препятствовать не стали.

– Раз у вас завтра у обоих выходной, зайдите к нам после пяти. Я пироги буду печь, – пригласила вдруг мама.

– Обязательно зайдём! – закивал радостно головой Захар, прежде чем я успела что-либо сказать.

Чудеса!

На улице Захар затрещал:

– Знаешь, я твоим родителям очень понравился. Я даже кое-что по хозяйству им помог, пока тебя не было. И мать у тебя замечательная... Просто не пойму, что вы с ней не поделили...

– Да-а-а... Наверное, моя мать не хуже твоей. Только я не ты.

– Ладно, Надь, ты лучше. Я жениться на тебе хочу. Ведь ты сказала, что любишь меня.

Я внутренне рассмеялась.

– Что сказала, то есть. Только тебе мамочка жениться не даст.

– А я ее не послушаю! – горячо воскликнул Захар, и, чтоб совсем убедить себя, повторил:

– Не послушаю, и все тут. Кроме того, я теперь работаю

помощником машиниста и получаю больше денег. Я могу сам кормиться.

«Ну, мальчик, ей-богу». – Мне стало жаль его. – «Ладно, подыграю. Попортим его мамочке нервы... А вдруг и впрямь женится? Да нет, не сможет...»

– Хорошо, – сказала я уверенно. – Мы подумаем над этим вопросом.

Варя с Леней, увидев меня, да еще с сувенирами, обрадовались. Потом расстроились, узнав, что свой приезд я уже отметила. Потом опять обрадовались, узнав, что я не против с ними выпить. Мы проотмечали мой приезд на лавочке перед домом до двух часов ночи. Кроме того, к нам присоединилась молодая женщина Нина с маленькой девочкой. Нина была в разводе и трауре (у нее убили мать), а также в процессе обмена: в наследство Нине досталась комната-хибара справа от нас, и женщина пыталась поменять ее с доплатой на что-нибудь приличное. Пока меня не было, Варя помогала Нине ходить по инстанциям, и они подружились на этой почве. Я Нину проигнорировала, и она, посидев с нами полчаса, ушла вместе с дочкой к себе.

– А у нас ведь такая неприятность! – будто случайно вспомнив, посетовал Ленька.

– Что же случилось?

– Хозяин нашей халупы объявился. Два месяца не появлялся, а тут приперся. Потребовал водки. И показать платеж.

– Ну. И что?

– Орал.

– Почему?

Ленька замолчал. Варя вздохнула:

– Давно не плачено за эту комнату.

Я разозлилась:

– Ленька! Ты же обещал, что будешь платить! Мы же договаривались! Не мне же одной платить за нас троих! При этом вы живете как хотите, а я даже сплю чуть ли не стоя!

– Ладно, ладно, не горячись. Моя братва с ним разберется.

– Ага. И вылетим на улицу. Если в тюрьму не сядем. Варя, у тебя муж – придурок.

– Но! Но!

– Г...о!

Чем бы все дело закончилось – неизвестно, если бы Варя с Захаром не вмешались. Они помирили меня с Ленькой, мы все выпили по стаканчику и стали петь песни.

Ночь была чудесная, очень теплая и вкусно пахнувшая.

Сидели бы мы дольше, но небо разродилось теплым дождем, и все пошло спать. Постелив матрац, мы с Захаром улеглись на полу и обнялись.

На следующий день зашли, как обещали, к родителям. Мать, в благоприятный момент уединившись со мной, завела разговор:

– Надя. Это хороший парень. Он не пьет, работает, един-

ственный в семье. И очень тебя любит. Думаю, у него серьезные намерения... Я предлагаю тебе пожить у нас. Пусть какое-то время. Сама посуди, что подумают его родители, если узнают, где ты живешь?

– А то не знают.

– Мало ли что. Что было, то прошло. Пусть они думают, что у нас все хорошо. Я прошу тебя.

Мне вспомнились неприятности, про которые говорил Ленька.

– Мам, я подумаю.

– Подумай.

Думать пришлось недолго. Через месяц я поняла, что беременна. Решив временно не ставить мать в известность, собрала вещи и переехала к ней. Между нами установились прохладно-культурные отношения.

Первому о своей беременности рассказать мне хотелось, естественно, Захару. Я зашла к нему домой, когда его родители отсутствовали, без предупреждения. Захар, вероятно, спал, когда раздался звонок в дверь, но, увидев меня, обрадовался.

– Привет, – сказала я.

Вместо ответа он полез целоваться. Я отстранилась, проходя в комнату:

– Подожди...

– Чайку попьем?

– Нет.

– Покурим? У меня с ментолом!

– Нет. Я не курю больше.

Он удивился:

– А что случилось?

– Ничего не случилось. Любовь не получилась. Песню такую знаешь?

Захар захлопал ресницами. На нем была старая фланелевая рубашка синего цвета, бесформенные темные штаны; сам он был небритый и непричесанный. Ужас какой-то.

– Беременна я.

Мне казалось, он испугается, будет выкручиваться и так далее... Но я ошиблась. Он очень обрадовался и нежно-нежно обнял меня.

– Львенок мой, – прошептал он. – Я тебя люблю.

Что в этот миг произошло – не знаю, но, наверное, с этой секунды я влюбилась в него. Долгое время я думала, что нет у меня любви к Захару, но она была. Она появилась именно тогда. Я поняла это спустя годы по одному единственному признаку: мне тогда до боли стала мила его старая фланелевая рубашка. В ней я почувствовала его самым родным человеком. Потом между нами было многое, но когда я его изредка вспоминаю, то помню всегда хорошее: что-то нечеткое, несфокусированное, в старой фланелевой рубашке... и до боли родное.

Маме Захара было не отвертеться. Екатерина Юрьевна с Семеном Ивановичем заявили к моим родителям свататься. Мои, конечно, были очень рады. Свадьбу решили сыграть через два месяца, после чего я уеду жить в квартиру родителей мужа.

Через неделю мне стало плохо. Мутило, тошнило, болела голова и все тело. Хотелось курить. Но я преодолевала все, ходила на работу и сидела в мастерской, пропитанной запахом масляной краски. От этого запаха мутило еще хуже, чем от еды, весь состав которой свелся к яблокам. Впрочем, и они вылезали через пять минут после того, как я их съедала. Дома либо лежала, либо блевала в туалете.

– Надь, тебе бы к врачу, – видя мои мучения, посоветовала мама.

– Обычная беременность. А на больничном я деньги потеряю. На две копейки какая свадьба?

– Ну что ты, мы с папой уже договорились в долг у хороших знакомых взять; сыграем как надо.

– А ты не боишься, что разведусь?

– Куда ты с ребенком разведешься?

– Учти, мама, я у тебя денег не просила. А что вы с родителями Захара порешали, так это ваша инициатива. Я вообще не знаю, как на свадьбе есть и пить буду, когда от одного вида еды выворачивает.

Примерно через месяц такой жизни я проснулась утром и почувствовала небывалое: меня не тошнит. Я встала, прошла на кухню, достала яблоко и смачно откусила. Потом поняла, что хочу супа, хочу хлеба, хочу масла... хочу есть! «Умоюсь и нажрусь», – подумала я и побежала в ванную. Села на унитаз и... позвонила в женскую консультацию. Мой врач Демин принимал во второй половине дня. Взяла отгул, пошла ко врачу. Часа два сидела в очереди. Странно, по новостям передавали, что население перестало рожать, жителей в городе на 50 тысяч стало меньше, а очереди в женскую консультацию почему-то огромные. Когда наконец я попала к врачу, он меня осмотрел и неуверенно произнес:

– А может, и беременности не было?

– Как не было? Вы же сами ее поставили и срок указали.

– Медицина может ошибаться. Тем более срок маленький, всякое бывает. Надо платно сделать анализ.

Анализ сделали часа через три, результат ждала еще час. Я нервничала, так как у врача заканчивался рабочий день. Но я успела к нему.

Демин заойкал.

– Беременность есть! Тогда что же случилось?.. Вам надо лечь в больницу на сохранение.

Глубоким вечером, голодная, измученная, приехала я в городскую больницу. Полчаса ждала, когда ко мне подойдет дежурный врач. Пришла высокая темноволосая холеная женщина.

– Меня зовут Маргарита Генриховна. Пройдемте.

Я пошла за ней в операционный кабинет.

– Залезайте на кресло, сейчас посмотрим.

Я послушно подошла к креслу и остолбенела: у его подножия красовался облупленный эмалированный таз, до краев наполненный кровью.

Маргарита Генриховна тоже его увидела.

– Зоя!

Вошла молодая полноватая женщина.

– Почему после смены не убрано?

– Сейчас уберу...

– Отставь в сторону. Давай девчонку посмотрим.

Молодая помогла мне взобраться на кресло, так как ноги почему-то перестали слушаться.

– Там нечего сохранять, – по-королевски спокойно констатировала Маргарита. – Ребенок умер неделю назад. Срочная чистка. Слезай, будем документы оформлять.

Молодая помогла слезть и подойти к письменному столу. Королева вооружилась ручкой и спросила:

– Сколько тебе лет?

– Маргарита Генриховна, а кровь на консервацию или вылить в раковину? – крепко держа таз обеими руками и слегка покачивая, спросила задумчиво молоденькая.

– Да вылить её! – бросила в сторону Королева. – Та-а-к... Сколько тебе лет?

Мне вдруг стало очень трудно ответить на такой простой

вопрос. «Сколько?.. В четырнадцать я стала уходить из дому... Это было очень давно. Жила с Борисом... Наверное, много-много лет. Но двадцати мне еще не было: это юбилей, его бы я запомнила...»

– Наверное, восемнадцать.

Она, вероятно, подумала, что я издеваюсь.

– Восемнадцать... Половой жизнью со сколько лет живешь?

– Не помню.

– Как не помню? С двенадцати, тринадцати...

– Позже.

– Пишу с четырнадцати. Болела чем?

– Болела.

– Та-а-к...

Королева отложила ручку и внимательно на меня посмотрела:

– Что с ребеночком сделала?

Я взглянула на ее лицо, но оно стало немножко размыться, да и весь кабинет как-то стал чуть-чуть покачиваться. Так обычно бывает, когда лишку выпьешь.

– Ничего не сделала-ла.

Язык вдруг начал заплетаться.

– Маргарита Генриховна, ей плохо! – раздалось сбоку. Меня поправили на стуле и велели нюхать вату, которая ничем не пахла.

Прошло какое-то время, мне посвежело.

– Залезайте на кресло, сейчас почистим, – скомандовала Королева.

– Как почистим? Без наркоза? – попятилась я.

– Конечно, без наркоза. Где я тебе так поздно анестезиолога возьму? – Королева любовно осмотрела инструменты пыток.

– Я не буду без наркоза. Я завтра утром пойду платно делать тогда. А может, у вас платно наркоз есть?

– Богатая нашлась! Нет у нас наркоза! Нет! Как же раньше женщины абортывали делали? Притом женщины – не чета тебе, – замужние и порядочные. А ты шлялась-шлялась, нагуляла в подол, нажралась яда какого-то, пришла в больницу и права качаешь! Полежай, дура, у тебя заражение крови начинается!

– Сама ты дура, – вдруг очнулась я. – Что ты обо мне знаешь? Кто ты такая, чтобы судить? Я ради ребенка курить бросила, капли в нос от насморка не капала... У меня свадьба должна быть! Какая ты врач!.. И не боюсь я тебя, можешь издеваться надо мной как хочешь, только под наркозом. И заражения крови не боюсь. Я сама, может быть, помереть хочу... – Я еще много хотела сказать, но не выдержала, и разрыдалась.

Молоденькая бегала, махая передо мной ваткой.

– На всю больницу орет, – устало вздохнула Королева. – Зоя, поищи на первом этаже анестезиолога. Скажи, Рита просит.

Через десять минут в хирургический кабинет зашел жиз-

нерадостный мужчина. Увидев меня, весело просюсюкал:

– Да кто же у нас плачет? – и, обращаясь к Королеве, вопрошил: – И кто же довел до такого состояния бедную девочку?

– Она хочет наркоз, – махнула в мою сторону Королева.

– Сделаем. Укладывайтесь на кресло.

Они вдвоем помогли мне забраться.

– Нет, ну это невозможно! – горячо воскликнул анестезиолог. – У бедного ребенка абсолютно не дышит нос!

– У меня насморк, – объяснила я ему.

– Дайте ребенку нафтизин, – скомандовал мужчина.

Мне дали, и я закапала себе в нос.

– Мои родители не знают, что я в больнице. Сообщите им, пожалуйста. Мой телефон...

– Маргарита Генриховна обязательно сообщит, не волнуйтесь! Протяните мне ручку, пожалуйста!

Я протянула. Анестезиолог стянул ее жгутом и воткнул в вену иглу.

– А теперь, дорогая моя, считайте!

– Один, два, три, четыре...

Я попала в какой-то лабиринт. Проваливалась в какие-то дырки, скатывалась по каким-то горкам. Всюду было замкнутое пространство. Небо... Я так хочу увидеть кусочек неба и солнце... Но лабиринт нескончаемый, он растягивается и сжимается, становится то светлее, то темнее, и, чтобы

выбраться из него, я должна сказать нужное слово... Забыла. Забыла нужное слово. А! Вот оно! «Отче... Отче наш...» Язык не слушался, его будто вообще не было. Я попыталась сказать мысленно, и у меня получилось. «Отче наш... Иже еси на небесех. Да святится имя Твое. Да придет Царствие Твое. Да будет воля Твоя яко на небеси, и на земли...» Дальше не могу вспомнить... Лабиринт, ставший почти небесного цвета, начал темнеть, засасывая меня куда-то против воли... Вспомнила! «Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого, – ибо Твое есть и Царство...» Лабиринт стал очень просторным... «И Сила...» Я смогла сама управлять движением. «И Слава...» Я увидела выход. «И ныне, и присно, и во веки веков!» – прокричала я. «Аминь...»

Проснулась я ранним утром в палате. На животе лежала грелка со льдом. Огляделась. Моя кровать стояла у стенки; кроме меня в палате было еще восемь человек. Все спали. Я отвернулась лицом к стенке и уставилась на потрескавшуюся грязную стену. «Наверное, у меня был мальчик. Говорят, когда сильно тошнит, то мальчик. Впрочем, когда на яблоки тянет, то наверняка девочка... Теперь никого. Наверное, не стоило так резко курить бросать... Да и кушать надо было. Недоглядела... А может, Бог увидел, что я недостойна быть матерью, и взял душу обратно. Какая из меня мать? Непуте-

вая...» Я потихоньку заплакала. Даже не от того, что ребенка потеряла, и не от того, что болело все тело и нарушились все планы, а просто так, от бессилия.

– Не плачь, что ты! – надо мной склонилась кудрявая девчоночья головка. – У меня на пятом месяце ребенок умер, так роды вызывали. Столько страху натерпелась! А у Светланки третий раз беременность прерывается. Ее ночью выскабливали, сказали, что двойня была. Вот она уж убивалась! А у тебя все хорошо будет.

– Тебя как зовут? – повернулась я к девчущке.

– Настя.

– Спасибо, Настя. У тебя тоже все хорошо будет. Ты красивая и добрая.

Настя улыбнулась мне и заплакала.

– И каким подонком надо быть, чтоб бросить Настенку! – гневно процедила с дальней постели молодая женщина.

– Меня зовут Лида, – представилась она. Вслед за ней начали называть свои имена другие «больные». Из них только две женщины оказались старше тридцати лет.

В десять позвали всех на завтрак. Я попыталась встать, и тут же ощутила тянущую нестерпимую боль по всему низу живота. Передвигать ноги можно было только очень осторожно. Я предпочла остаться в кровати, несмотря на то, что жутко хотелось есть.

Пришел незнакомый врач. Осмотрел меня, подавил живот:

– У вас, девушка, сильное воспаление. Нужны антибиотики. Больница бедная, своих лекарств у нас нет. Так что запишите, пожалуйста, перечень того, что вам должны принести...

– Только подешевле, пожалуйста...

Настя позвонила моим родителям. Оказывается, Маргарита Генриховна не обманула и сообщила им, где меня искать. Настин звонок пришелся кстати, так как в тот момент мама собиралась меня навестить. Часа через полтора она пришла с лекарствами. Мне тут же вкололи дозу, и я выползла на кушетку в коридоре посидеть рядом с матерью.

Помолчали.

– Как ты, Надь? – мама первой нарушила молчание.

– Так себе. Плохо.

Мама заплакала. Я кусала губы, чтобы не разреветься.

– Мам. Я тут немножко не в себе была и всякой фигни наговорила врачихе. Что с детства жила половой жизнью, что болела всякой дрянью... Это все неправда. Мне дурно стало, я чуть сознание не потеряла. Не могла даже вспомнить, сколько лет и как зовут. Так что, если тебе что скажут, – не пугайся... и не верь.

– Надь... Ты после больницы, что бы ни было, живи у нас. Ладно? – мама положила свою руку мне на колено.

– Ладно, – тут же согласилась я.

Лечение затянулось, боли были невероятные. Захар пришел навестить на третий день после того, как очутилась в больнице.

– Представляешь, Надя... – протяжно сказал он, – моя мама каким-то образом посчитала твой срок беременности и решила, что ребенок не от меня. Что ты его в Бузулуке нагуляла.

Захар после таких слов вопросительно уставился на меня, желая, вероятно, услышать возмущение и оправдание.

– Разумеется, – я устало кивнула головой, – специально за этим туда и ездила.

– Надя, я серьезно...

– И я серьезно. Пошел ты на фиг, Захар. Иди и женись на своей мамочке. И наймите репетитора по математике.

– Прости, Надя... Надя, прости, – Захар схватил меня за руку, когда я попыталась встать и пойти в палату.

В этот момент мимо проходила Маргарита Генриховна. Заинтересованно взглянув на меня, она махнула рукой в сторону процедурной:

– Пожалуйте на инъекцию.

Я ушла в процедурный кабинет. Там пожилая медсестра сделала мне два укола в ягодицу и изготавилась сделать третий укол в вену. На этом этапе у медсестры что-то не заладилось. Чтобы я не скучала, она затеяла разговор:

– Какой у вас диагноз?

– Замершая беременность, – ответила я.

– Что же вы такое наделали? – покачивая головкой, как кукла-неваляшка, ласково пробулькала она.

– Ничего!

– Грипп у нее был, насморк сильный, – раздался из-за моей спины голос Маргариты Генриховны.

Медсестра вздрогнула и поцарапала мне руку.

На следующий день Захар пришел с цветами и конфетами. Конфеты были невкусные, а цветы через день завяли. То ли дело принес цветы ухажер моей соседки по палате Вике! Огромные розы простояли две недели, как только что срезанные. Соседку выписали, а они все стояли. Все женщины ахали на такую любовь. Вика делала аборт.

Борьба со страхом

Прокантовавшись в больнице полтора месяца, выписалась. Маргарита Генриховна на прощанье сказала, что детей у меня не будет. Вообще.

Пришла жить к родителям. Они всеми силами пытались делать вид, что ничего не произошло: иногда возникало ощущение, что мы вернулись во времена моего младшего школьного возраста. Только Даша была очень радостной. Я ходила на работу, после работы сидела дома. Захар заходил раз в два дня. Свадьба как бы откладывалась по молчаливому согласию сторон. Срок, на который она намечалась, прошел, и все находились в подвешенном состоянии. Мною завладевало отчаяние. По ночам снились кошмары и я не могла выспаться, а днем охватывала непонятная сонливость.

В один из вечеров, когда домашние уже спали, я сидела на кухне и тупо смотрела телевизор. Показывали что-то научное. «Науки, – вещал человек в костюме, – именуемые оккультными – а это действительно науки, хотя многие и до сих пор именуют их шарлатанством, как в свое время именовали генетику и кибернетику, – эти науки исследуют взаимосвязи между явлениями, между которыми на первый взгляд вообще не может быть никаких взаимосвязей...». Вдруг мне показалось, что все, что со мной происходит, – понарошку. Будто все вокруг – фильм, а я – зритель. Будто все люди жи-

вут в другом измерении, которое не соприкасается с моей жизнью. Я в полной изоляции, и надо что-то делать. И тут меня потихоньку стал забирать страх. Сначала неясное какое-то беспокойство, потом – тревога, а дальше – безудержный, сумасшедший страх: такой силы, что в животе что-то сжалось, стало трудно дышать и замутило. Я с трудом подавила в себе желание закричать что есть мочи. Весь вечер боролась с этим страхом, а под утро заснула и закричала от ужаса, пугая родных.

Через день договорилась о встрече с Захаром.

Встретились в парке у дома моих родителей. Стояла дождливая осень, гулять было темно и холодно.

– Захар, – начала разговор я, пиная черные листья под ногами, – мне плохо. Я хочу прояснить наши отношения. Ты на мне женишься?

– Тебе обязательно сейчас? Давай попозже.

– Нет, Захар. Сейчас или никогда. Если ты завтра не пойдешь со мной подавать заявление, то можешь вообще забыть о моем существовании.

– Надя, да что с тобой? Раньше ты сама не хотела, а теперь тебе приспичило!

– Короче: нет?

– Не знаю.

От Захара был виден только силуэт. Призрак. Опять призрак. Меня постепенно охватывал приступ страха. Начало мутить. Я повернулась к призраку спиной и пошла по на-

правлению к родительскому подъезду.

– Надя, Надя! – Захар забежал вперед и схватил меня. – Ну что случится, если мы позже решим этот вопрос?

– Ты дурак, Захар. Я жить не хочу. Я себе вены перережу. А потом ты решай этот вопрос.

– Надя, Надя, подожди... – Захар заплакал. – Подожди. Я обещаю... Я клянусь, что завтра приду к тебе утром с паспортом. Я возьму отгул. И ты жди меня. Мы сходим и подадим заявление. Завтра. Клянусь.

Когда мать Захара узнала, что Захар подал все-таки заявление, она неделю никак не комментировала случившееся. Екатерина Юрьевна уже успела уверовать в то, что гроза пронеслась стороной: нет беременности – нет проблемы. Ей казалось, что она сумела настроить сына против меня; она не считала нужным справиться о моем здоровье и порвала всякое общение с моими родителями. Спрятав на всякий случай паспорт Захара, она настолько потеряла бдительность, что сама же указала ему потайное место: Екатерина Юрьевна и представить не могла, что мое влияние на ее сына еще в силе.

Оправившись после недельного молчания, она вместе с мужем явилась к моим родителям договариваться вновь о свадебных нюансах. Я предложила не тратиться, но меня никто не послушал.

– Захар – мой единственный сын, и мне для него ничего

не жалко, – отрезала будущая свекровь.

– Мы Надю тоже очень любим, – торопливо закивала мать. Ради того чтобы поднять мою и семейную репутацию, она готова была не только отдать то, что есть, но и влезть в долги.

Я тоже понимала, что замужество спасет меня от роли изгоя в семье и обществе. Всю жизнь с Захаром я прожить не собиралась и планировала развод в благоприятное время.

Однако моего душевного состояния свадебные приготовления не улучшили. Становилось все хуже с каждым днем. Особенно по вечерам. Я пила успокоительные, бормотала «Отче наш» на кухне, когда все спали, но страх не отступал. Я стала класть библию под подушку, предварительно прочитав там что попадетсЯ, – ничего не помогало. В один из вечеров, не в силах выдержать приступ страха, я схватила с полки бокал и с грохотом разбила об пол. Один осколок отлетел и поранил мне ногу. На шум сбежались родители.

– Даша спит, а ты гремишь! – начала было мать, но, увидев мои глаза, остановилась.

– Надя, что с тобой?..

Папа взял меня за плечи, а мать попыталась взять из моих рук библию.

– Не трогайте. Не трогайте меня. Вы не настоящие. Это все понарошку... – забормотала я.

– Ольга, может, ей лекарство какое дать? – недоуменно спросил отец маму.

– Надя, успокойся. Это у тебя предсвадебное волнение,

все пройдет... – вкрадчиво заговорила мама.

– Нет у меня волнения, – оборвала я ее. – Мне плохо. Мне очень плохо. Меня к врачу надо, иначе я на свадьбе что-нибудь выкину. Мне все время орать хочется.

– Ты действительно хочешь к врачу?

– Очень. Только так, чтоб меня никуда не положили. В больницу я не лягу.

Мама задумалась и вдруг обрадовалась:

– Ладно. Мы ходим к Славиной жене. Она ведь психиатр. И никто ничего не узнает.

На следующий день мы побывали в дурдоме, и мне выписали таблетки нескольких видов. Лечение должно было закончиться за неделю до свадьбы. Это время настало быстро. Таблетки не помогли. Я была в отчаянии. Родители не знали, чем помочь.

Где-то за три дня до свадьбы я сидела скрючившись на кухне с библией в руках. «Я должна что-то изменить, – думала я. – Но что? Жизнь, конечно. Я должна жить так, чтобы Бог мне помогал. А когда он мне помогает? Когда я живу так, как хочет он. Я буду жить как следует. Я буду доброй к людям, не стану спать с кем попало. Перестану пить водку в таких количествах. Я не буду ругаться с родителями, буду к ним внимательна. Я раньше плохо к ним относилась, – впредь такого не будет...»

Как-то раз меня занесло случайно в церковь на исповедь, и я сказала священнику, что конфликтую с родителями. Он сказал: «Их надо почитать». Я ответила: «Я не могу их уважать и любить после того, что они сделали». А он повторил: «Надо ПОЧИТАТЬ». Теперь я поняла разницу.

«Сейчас я их почитаю. Я живу с ними в мире, как и со всеми. Мною все довольны. Я не делаю никому зла. Я даже не желаю смерти Борису. Тогда в чем я поступаю не так для новой жизни?.. Что еще я должна сделать? Что?»

И тут я увидела искомое препятствие, которое я давно и никак не могла преодолеть.

Я НЕ МОГЛА ПРОСТИТЬ!

От этого открытия я оцепенела. В моей голове пролетали все обиды, все несчастья, со мной приключившиеся. И люди. Люди, от которых я терпела боль физическую или, что еще хуже, моральную.

«Простить. Надо их всех простить. Но как? Как оправдать то, что они сделали? Родители... Мама. Как простить ее? Как?»

И тут я представила, что когда-то мама была маленькой девочкой. Как ей тогда жилось? Как жилось ее маме? Я вспомнила бабушкины рассказы о том, как она была молодой и прошла ужасы эвакуации в войну; о том, как влюбилась в моего деда, который был суров, пил, гулял с женщинами... А бабушка на себе троих детей тянула, полагая, что главное счастье в жизни человека – образование, которого

сама была лишена. Она насильно заставляла мать учиться, а та хотела бросить техникум, потому что стыдно было ходить на учебу в нищенской одежде. Но бабушка настояла на своем. Она давила на детей, и, наверное, маме жилось несладко: поэтому после учебы она уехала далеко от дома, где быстро вышла замуж за моего отца. Может, и любовь между ними мне только казалась? Бедная, несчастная мама... Откуда она знала, как воспитывать детей? Хорошо, что она меня не била: ей от бабушки доставалось...

Мне до боли стало жалко мать.

А папа? Он рос также в многодетной семье; его отец волевал, вернулся инвалидом и умер, когда папе было четыре года. Мать вновь вышла замуж, отдав маленького папу на воспитание его старшей сестре. А младшего папиного брата убили, когда тот был еще подростком. Папа жил в глухомани, в тяжелом физическом труде. Потом он встретил мать и покинул все, что связывало его с прежней жизнью. Они создали семью в надежде обрести счастье и любовь, которые им недодали. Надежда... Я – Надежда, которая не оправдала их ожиданий. Я...

Я сжала голову руками и затряслась в рыдании, закусив рукав.

Я простила родителей. И ужаснулась обиде, нанесенной им мною. Я пыталась им отомстить за их несправедливое ко мне отношение, даже не задумываясь о том, что их души дав-

но отравлены несправедливостью. Я ковала звенья бесконечной цепи, как это делали многие до меня.

ЗЛО ПОРОЖДАЕТ ЗЛО.

Надо порвать цепь. Как?

НАДО ПРОСТИТЬ И ПОПРОСИТЬ ПРОЩЕНИЯ.

Так просто.

Не в силах сдерживать рвущиеся рыдания, я стала плакать во весь голос. Мама прибежала на кухню:

– Надя! Опять ты Дашу будишь! Да что с тобой! Тебя опять в больницу вести надо! Ты совсем не в себе!

Я молча опустилась перед ней на колени и, склонив голову, четко сказала:

– Мама, **ПРОСТИ МЕНЯ!**

Одной рукой мама схватилась за шею, а второй оперлась о дверной косяк.

– Ты что, Надь? Что с тобой? Коля-а-а!

Прибежал папа.

Я, не вставая с колен, продолжила:

– Папа, **ПРОСТИ МЕНЯ!** Я была плохой дочерью. Простите меня, пожалуйста, если можете...

Они оба заплакали, попытались поднять меня с колен, но у них не получалось; в конце концов мама села на пол рядом со мною и стала уговаривать простить их тоже. Мы все переобнимались и разошлись по комнатам, и в ту ночь долго не могли уснуть, а когда уснули, это был самый крепкий сон

за последние годы.

Свадьба была что надо. Все как полагается: белое платье, машины, заказанное кафе с народом в сорок человек, поздравления и все прочее... В ЗАГС меня вез Ленька на своей новой машине – отнятой, вероятно, у какого-нибудь «лоха». Мы с Варей сидели на заднем сидении. Варя плакала и говорила, что завидует мне белой завистью. Я тоже боялась разреветься, но не от избытка чувств, а от «страха внезапного приступа страха», но, к счастью, после того вечера я обрела точку опоры и жуткие иллюзии отступили.

Однако без припадка не обошлось. Когда в ЗАГСе при скоплении народа шепелявая женщина повела торжественную речь, мой взгляд упал на портьеру за ее спиной. Там красовался герб СССР.

«Вот уж точно живут в другом измерении. Государства советского нет, а они все так же под серпом и молотом кольца надевают... Сейчас еще пошлют коммунизм строить».

– И будьте строителями достойного будущего! – пронеслось шепелявое напутствие.

Я огляделась. Все стояли с такими лицами, будто кто-то умер. Две мамы – моя и Захара – вытирали слезы.

Маскарад, да и только. Неужели никто не замечает абсурдности ситуации?

Мне стало смешно. Сначала слегка, потом все больше и больше. Я попыталась подумать о чем-нибудь грустном, но

сама мысль о том, что я сейчас загогочу, была такой невыносимо смешной, что я кусала губы.

Когда мне было лет пять, я дружила с девочкой из соседнего дома. Ее звали Таня. Иногда я пила у нее чай, и, когда Танина бабушка усаживала нас за стол друг против друга, мы начинали смеяться, рискуя подавиться. Не было средства, чтобы успокоить нас. Бабушка Тани сначала уговаривала помолчать, потом ругала, потом, плюнув, уходила прочь с кухни, говоря в сердцах: «Смех без причины – признак дурачины». Эти слова были последней каплей, после которой мы падали под стол от смеха...

Заиграла музыка, гости ринулись нас поздравлять, и пытка закончилась.

В кафе погуляли классно. Я ощущала себя королевой. Свидетели – Варя с красавчиком Мишаней – старались всю. Гости хорошо напились, напелись, разбили витрину и чью-то физиономию.

После свадебного торжества мы с Захаром поехали на съемную квартиру, так как со свекровью жить я категорически отказалась. Эту однокомнатную хрущевку, которую помог снять на полгода мой папа, мы привели в сносный вид заранее и, приехав, уселись на расправленную кровать.

– Захар, у меня платье на спине зашито. Так не снять, надо

ножницами расстричь, – зевая, протянула я. – Поможешь?

– Без проблем.

Захар нашел ножницы, аккуратно распорол шов и помог снять платье.

– Спокойной ночи, Захар, – рухнула я в постель.

– Спокойной ночи, любимая, – плюхнулся он рядом.

Мы поцеловали друг друга в щечки и вырубались.

Замужество

Медовый месяц был медовым. Захар буквально на руках носил, исполнял все прихоти. На подаренные нам деньги Захар по моей просьбе купил Даше одежды. Потом – мне. Он голодал, так как не привык обходиться тем рационом, которого хватало мне, но переносил это едва ли не с радостью: он выглядел счастливым только от моего вида.

– У меня самая красивая жена, – говорил он гордо.

Я добавляла:

– И самая умная.

– Ну конечно, – соглашался он. – Только чересчур свое-
нравная.

– Я же львенок. Ты сам сказал, – мурлыкала я.

– Ну, конечно. А я большая черепаха...

Это была такая глупо-романтическая игра в нежность, заботу и любовь. Мы писали друг другу трогательные записочки в блокноте на кухне, записывали признания в любви на магнитофонную ленту с тем, чтобы кто-нибудь из нас в отсутствие другого поставил кассету и слушал этот лепет.

Иногда мы играли и в бурные страсти. Так случалось, когда кто-то из нас дольше положенного разговаривал с противоположным полом, кто-то не так поглядел на кого-то или происходила другая подобная чепуха. Тогда мы разыгрывали «обидки», щипались, дулись, били чего-нибудь, и за всем

этим следовало бурное примирение.

Как-то раз мы гуляли с Дашей, и кто-то из прохожих обронил в наш адрес, дескать, «какие молодые родители». Эта фраза понравилась Захару, и он стал называть Дашу не иначе как «доченька». Я подыгрывала «папочке».

Таким образом, с самого начала наши семейные отношения строились как игра. Когда я пыталась что-то серьезно рассказать Захару, он делал вытянутое лицо, всегда поддакивал и говорил что-то вроде какая я умная, как я все точно понимаю, а я все чаще ощущала рядом с собой на месте мужа пятилетнего ребенка. Скоро я оставила попытки говорить с Захаром на равных и разговаривала с ним снисходительно, иногда – с иронией, а если сердилась – то с издевкой. Он ни на что не обижался или делал вид, что не обижался. Ведь я была его любимой игрушкой, ради которой он поссорился даже с мамой.

Впрочем, мама его проявила всю дипломатию, на которую была способна: не ругалась со мной, всячески ублажала сына, откармливала его у себя по выходным, в меру причитая о его непутевой жене, которая и родить-то не умеет. Екатерина Юрьевна готовила почву для будущих военных действий, кидая пока что зерно в дерновину.

Давя в себе неприязнь ко мне, свекровь подыскала через знакомых для меня хорошую работу: деньги те же, но место работы чистое, непыльное, и трудовой день короче на два часа.

Новым местом работы был единственный в нашем городе институт. Когда я появилась там, в отделе кадров, то еще толком не знала, на что сгодятся мои скудные таланты. Однако женщина в отделе кадров, представившаяся Ириной Андреевной (как потом выяснилось, она и была близкой знакомой Екатерина Юрьевны), убедительно объяснила, что на должность лаборантки нет более подходящей кандидатуры, чем я.

Ирина Андреевна дала мне графленый листок с тем, чтобы я обошла несколько кабинетов и собрала подписи людей, занимавших решающие должности в моем вопросе.

Я отправилась по этажам. Меня встречали озабоченные дядьки-тетки, с головы до пяток погруженные в науку, добывание денег и соперничество друг с другом. Но в одном кабинете меня встретил красивый сильный мужчина лет сорока с вьющимися волосами. Он взял мой листок, вышел из-за письменного стола, за которым сидел, и улыбнулся.

– Значит, вы будете у нас работать. Хорошо, – сказал он, присаживаясь на стол. – А ручка у вас есть?

– Ручка?

– Ну да. Чтобы я подписался.

– Нет.

– Жалко. Ну ничего, сейчас поищем, – он вскочил, обошел стол и присел в кресло. Подумав некоторое время, он стал приподнимать со стола бумажки, заглядывать в стоящие на столе стаканчики и напоследок вообще скрылся под сто-

ЛОМ.

– Сейчас... – донеслось откуда-то. – Вот! – победоносно воскликнул он, выныривая. – Нашел!

С этими словами он показал мне синий стержень от шариковой ручки, слегка загрызенный с конца, противоположного основанию.

Я изумилась. Никогда еще не доводилось видеть, чтобы человек в смешном положении вел себя так самоуверенно. Как будто все начальники не имеют ни одной ручки в кабинете, а подписываются исключительно гнутыми стержнями.

– Владислав Игоревич Рушев, – представился мне мужчина и протянул руку.

– Надя, – протянула я ему свою.

– А по бабушке?

– Надежда Николаевна.

– Очень рад, – потряс он меня за руку. – Я ваш непосредственный начальник, и мне важно, чтобы вы хоть немного имели представление, чем занимается наш отдел. Пойдемте, я вам покажу все наглядно на макетах.

Он распахнул дверь, мы вышли в коридор, и Владислав Игоревич толкнул дверь напротив. Мы вошли в большое помещение, заставленное станками и железками.

– Полюбуйтесь, вот тут созданный нашим отделом...

Далее последовала тирада, которую я при всем своем желании не могла расшифровать. Чтобы ее понять, мне следовало бы иметь хоть какие-то азы технического образования,

но я и математику-то знала до пятого класса. Стояла как дура и делала вид, что внимательно слушаю. Рушев самозабвенно что-то воспевал минут пятнадцать, потом прервался и спросил:

– Вам интересно?

– Да, конечно, – ответила я, и мне в самом деле было интересно, только не слушать эту абракадабру, а наблюдать за ним.

«Наверно, у него есть семья. Разумеется, есть. И дети. Пожалуй, даже не один ребенок. Как минимум два. Наверное, он очень верный муж, раз так увлечен работой. И очень умный – вон сколько всего знает. Интересно, сколько ему лет?.. Впрочем, я замужем. И он занят. Вот незадача! С первого взгляда первый раз в жизни мужчина понравился – и никаких шансов!»

Рушев говорил еще минут двадцать, потом сказал, что, когда я выйду на работу, сможет, если меня заинтересует, рассказать обо всем подробнее, а пока что он не будет злоупотреблять моим вниманием. Мы расстались до встречи.

На работу мне велели выходить с понедельника.

Коллектив состоял из девяти человек, не считая меня. Тут были две молодые лаборантки Катя и Маша: обе чуть старше меня, обе незамужние, изо всех сил делающие вид, что им это вовсе не нужно. Далее – два худеньких аспиранта Костик и Эдик, пытающиеся всем доказать, что они – Эйнштейн-

ны. Потом – начальник лаборатории Владислав Игоревич. Исследовательской деятельностью занимались три кандидата наук: Петр Викторович – неряшливый и рассеянный приземистый мужичок, Иван Петрович – крепкий, в теле, мужчина, проповедующий обливание холодной водой и утверждающий, что это ускоряет в голове вычислительные процессы, и Михаил Иннокентьевич – очень скрытный и молчаливый человек, осторожный во всяких вопросах. Отделом заведовал профессор Иванов Илья Исаакович.

Работа моя была непыльная и состояла преимущественно в распитии чая с Катей и Машей, умелой сортировке бумажек и их хранении.

В выходные к нам с Захаром пришли в гости Варька с Леньей. Посидели, выпили. У всех «раскатало губу», и Захар с Ленькой побежали за спиртным, благо продавалось оно в любое время суток сколько хочешь граммов и литров любой расцветки – не то что во времена перестройки.

Варя, улучив момент, стала выпрашивать, как мне замужество.

– В принципе, не жалею, – обняла я подругу. – Только вопрос, как надолго Захара хватит?

– Да что с ним случится, Надь?

– К маме своей убежит.

– Да он же тебя так любит! – погладила Варя мою руку.

Я встала, собрала пустые тарелки и открыла воду.

– Надь, ты мне скажи, – Варя подошла и выключила воду. – А ты его любишь?

– А ты как думаешь?

– Думаю, нет.

– Правильно думаешь. Я от отчаяния за него замуж вышла... Но ты пойми, Варя, он мне приятен, с ним можно жить, он к Даше хорошо относится. Только пластилин он. Своего характера не имеет.

– Надь. – Варя села напротив меня. – Вот между нами, девочками. Скажи, а ты вообще любила когда-нибудь? Мне кажется, ты вообще не знаешь, что такое любовь.

– А ты знаешь?

– Я знаю. Я много раз любила. В шестом классе Эдика любила. Потом Тарасов мне очень нравился, по ночам снился. Потом в десятом классе того, помнишь, очень любила. Ленку люблю. Он, кобель, шляется, а я без него жить не могу...

– Я не могу, Варя, как ты. Мне кажется, любовь бывает один раз. Какой-то писатель знаменитый сказал что-то наподобие «Любовь однажды заносится в кровь человека, и он живет ею. Если она исчезает, то все последующие чувства попадают в высохшие вены». Я, Варя, думаю, первая любовь Божьим перстом указана, все остальное – следствие из разных причин...

– Ну, ну... Ты ж у нас мудреная... Зубы заговариваешь, чтоб от вопроса уйти. Всегда ты так.

– Я любила.

– Андрея что ли?

– Нет, гораздо раньше. Я влюбилась в третьем классе в мальчика, который жил в моем подъезде, и любила его долго-долго. Может, и сейчас немного люблю.

– И? – подруга приняла выжидающую позу.

– И всё.

– Как всё?

– Всё. Я его любила, а он об этом не знал и не знает.

– Но почему?

– Варя, ты меня не поймешь. Он – идеал. Я сама его придумала. Если он на самом деле такой, как я о нем думаю, то я недостойна его и он не может меня любить. А если он не такой, каким я его себе представляю, – то зачем мне разочаровываться?

– Хоть зовут-то его как?

– Если Бог даст мне ребенка, я назову его именем. Тогда узнаешь.

– Ну и молчи как партизан, – Варя обиженно надула губы. – Про работу тогда новую рассказывай!

– Ой, Варя! – я присела на табуретку и прижала руки к подбородку. – Я с таким мужчиной познакомилась! Это настоящий мужчина, Варя, я таких еще не видела... – и поведала о Владиславе Игоревиче...

Новый 1995 год в новом коллективе прошел на «ура».

Раньше я думала, что интеллигентные отличаются от

обычных смертных, а оказалось, они пьют водку точно так же, если не больше. И чудачат интереснее. Илья Исаакович, вероятно, это знал и потому, как только новогоднее «собрание» стало приобретать черты обычной пьянки, культурно покинул коллектив, пожелав всем дойти до дома. После этого Костик и Эдик дважды бегали в ближайший магазин, и все напились чуть ли не до полуобморочного состояния. Катя пугала умывальники в туалете, а Маша долго плакала по поводу неудавшейся личной жизни. Михаил Иннокентьевич, когда мероприятие и спиртное подошло к концу, никак не хотел ехать домой.

– Я ему говорю! – говорил Михаил Иннокентьевич кому-то о ком-то. – Я ему говорю: «Надо открыть малое предприятие, где будем производить качественно новый и... зо... ляционный материал!» А он мне: «Вы никогда не станете богатым!» Я ему: «Почему?» А он: «Вы, Михаил Иннокентьевич, мелко мыслите. Нет в вас масштаба! Сейчас надо мыслить широко: купи-продай!» Нет, вы понимаете, купи-продай! Ку-пи-про-дай!..

Михаила Иннокентьевича насильно усадили в заказанное такси, так как жена его, то бишь Михаила Иннокентьевича, предварительно просила Илью Исааковича об этом.

Остальные разошлись своим ходом. Все, кроме Петра Викторовича: он напился до того, что уснул на экспериментальной установке, и разбудить его никто не смог.

В новогодние праздники мы с Захаром ходили по гостям, дарили и принимали подарки: моя бабушка была особенно нам рада, усматривая в Захаре все мое счастье.

После Нового года Захару прибавили зарплату, и мы стали жить сносно: более-менее питались, закурили «Монте-Карло» и даже записались в бассейн для поправки здоровья. Так как Даша не умела плавать, но хотела научиться, мы взяли абонемент и для нее. Правда, плавание с ней было мучением и комедией: она в спасательном жилете стояла ногами на метровой глубине бассейна и громко кричала «Тону!» таким же пронзительным голосом, каким кричала маленькой при виде заводной рыбы в ванне, а мы с Захаром плавали вокруг нее и убеждали, что на этом месте утонуть невозможно. И так весь сеанс. Но всем нравилось.

Еще я осуществила свою давнюю мечту: съесть зараз десять пирожных «картошка». Зашли с Захаром в кафе, и он купил мне целую коробку. Сели за столик, и я стала уплетать. На четвертой «сломалась». И тут ко мне подошел грязный, оборванный мальчик лет девяти и попросил: «Угостите меня пироженком, пожалуйста...» Я отдала ему с разрешения Захара всю коробку и, выйдя из кафе, заревела.

Новый год – хорошо. А весна лучше. Потому что это мое любимое время года, потому что я терпеть не могу холод: от сильного мороза всегда простужаюсь, а лицо покрывается пятнами, самое красное из которых – на носу. Поэтому

я всегда с нетерпением жду окончания зимы и оживаю с весенними лучами. Я обожаю солнце и оттепель, лужи и запах птичьего помета, а также мой день рождения в марте.

Свое двадцатилетие в тот год я отмечала трижды: с родителями, в рабочем коллективе и с друзьями.

С родителями посидели замечательно: сказали много теплых слов друг другу, и даже Екатерина Юрьевна с Семёном Ивановичем, тоже приглашенные, не нарушили «одомашненности» и нежности обстановки.

В коллективе тоже посидели замечательно. Владислав Игоревич оказался очень компанейским человеком. Вместе с Захаром (которого, кстати, без проблем протащили через проходные института) они так душевно пели «Выйду на улицу, гляну на село...», что некоторые пытались подтанцовывать.

А вот с друзьями отмечать день рождения не стоило. Вообще-то «с друзьями» – сильно сказано. С друзьями Захара мне «стыковаться» не захотелось, и я позвала только Варю с Ленькой. Это был выходной, и пить начали с утра. Слушали матерные частушки «Сектора Газа». Ближе к вечеру все перебрали. Переслушали все кассеты и в пятый раз поставили:

Давай вечером
Умрем весело,
Поиграем в декаданс...⁶

⁶ Песня «Опиум для никого» группы «Агата Кристи»

Никто не падал, но разговор заворачивал не в то русло.

Ленька вдруг вспомнил Андрея:

– Сейчас бы тачка моя была что надо, если б тогда этот

Андрей нашу братву не кинул...

– Что за Андрей? – поинтересовался Захар.

– Да так... Знакомый один. Сейчас, сказывают, в Питере припеваючи живет... Знает, что в нашем городе появляться не следует.

– А по-моему, – вдруг дернуло меня вступить в разговор, – это вы его кинули, а не он вас.

– Ты дура, Надя! – заорал Ленька. – До тебя не доходит, что и ты бабки потеряла!

– Сам ты дурак, Ленька. Был бы умный – понял бы, почему он уехал.

Все. Сказанного не воротишь. Я совершила большую ошибку.

– Ты-ы-ы? – прохрипел Ленька. – А если я пацанам скажу? Знаешь, что они с тобой сделают?

– Может, ничего с ней не надо делать? – попытался заступиться за меня Захар.

– А ты вообще, лох, молчи!

– А по морде? – Захар встал.

Леня вскочил, разъяренный, а потом вдруг резко успокоился, слащаво улыбнулся и предложил Захару:

– Пойдем на площадку, покурим. Заодно и поговорим.

Захар кивнул, и они вышли.

Я взглянула на Варю. Она сидела словно кол проглотила.

– Твой муж – козел, – сказала я ей.

– Надь, может, покурим? – не обижаясь, предложила она.

– Покурим.

Захар с Ленькой вернулись минут через пятнадцать. Ленька сиял от счастья, а на Захаре лица не было.

– Мы квиты! – радостно пропел Ленька и попытался чмокнуть меня в щеку.

– Захар... – я попыталась взять мужа за руку. Он больно сжал мою руку и отбросил от себя. Потом прошел в ванную и заперся.

– Ну-с-с! – Леня довольно потер руки. – Теперь твой муженек в курсе, на ком женился!

Я подошла к подруге, взяла у нее сигарету, которую она не успела докурить, затушила о край пепельницы и стала с осторожностью подбирать слова:

– Варя. Ты моя подруга, и я хочу, чтобы ты ей оставалась. Сейчас, ты не обижайся, я попрошу тебя уйти вместе со своей скотиной. С этого момента Леню я не знаю. У вас я не появлюсь. Ты заходи ко мне, когда хочешь, но он для меня – никто. Знать его не желаю.

Варя часто-часто замигала глазами и пошла в коридор одеваться.

– Чего, Варь, побежали, что ли? – удивленно спросил Ленька. Будто проснулся. И стал натягивать ботинки.

– Надя, мы увидимся, – кивнула мне Варюха в дверях.
Я кивнула в ответ.

Когда в подъезде стихли их шаги, я прислонилась к дверному косяку ванной.

– Захар, а Захар... Выходи!

В ответ послышалось нечто похожее на всхлипывание.

– Захар! Не будь глупцом! Кому ты веришь – мне или Леньке?

Дверь открылась, Захар выскочил, пролетел в комнату и плюхнулся в кресло:

– Рассказывай!

– Что рассказывать?

– Все! С кем, когда и что.

– Ты в своем уме, Захар? Мало ли что было? Главное, что есть.

– Ты даже с Ленькой спала!

Я не выдержала и засмеялась.

– Это он тебе сказал?

– А это не так?

Стало тоскливо. Болван этот Захар.

– Конечно, спала. Мы все трое спали: Ленька, Варя и я. Как слоеный пирог.

– Он сказал, что ты его упрашивала переспать с собой,

когда Варя в больнице лежала! Что ты в одном бикини по дому ходила! Что...

Я демонстративно заткнула уши указательными пальцами, не в силах слушать этот бред. Закрыла глаза. Потом открыла. Захар все говорил. Тогда я пошла в ванную, где он недавно хлюпал, и заперлась. Захар все кричал, кричал... А я посмотрела в овальное зеркало, висевшее над рукомоϊником. Открыла кран, зачерпнула воды и умылась. Потом еще и еще. Пристально поглядела в зеркало: уставшая одинокая молодая женщина.

«Устала. Как же я устала. Как бы покончить со всем этим. Надоело все. Не хочу ничего. Хочу уснуть и не проснуться... Жаль... Я почти поверила, что все наладилось...» Тут я вспомнила про родителей. «Конечно, наладилось. У меня есть родители, и их я больше не огорчу. Я могу вернуться к ним. Замужество состоялось, моя неудачная беременность оправдана...» Женщина в зеркале гордо подняла голову. «Уже лучше, – подумала я, разглядывая ее. – Только взгляд тусклый». Мне вдруг вспомнилось, как однажды в детстве, когда я разозлилась на саму себя, я дала сама себе пощечину. Действенный способ.

– Возьми себя в руки! – произнесла я вслух и прежде, чем подумала, подняла руку и отвесила себе смачную оплеуху.

Перед Захаром разыграла спектакль. Вышла якобы заплаканная, уверяла его в любви до гроба, а все обвинения от-

рицала, признав, правда, тот факт, что до него у меня были мужчины. А то он, бедненький, этого не знал!

Разводиться не стали, решили начать «с белого листа».

«Белый лист» Захар начал с пьянства. Работал он посменно, четкого графика не было, и поэтому я терялась в догадках: пьет или работает? Так продолжалось почти месяц. В пьяном виде Захар переставал себя контролировать: говорил глупости, сочинял небылицы, разыгрывал целые представления, которым, надо сказать, я по привычке подыгрывала. Доходило до рукоприкладства с обеих сторон, но никто не был в обиде.

Я мечтала о том, что выдастся благоприятный случай, и я разведусь. Каким должен быть этот «благоприятный случай», я точно не знала.

Весенним утром я, придя на работу, ощутила ноющую боль в правом боку. В обед позвонила мама и пригласила меня на ужин. Так как муж ушел на сутки, я согласилась.

По дороге к маме меня вырвало. Есть не хотелось, но, чтобы не обижать ее, затолкала в себя котлету.

– Да что с тобой? – не выдержала мама, видя мой унылый вид.

– Отравилась я. Живот болит, и тошнит что-то.

– Мне кажется, у тебя температура. Принесу градусник, померяешь?

– Тащи.

Температура оказалась 37 с половиной.

– Смешная температура, – протянула я маме градусник.

Мама взглянула, потрогала меня и предложила вызвать скорую.

– Зачем? – искренне удивилась я.

– У тебя живот болит.

– Несильно. И температура маленькая.

– Надя, давай вызовем, хуже не будет.

– Нет, мама, не поеду я никуда!

Включили телевизор. Шло выступление врача-психотерапевта. «Разводы – это неизбежность, – говорил он. – Но не надо бояться их. Благодаря экономическим преобразованиям россияне могут осуществить свою давнюю мечту – гостевой брак. Этот термин дала нам Франция. Супруги имеют две квартиры и живут отдельно, навещая друг друга два-три раза в неделю. Вроде и женаты, и свободны одновременно. Так, кстати, живут Мавроди – учредитель и владелец АО „МММ“ и его жена фотомодель Елена...»

Еще немножко посидев и послушав специалиста по любовным делам, я ощутила, что от сильной боли не могу разогнуться.

Набрали телефон скорой. Там вежливо ответили, что водители скорой помощи бастуют и выезжают только к маленьким детям.

Мама взяла меня под руку, и мы побрели в сторону городской больницы (благо она находилась недалеко).

Это было желтое здание, и в разговоре люди часто так и говорили: желтая больница. Это та самая больница, где я лежала после неудавшейся беременности, и я еще тогда поняла, что это – особенная больница. Туда привозили раненых бомжей, алкоголиков в коме и просто всех, у кого очень непредвиденно что-то случалось с организмом. Врачи там тоже были особенные – от них часто несло медицинским спиртом. Сами они о своем месте работы говорили: «Первая истребительная». Мне в прошлый раз повезло – Королева была трезвая, а девчонке, поступившей на следующие сутки, повезло меньше: докторше коридора было мало и стены казались узкими. Поэтому свое дело она доверила какой-то медсестричке и следующей ночью «перечищала» девчонку сама, так как медсестричка, понятно, напортачила.

В приемном покое меня осмотрел врач Зимин (как он представился) и сказал, что резать надо немедленно.

Я понюхала врача и со слабой надеждой спросила:

– Может, утром?

– Сейчас.

– Я кушала.

– Прочистим.

– Может, у меня по-женски что-то?

– Вырежем и посмотрим.

Когда вырезали и посмотрели, первичный диагноз подтвердился.

Операцию делали вечером, а утром я уже любовалась на свой шов: огромный, с полживота. Такой даже трусами не прикрыть. «Придется теперь совместный купальник покупать», – с грустью подумалось мне.

Потом меня пришел навестить муж, после него прибежала Варюшка, потом – мама с папой и Дашей. Все своим долгом считали развеселить меня, и я смеялась так, что чуть швы не разошлись.

Пролежала неделю, а когда выписали, оказалось, что мне больно нагибаться, ходить, стоять. Потом пришла хозяйка квартиры, которую мы снимали, и попросила съехать. Дала на сборы две недели. Захар побежал к своей мамочке, и та уговорила его жить у нее. Со мной, естественно.

Против течения я плыть не стала и согласилась.

Помню наш последний вечер в съемной квартире, когда мы уже уложили все вещи и свернули потрепанный палас в рулон: я и Захар вышли на балкон покурить. Было темно и необычайно, почти по-летнему, тепло.

– Всё, Захар, – сказала я, затянувшись.

– Что – всё? – не понял он.

– Всё – это значит помидоры завяли. До этого момента в наших отношениях можно было что-то исправить в лучшую сторону, а теперь – нет. Остался вопрос времени.

– Ну что ты, львеночек, у нас сейчас все хорошо, а будет еще лучше.

Глупец.

У свекрови

– Лентяйка она, ничего не делает! И картошку чистить не умеет: по сантиметру кожуру срезает. Что ни делает – все халтура!

– Mam, ну больно ей пол мыть после операции, знаешь же!

– Захар, мне тоже вырезали аппендицит, так я через три дня как огурчик бегала!

– Мама, ей очень большой шов сделали, хирург даже в поликлинике сказал: «Как это вас так располосовали?»

– Но картошку-то можно по-человечески чистить... – зашипела вновь Екатерина Юрьевна.

– Ладно, я скажу ей об этом...

Они не знали, что я давно выключила воду в ванной комнате и мне все отлично было слышно. Я постояла еще немного, дождалась, когда щелкнула входная дверь (это значило, что мамаша Захара с отчимом ушли на работу), и вышла.

– Надь! – донесся с кухни голос Захара.

– Знаю! – ответила я. – Не буду я по два часа картошку чистить! Она уже вялая, и у твоих ее столько, что в этот год можно и не сажать.

– Они продадут!

– Сказала – не буду!

– Да я вообще не о том, – Захар вышел с кухни. – Я тоже плевал на эту картошку. Пойдем почистим ее по-быстрому,

пока они не видят.

– Если сейчас почистим, а варить поставим только вечером, она невкусная будет.

– Что же делать?

– Приду после двух и почищу.

Я пошла одеваться на работу. Захар только пришел после смены, и ему полагалось выспаться.

Спать он не стал и побежал пить к друзьям. Спорить с ним было бесполезно. Да я и не могла позволить себе опуститься до того, чтобы умолять его не пить, не гулять, не говорить глупостей; и его мать ставила мне это в вину, говоря, что он из-за меня сопьется и «сошляется», т. е. кончит тем же, чем и его родной отец.

– При чем тут я? – спросила я как-то Екатерину Юрьевну. – Не буду же я в компании при всех у него стопку с водкой вырывать.

– Вырывать не надо, а пнуть ногой под столом можно. А можно и самой больше пить – ему меньше достанется. Муж жену до дома всегда донесет, а вот жена мужа – навряд ли. Тем более ты, тощая такая. Захар вон какой богатырь: на тебя облокотится, ты и скукожишься.

Я поражалась такой логике и не возражала, поскольку давно свыклась с мыслью, что все их семейство слегка своеобразное.

Когда я пришла с работы, стоговила поесть для всех и все

сели ужинать (включая мужа, которому как следует закусить не дали), разыгрался очередной скандал. Как по нотам.

Нота первая: почему муж отсутствовал дома, а я, чтоб он с утра не ушел, не легла пред ним костями?

Нота вторая: я поставила перед мужем не его любимую тарелочку с каемочкой в цветочках.

Нота третья: картошка даже вареная выглядела преступно начищенной.

После этого все ноты стали сливаться в такой шум, что мне нестерпимо захотелось курить. Но вот досада: все делали вид, что я не курю, и, увидь меня Екатерина Юрьевна с сигаретой, было бы светопреставление.

Удивляюсь, как я все это и ради чего терпела? Каждый день было одно и то же: кляча тощая, неумеха, распутная. На последнем обстоятельстве Екатерина Юрьевна любила концентрироваться подолгу, со вкусом рассуждая о том, как на меня смотрят мужики (и что они только во мне находят) и как мне повезло с ее Захаром, которого я абсолютно не стою. А так как я не понимаю счастья, на меня свалившегося, то, естественно, пойду налево и изменю ему много раз, а если он со мной разведется, то сразу же найду другого наивного человека и выскочу за него замуж. Фантазии свекрови доходили так далеко, что иногда мне приходилось прерывать их, сбивая вопросами типа «Как скоро после развода женится Захар?» или «Если у меня будет ребенок от него, будет ли он платить алименты?» и прочими нелепицами. Однако

Екатерина Юрьевна подробно теоретизировала все возможные варианты. Захара при наших таких разговорах не было никогда: да его и вообще все стали видеть крайне редко. Он работал, спал, а в свободное время уходил к друзьям. Его можно было понять: дома – «война и немцы».

Как-то раз свекровь стала ломиться в дверь ванной, где мылся Захар. «Потереть спинку», – пояснила она.

– Я сама могу потереть ему спинку, – сказала я.

– Ты не умеешь. У меня в сто раз лучше получается.

И она вошла к нему и терла спинку и всякие другие места.

На мое удивление он сказал:

– Ну и что? Она моя мама.

На правах мамы она влетала ночью в нашу комнату «поправить одеяльце», «прикрыть форточку» и «просто убедиться, что все в порядке».

В конце лета я сказала Захару, что жить с его родителями не могу и, если он не найдет жилья, уйду к своим.

В конце августа заболела ангиной. Горло было обложено так, что трудно дышалось. Когда температура поднялась до тридцати девяти и семи и не хотела сползти вниз хоть немного, я попросила Захара вызвать скорую. Поскольку в то время в городе свирепствовала эпидемия дифтерита, меня сразу увезли в больницу: да я особо и не отказывалась, так как состояние было хуже некуда. В больнице продержали меня десять дней; за это время сделали анализ, который показал,

что дифтерийной палочки у меня нет, и выписали выздоравливать домой.

Когда я добралась до квартиры Захаровых родителей (из больницы не смогла до них дозвониться), то просидела у дверей квартиры около часа. Ключей у меня не было. Вероятно, они уехали в деревню, так как была суббота, но мне было обидно, что никто из них не навестил меня в предыдущие два дня и не предусмотрел возможной моей выписки.

Поняв, что сидение на лестничной площадке не имеет больше смысла, я с огромной сумкой поплелась пешком до матери (денег на проезд тоже не было).

Мама оказалась дома и очень обрадовалась, увидев меня. Мы обнялись, я присела на скамеечку в коридоре и заплакала.

– Плюнь на них, не переживай, – стала успокаивать меня мама, сразу поняв, в чем дело. – Не стоят они того, чтобы так плакать. Ну, тебе же есть куда пойти. Мы есть. Раздевайся, отдохни.

– Мам, я насовсем к вам хочу.

– Оставайся насовсем.

И я осталась.

В понедельник вернулись муж с родителями. На следующий день, во вторник, Захар, вероятно, решил меня навестить и был удивлен, узнав, что выписали меня еще в субботу. С таким удивленным лицом он и заявился вечером к мо-

им родителям. Дверь открыла я.

– Вот ты где! А что же ты ничего не сказала?

– Когда?

– Да хоть в воскресенье вечером: мы уже приехали. Что же я, волноваться должен? И родители мои в недоумении. трудно тебе позвонить?

– Захар, зачем мне вам звонить? Не беспокойтесь.

– В каком смысле?

– В прямом. Я у мамы буду жить.

– А я?

– А ты живи где хочешь.

Захар уставился на меня как баран на новые ворота. Мы постояли так минутку, потом я сказала «пока!» и закрыла дверь.

После этого две недели ни от Захара, ни от его родителей не было никаких вестей. Я уже почти успокоилась и настроилась на новый этап своей жизни, как вдруг Захар пришел ко мне на работу.

– Я нашел жилье. Общежитие, правда. Мой друг женился, и жена, Светка, у него живет. А сама она нездешняя и в общежитии прописана. Теперь оно ей не нужно, так можно нам пожить. Пойдешь?

– Пойду, – согласилась я.

В общежитии

Общежитие было как все общежития: ветхое, неухоженное здание с давно не крашенными коридорами и лестницами и вечно недовольной вахтершей на входе. В нашей комнате были довольно приличные обои и светлый потолок (видать, опрятная эта девица Света). Она же и договорилась о том, чтобы нас пустили пожить; поэтому мы беспрепятственно пронесли через вахту платяной шкаф и малюсенький холодильник (мне дала им попользоваться бабушка): это была вся наша мебель.

Ну а далее для тех, кто не знает: общий душ, весь покрытый ржавчиной; общая кухня, полная тараканов; куча соседей, интересующихся твоей личной жизнью.

Но все это вместе было лучше того, что я имела, живя с Варей и Ленкой, и поэтому чувствовала себя в этой обстановке как рыба в воде. Нам не хватало денег на еду – но я привыкла быть голодной. У нас не было ни телевизора, ни радио – но я могла обходиться без их дребезжания. Множество соседей для меня было плюсом: я любила общение. И что удивительней всего: я была готова на еще большие неудобства, лишь бы у нас с Захаром что-то наладилось. Я все сильнее чувствовала привязанность к этому человеку. Две недели, которые я провела без него, были для меня мучительны: я сама не ожидала, как плохо мне без Захарова

внимания. Один раз мне приснился сон, будто он целует и обнимает другую женщину, и я закричала от боли и негодования. Я ревновала! Впервые в жизни я стала ревновать!

А Захар стал пить. Он пропадал сутками, потом появлялся, говоря, что жить без меня не может, потом кричал в истерике, что не может жить в таких условиях, что задыхается от скуки без телевизора, уходил на работу и после смены «зависал» у кого-нибудь из друзей до тех пор, пока не кончалось спиртное.

Однажды, во время отсутствия Захара, наведалься ко мне свекровь. Первым делом она ринулась к холодильнику и, вытащив оттуда кастрюлю, подняла крышку. Поморщилась:

– Ты этой гадостью его кормишь? Да на нем уже штаны сваливаются!

– Екатерина Юрьевна! Он же почти сто килограмм весил! А теперь – восемьдесят. Ему еще скинуть можно без ущерба для здоровья.

– Нахалка! Сама тощая и его до дистрофии довести хочешь!

– Я готовлю из того, на что хватает денег.

– Нахалка! Скажи ему, пусть к нам за картошкой явится.

– Скажу.

Брезгливо оглядевшись вокруг, Екатерина Юрьевна удалилась.

Вечером пришел пьяный муж и, переодевшись, решил

пойти по какой-то нужде к нашей соседке: это была симпатичная девушка Марина, уже дважды побывавшая замужем и привечавшая всех без разбору. Я, гордая, не сказала ему ни слова. Захар остался у Марины на ночь. Утром следующего дня я ушла на работу, а вечером, не застав Захара в нашей комнате, зашла к Марине.

Она, увидев меня, широко распахнула дверь:

– Проходи.

– Захар не у тебя?

– Нет. Он к какому-то другу пошел.

– Значит, пить.

Марина вальяжно развалилась на диване и внимательно на меня посмотрела:

– Он тебя не стоит.

– Знаю.

– Ты что, любишь его, что ли?

– Конечно, нет. Привыкла очень.

Тут я внимательно посмотрела на Марину. Очень аккуратно одета, прямые, зачесанные назад волосы, сплетенные в старомодный пучок. Нежная кожа с желтоватым оттенком, изысканный маникюр. Ничего особенного.

– Да-а-а, – протянула Марина. – Я к первому мужу тоже сильно привыкшая была. Он меня на руках поначалу носил, во всем помогал. Мать у меня тогда умерла, и сестра младшая осталась. Мне одной не поднять было бы.

– У тебя матери нет? – осторожно спросила я.

– Отец убил. А сам сел. До сих пор сидит.

– За что?

– Из ревности. Вот и первый муж у меня такой же оказался. Чуть не прибил меня, когда приревновал. И повода-то не было.

– Как «не прибил»?

– Побил только. Две недели в больнице полежала и подала на развод. В ногах валялся – не простила; тогда он убить поклялся. Что делать? Нашла защитника: хороший парень, учились вместе. Он меня всегда любил, а я взаимностью не отвечала. А тут ответила, он и встал за меня горой. И все бы хорошо, да не могу я детей иметь: отбил у меня что мог первый муж. Второй от этого гулять да пить начал. Развестись пришлось. И твой, вижу, пьет?

– Пьет.

– Может, потому, что детей нет?

– Глупости. Это потому, что телевизора нет.

– Тогда брось его.

– Брошу, попозже.

Мы помолчали.

– Чаю хочешь? – Марина будто захотела привстать.

– Нет, я пойду.

– Ну, давай. Дверь сама захлопни.

Я подошла к двери:

– У вас с ним что было?

– Нет. Он спал.

– Ну, пока, – я защелкнула дверь.

Ночью в общежитии кто-то душераздирающе стал кричать. Я вышла в коридор, встретив растрепанную Марину, ожесточенно бьющую дверь напротив. Там жил мент с двумя малолетними детьми и женой в надежде на улучшение жилищных условий.

Он открыл дверь:

– Что?

– У детдомовских, – выдохнула ему в лицо Марина.

Детдомовские – это девчонки, жившие в другом крыле общежития нашего этажа. Они были поселены тут временно, так как скоро государство должно было выделить им однокомнатные квартиры. Но государство запамятовало, а может, не торопилось, и девчонки подзадержались.

Мент с Мариной побежали в соседнее крыло. Я последовала за ними, уже поняв, что там собралось много народу и мне можно глянуть лишь издали.

– Мама, я иду к тебе! – раздался истеричный вопль, а потом – грохот от разбитого стекла... Завизжали девчоночьи голоса. Снизу, по лестнице, почти бежали врачи скорой помощи.

– Уступите дорогу! Уступите дорогу, что столпились! – кричал, видать, самый главный врач и расталкивал людей чемоданчиком.

Я поняла, что все равно придется довольствоваться только

звуками, и пошла спать: послушать я могу и в своей комнате.

Как выяснилось утром, у одной из девочек случился психоз, и она пыталась покончить с собой. У нее ничего не получилось, кроме как порезать себе руки, пытаясь выпрыгнуть из окна, и наделать много шума. Я потом познакомилась с этой девчонкой. Нормальная, как и все.

В один из октябрьских выходных меня разбудил радостный и холодный от мороза, только что вернувшийся со смены муж.

– Надя! Я договорился, поедем за грибами!

– Какие грибы?

– Последние! Поехали, нас Владик на свой локомотив подцепит. Он на прошлой неделе в Ломах собирал, там их столько! Поехали!

Мне очень захотелось поехать. Я быстро соскочила с кровати, оделась, и уже через пятнадцать минут мы мчались к вокзалу.

В детстве я очень любила ходить в лес. Когда я жила у бабушки на даче, дед меня чуть ли не ежедневно водил в лес. Мы ходили за чем угодно: за ягодами, за орехами, за грибами. Мне нравилось все. Как-то раз мы с дедушкой пошли за клюквой, и он заблудился. Долго плутал по лесу, не показывая вида, что не знает дороги. Я устала ходить, проголода-

лась и стала проситься домой.

– Сейчас, сейчас, вот еще зайдем на одну полянку и пойдем, – уговаривал меня дедушка.

А потом пошел дождик. Он был небольшой, но я была одета в тряпочную курточку, и она промокла насквозь. Я так озябла, что еле сдерживала зубную чечетку. Но стойко шла за дедушкой, терпеливо доходя до обещанной полянки, за которой следовала другая «очень хорошая полянка».

Дедушка в конце концов нашел верную дорогу, и мы вышли на дачный поселок.

Бабушка, увидев нас издали, стала громко материться. На деда, разумеется. Потом раздела меня, загнала в кровать, укрыла двумя пуховыми одеялами и разрешила кушать прямо в постели, да еще смотреть телевизор. Это было здорово!

А когда меня маленькую на каждое лето отправляли в пионерский лагерь, то больше всего там мне нравился лес, с трех сторон окружавший лагерные постройки. Это был почти девственный лес: там невозможно было ходить, не наткнувшись на чернику, лисички или белые грибы. Когда у меня портилось настроение, я уходила незамеченной (дисциплина там, как я рассказывала, была нестрогая) и бродила по лесу. А когда приезжала домой со смены, неизменно везла ягоды и грибы.

Грибы в лесу собирать – одно удовольствие. Это вроде как прогулка и в то же время азарт: что найдешь, сколько...

Когда мы с Захаром очутились в лесу, первым делом поцеловались.

– Я хочу с тобой поговорить, – вдруг сказала я.

– Давай, – кивнул Захар.

– Почему ты пьешь? По какой причине?

– Я не могу жить в этом общежитии. Мне уют нужен, квартиры своя.

– А я тебя устраиваю?

– Очень.

– Я не знаю, где найти деньги на квартиру. Наштамповать разве что, – пошутила я.

– Я по радио слышал, что 50 миллионов фальшивых рублей по области циркулирует. И долларов немеряно...

– Без шуток, Захар. Что делать-то?

– Надя, я просил свое начальство выделить мне малосемейку, но мне отказали, потому что в квартире, где я прописан, хватает метров на человека. Вот если бы я был прописан, к примеру, у твоих родителей, тогда была бы надежда: вас там четверо, а будет пять – получится нехватка. Если мне сразу ничего не дадут, то хоть на очередь поставят.

– Я поговорю с мамой.

С мамой я поговорила в тот же день, и она, после некоторого раздумья, согласилась. Спросила только:

– А вдруг Захар захочет присвоить эти метры?

По закону в то время любой прописанный в квартире род-

ственник имел право на часть жилья. Квартира моих родителей в то время была неприватизированной и не их собственностью, поэтому Захар действительно получал все права наравне с членами моей семьи. Но я верила Захару.

– Ну что ты, мама! Ему и в голову такое не придет!

Мама покачала головой, но больше ничего не сказала.

Захар прописался у моих родителей, мы стали ходить по всяким инстанциям на его работе, на моей работе; пытались даже приплести его бабушку, которая жила в пятиметровом сарае, но все было абсолютно безрезультатно.

Да и не нужно это было Захару. Он продолжал жить беззаботно.

В праздник Нового, 1996 года Захар ушел пить в неизвестном направлении, оставив меня одну. Я написала записку: «Ты от меня свободен. От моих родителей выпишись», оставила ее на столе в комнате общежития и ушла жить к родителям. Варя встретила этот Новый год еще «лучше»: в парке, где гуляла ее ничего не подозревающая и ни в чем не замешанная компания, убили какого-то депутата, взорвав его вместе с машиной. И всех, кто был в том месте, без разбору посадили на сутки до выяснения обстоятельств. Обстоятельства выяснили обычные – никто ни при чем, и под утро всех отпустили. Но Варя с неделю драилась с мылом, говоря, что в таком гадюшнике никогда еще не была.

Прелюбодеяния

В один из февральских будничных дней было чрезвычайно холодно. Половина городского транспорта не смогла выехать по назначению, и утром на остановках собралась толпа народу, безуспешно штурмуя подъезжающие редкие автобусы. Хоть я и поняла, что на работу опоздала, но не оставляла попыток куда-нибудь влезть. Наконец мне удалось втиснуться в автобус, который остановился на остановке, а не проехал, как все, дальше. Один товарищ толкнул меня внутрь, а сам завис на подножке автобуса. Автобус поехал, и нижняя ступенька его отвалилась. Ноги товарища волочились по асфальту, пассажиры кричали. Судорожно собрав силы, он вцепился в меня и еще одного пассажира, и мы чудом доехали до следующей остановки. На ней товарищ затолкнулся поглубже, и все благополучно продолжили путь.

Вывалившись из автобуса около института, я встретила Захара. Он ждал меня. Вид у него был потасканный, но трезвый. Захар заверил меня в своей вечной любви до гроба, в том, что его родители страшно переживают за нас и зовут жить к себе. Кроме того, обещают, что ко мне у них не будет никаких претензий.

Захар так проникновенно и долго говорил про «последний шанс», что я стала прислушиваться. И когда он встал на улице передо мной на колени, я, желая почудить, ошараши-

ла его:

– Я переспала с другим, пока тебя не было.

Он заплакал и встал с колен:

– Что же теперь делать?

– Не знаю. Думаю, что ничего не поправишь.

– Я прощу тебя, – вдруг скороговоркой забормотал он. – Прощу. Вернись. Поживем у моих хоть немного. Не выйдет – разойдемся. Последний шанс.

Что на меня тогда нашло? Знала, что все кончено, а согласилась.

Хотелось, наверное, отметить радостно свой день рождения – 15 марта.

На работе день рождения я действительно отметила радостно, Захар был вместе с моим коллективом. Свекровь, несмотря на то что я перешла жить к ней, мой день рождения проигнорировала.

Захар опять запил, но не так, как раньше. Мы с ним вполне мирно сосуществовали, гуляли под ручку и даже дружно ходили на очередные выборы. Выбрали Ельцина. Выбрали только потому, что главным его соперником был коммунист. А возвращаться в «советчину» не хотелось, несмотря на то, что жилось плохо. Однако и это «плохо» было относительным: плохо, но не так плохо, как, например, три года назад, когда Варька падала в голодные обмороки.

И так большая часть страны, посчитав, что хуже уже не будет, а лучше – может быть, отдали свои голоса Ельцину.

Тем более что жить становилось не так уж плохо: были бы деньги. Товаров появилось – изобилие. Возможностей – множество. Но на все требовались финансы.

Наверное, мысли о деньгах стали неотступно преследовать и Захара.

Однажды он пришел домой после двухдневного отсутствия, и получилось так, что родителей его не было, а была я одна (в тот день я работала с обеда).

– У меня к тебе разговор, – сказал вдруг Захар. – Серьезный.

Я изобразила внимание, налила себе чаю и села за стол.

– Я сегодня ночью переспал с одной старой бабой. Она – бизнесменша. Она мне дала денег и пообещала подумать о жилье, если я продолжу с ней встречаться. О тебе она знает и не против. Надо подойти к этому делу серьезно. Мы с тобой можем быть в выигрыше, если откинем ненужные моральные установки. Все зависит от тебя. Ты должна подумать...

Я, стараясь не расплескать чай, плавно поставила чашку на стол. Какой интересный рисунок на скатерти! Только сейчас заметила: разноцветные круги в перспективе. Я посмотрела на Захара, который нарезал себе бутерброд, и мне вдруг стало казаться, что он это все понарошку. И вообще все – понарошку. Все – ненастоящее. Живот стал сжиматься, и к горлу подступил страх. Сначала маленький, небольшой, потом – все больше и больше. «Опять, – завертелось в голове. – Вернулось опять. Я должна взять себя в руки. Я должна вый-

ти на улицу. Я должна с кем-то поговорить». Я посмотрела еще раз на Захара: он был ненастоящий, несуществующий. Стараясь не вспугнуть его, сказала:

– Мне сейчас на работу надо. Я подумаю, и мы после поговорим.

Для убедительности поцеловала его в щечку, оставила недопитый чай, оделась и вышла на улицу, идя по направлению к институту. Закурила. Сделав две затяжки, почувствовала сильную боль в сердце: настолько сильную, что ни дышать, ни идти не могла. Так как дорога, по которой я шла, пролегалa вдоль забора, я прислонилась к нему и замерла. Через несколько минут боль отошла.

«Зачем я курю? – вдруг подумалось мне. – Я доконала свой организм. Я больная, нервная, психованная, подверженная непонятным приступам страха. Я должна взять себя в руки. Зачем я курю? Я брошу. С этого момента я начну новую жизнь. Я должна стать сильной, решительной, волевой. Я должна безжалостно выбрасывать из жизни все, что мне мешает. Мне мешает курение – я брошу его. Я хозяйка своей жизни, а не мои дурные привычки».

Что со мной произошло в тот момент – непонятно, но я выкинула сигарету, и это наполнило меня радостью.

В тот день я на работе обдумала свою жизнь и составила план ближайших действий:

1. Бросить курить.
2. Бросить мужа.

3. Получить высшее образование.

Вечером, застав мужа дома, сказала, что хочу развестись. Он ответил, что подаст в суд, чтобы ему присудили его законные метры в квартире моих родителей. И посоветовал мне одуматься, так как я без него пропаду, ведь это он поднял меня из грязи и беззаветно любит, несмотря ни на что.

– Не хочешь бизнесменшу – не надо, так и скажи. Я ж тебя не заставляю. Но ты много потеряешь.

Во время этого разговора я чудом взяла себя в руки, решив, что надо выработать какую-то стратегию; пошла в ванную и вылила на себя два таза холодной воды.

– Покурим? – спросил Захар, когда я вышла из ванной.

– Я бросила.

С этого дня началась игра: я играла вроде бы любящую жену, а сама лихорадочно искала способ развестись так, чтобы это не затронуло моих родителей. Вкрадчиво и настойчиво убеждала Захара выписаться из родительской квартиры, упирая на то, что я его люблю, а он свою любовь пусть докажет мне, выписавшись. На коленях перед ним стояла, говорила такую чушь, что вспоминать неловко. Врала на каждом шагу и в результате добилась своего: Захар начал процесс по выписке: таскал документы, справки и т. д. по всевозможным инстанциям.

С началом тепла я с его семьей ездила к ним в деревню:

сажала, поливала, готовила и отличилась так, что даже Екатерина Юрьевна похвалила:

– Тощая-тощая, а сила в ней есть.

Летом в нашем отделе института праздновали рождение ребенка у сотрудницы, находящейся в декретном отпуске. Я в глаза не видела ни сотрудницу, ни ее ребенка, но к «обмыванию копыт» подключилась с великим энтузиазмом, который возрастал по мере того, как я все больше убеждалась, что мой муж гулять к нам в лабораторию не придет. Это означало, что он пьет в другом месте, но я об этом не сожалела, так как накануне он завершил процесс по выписке от моих родителей, который все время специально тормозил, и теперь мне бояться стало нечего; в мыслях я уже прокладывала новую линию своей жизни – без Захара.

Когда часы показывали половину одиннадцатого вечера, из пьянствующих остались лаборантки Катя с Машей, аспиранты Костя с Мишей, Владислав Игоревич и я. Заиграл медленный танец, и Владислав Игоревич пригласил меня. После танца он просто сказал:

– Заходи ко мне. Я не запрю кабинет.

И ушел.

Я подумала и пошла к нему.

Зашла. Он запер за мной дверь, и мы остались в полной темноте.

– А завтра не будет стыдно? – спросила я темноту.

– Не будет.

Когда я незаметно вышла из его кабинета, то наткнулась в коридоре на Костю.

– Ты куда? – спросил он меня.

– Домой.

– Давай тебя провожу.

– А Маша как же?

– Миша их обоих пошел провожать.

– Ну, проводи меня до перекрестка...

Я взяла сумочку с рабочего места, и мы вышли через проходные.

По дороге Костя стал рассказывать мне о своем научном открытии, которое, когда подтвердится экспериментально, сделает его обеспеченным и уважаемым человеком. Я делала вид, что слушаю, и изредка мотала головой и изображала удивление.

Когда мы дошли до перекрестка, я остановилась и прервала его монолог:

– Пока.

– Ну, если ты точно дойдешь домой... – начал было он, но продолжить не успел, так как откуда-то сбоку выскочило темное пятно и с криком «На!» сшибло Костика с ног.

Пятно оказалось моим мужем Захаром, который непонятно каким образом оказался на этом месте в стельку пьяный. С ним был еще какой-то незнакомый шатающийся парень, и

тот с радостью стал помогать ему пинать ни в чем неповинного Костю.

Я кричала: «Перестаньте!» – и пыталась оторвать Захара от Костика.

Нелепая сцена продолжалась минут пять, после чего к нам подъехала милицейская машина. Вышли два милиционера, скрутили Захара, Костю и незнакомца и по очереди стали заталкивать их в машину.

– Надя! – вдруг заорал Захар. – Надя! Скажи им, что я твой муж, что ты за меня ручаешься! Она доведет меня до дома, я больше не буду, – обращаясь к стражам порядка, тараторил Захар, упираясь ногами в асфальт.

– Он правда ваш муж? – поинтересовался один милиционер, ослабив хватку и всем своим видом показывая, что, если это так, он непременно отпустит данного задержанного.

– Нет! – вырвалось у меня. – Не знаю я его! Отпустите вон того, худенького, он совсем ни при чем! Он в аспирантуре учится и работает. Ему завтра на работу надо.

– Нет, не отпустим. Он пьяный вдрызг.

И милицейская машина с Захаром, Костиком и неизвестным полудурком уехала.

Я не могла смириться с несправедливым захватом Костика и пошла пешком в милицейское отделение, куда их повезли; благо оно располагалось на следующей остановке.

– Вам к кому? – спросил строгий постовой, когда я вошла в здание.

– К главному. Это куда?

– А по какому вопросу?

– По личному.

– Для личных вопросов очень поздно, приходите в приемные часы.

– Пропустите, мне всего два слова сказать. Если не пропустите – я тут всю ночь сидеть буду. И плакать. Потому что сейчас человека невинно арестовали.

– Это того, кто паспорт свой хотел продать?

– Нет... Этот просто в аспирантуре учится...

Рядом стоял человек в форме и курил. Он внимательно слушал все, что я говорю постовому, потом подошел ко мне:

– Пойдем.

Он подвел меня какому-то стеклянному окошку за дверями, с кем-то поговорил и сказал:

– Бесполезно. На них уже документы оформили. Завтра судья определит им взыскание и отпустит домой, если нет причин задерживать. А вы тут не стойте. Давайте я вас домой провожу.

И он проводил меня к свекрови. Как она орала!

Когда на следующий день я пришла на работу, стыдно, и вправду, было только мне. Точнее, даже не стыдно, а неловко

как-то. Потому что мне очень нравился Владислав Игоревич, а если еще честнее – почти влюбилась я в него. «Почти» – потому что совершенно погрузиться в состояние влюбленности мне не давал разум: я прекрасно сознавала, что он женат, имеет двух детей и, хоть и охладел к супруге, семью не разрушит. Да и я как бы замужем. И я, и Владислав Игоревич сделали вид, что ничего между нами не было.

Костик в тот день на работу не пришел. Пришел на следующий, весь синий. На меня не смотрел.

Муж пришел вечером, тоже битый, и не разговаривал со мною. Обозвал предательницей и запил на неделю. С работы его сократили. Екатерина Юрьевна заметалась в поисках работы для него, и на меня почти перестали обращать внимание.

В это появившееся свободное время я навестила Варю. Она торговала продуктами в круглосуточном ларьке, куда устроил ее друг Ленки. Днем Вале было скучно работать, а ночью – страшно, так как бродили всякие рэкетеры, а крышующая братва делила сферы влияния. И Варя просила всех кого могла хоть когда-нибудь составить ей компанию.

И вот в один из последних теплых летних дней я выкрасила волосы в черный цвет и решила проехаться после работы до Вари, показать ей свою новую прическу.

Цвет ей понравился. Мы открыли по баночке пива и стали болтать ни о чем. В этот момент в окошко ларька протяну-

лась рука с деньгами:

– Чипсы, пожалуйста.

Голос Алины! Я высунула голову в окошко: точно, Алин-ка!

Алинка, увидев меня, закричала от радости.

Я попрощалась с Варей, вышла из дверей ларька и бросилась обниматься с давней подругой.

Алина, как выяснилось, училась в областном художественном училище и жила тоже там, а в родной город приехала повидать родню. И никак не ожидала увидеть меня. Она полагала, что меня в городе тоже давно нет, так как я, когда ушла из дома, прервала со всеми связь.

Мы так обрадовались друг другу, что просидели на лавочке полтора часа и все никак не могли наговориться. Потом выпили за встречу по бутылочке пива, и Алина, как человек никому не обязанный, пошла меня провожать до свекрови. Шли медленно, а тем временем на улице темнело. А когда мы с Алиной тепло расстались, время приблизилось к одиннадцати часам глубокого вечера.

– Тварь продажная! – выпалила мне в лицо Екатерина Юрьевна, едва открыла дверь. – Муж работу потерял, и опять же из-за нее, а она сразу и налево побежала.

– А Захар дома?

– Дома! В отличие от тебя! Захар! – Екатерина Юрьевна распахнула дверь в маленькую комнату. – Твоя интеллигент-

ка паршивая пришла! Не постыдится даже!

– Я подругу давнюю встретила, и мы пешком долго гуляли.

– Рассказывай, как же!

Я прошла в маленькую комнату, где жили мы с Захаром, и увидела его полуспящего.

– Ты что, спишь?

– Сплю.

– Слышишь, как меня твоя мама ласкает?

– Надоело мне все. Делайте что хотите.

Я начала собирать свои вещи. Благо я знала, что не задержусь, и особо забирать было нечего. Сложила шмотки в две сумки, упаковала. «Переночую, а утром уйду», – абсолютно спокойно подумала я и прилегла с Захаром не раздеваясь.

Утром родители Захара ушли на работу. Захар спал сном младенца. Ушла и я со своими сумками.

На следующей неделе нас с Захаром без лишних формальностей развели. Его фамилию я оставила: лень было менять паспорт.

Захар через три месяца после развода женился на беременной от него девушке.

А через год после этого ввязался в какую-то драку по пьяни и сел на два года в тюрьму.

Часть четвертая

Выход

Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло;

Научитесь делать добро, ищите правды...

Тогда придите, и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю.

Книга пророка Исаии. Гл. 1, 16–18

Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам;

Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

Евангелие от Матфея. Гл. 7, 7–8

...Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет.

Евангелие от Иоанна. Гл. 10, 9

Поворот

Родители встретили меня доброжелательно. Если мама где-то глубоко внутри себя и была расстроена, она внешне

не показала этого. Моя репутация давно была спасена, я и они ничего не потеряли в материальном плане (а мама этого очень боялась), и долги, в которые они влезли ради моей свадьбы, были выплачены.

Я заверила родителей, что всю зарплату до копейки буду отдавать им, что по дому буду делать все что надо, а взамен попросила позволить мне налаживать личную жизнь, как я хочу. Они согласились. Тем более что мой новый приятель – Костик (да-да, тот самый) – им понравился.

Мы сошлись с ним сразу после моего развода. Я пыталась выйти из непонятной депрессии, и мне хотелось, чтобы меня окружало как можно больше мужчин; чтобы все видели, и Захар в том числе, что я весела и не одинока. Заполучить Костика не составило для меня труда. Но если я сошлась с ним ради игры, то Костя воспринимал меня с каждым днем все серьезнее и серьезнее. Вскоре я попала в такое положение, что бросить Костика с моей стороны было бы сверхнепорядочно, тем более что он познакомил меня со своими родителями. Его мама с папой оказались на редкость хорошими и приятными людьми. Они очень доброжелательно отнеслись ко мне; тут же стали звать «Надюшечка», а мама его – Тамара Ивановна – специально к моим визитам пекла пирожное. Костик тратил на меня свою стипендию и зарплату, и они не возражали, а даже добавляли ему денег, когда он хотел купить мне какой-либо подарок.

– Что, запахло свадьбой? – сказала мама, наблюдая за мо-

ими с Костиком отношениями.

– Нет. С ним свадьбы не будет.

– Почему же?

– У него денег на свадьбу нет. Это во-первых. И не люблю я его. Это во-вторых.

– Как же ты с ним встречаешься?

– Mam. Любовь до гроба – большая редкость. Некоторые люди вообще не способны к любви. А в основе взаимоотношений может быть симпатия, привязанность, дружба...

– Да, да, да. Так нам копить денег на свадьбу?

– Мама, если я когда-нибудь выйду замуж, то вы не потратите на это дело ни копейки. Даже если захотите, я вам не позволю. Так что спите спокойно и ни о чем не переживайте.

Мама расстраивалась из-за денег не просто так. После короткой передышки опять наступили нелегкие времена. Перестали выплачивать пенсии. На единственном в городе заводе, в котором шли баталии с целью признать его банкротом, опять перестали выдавать зарплату, и полгорода если не голодало, то питалось очень скромно. Сделано это было, вероятно, специально: с тем, чтобы люди продавали акции, приобретенные ранее на ваучеры. Некоторые побежали продавать эти акции сразу, а некоторые подзадержались. Вот для них-то и создали такое положение, при котором в нашей семье обедали картошкой с солеными огурцами. А когда мы приели все домашние заготовки, я продала обручальное колечко и купила еды на полтора дня: на большее не хватило.

Акций у мамы не было давно (с тех пор как получила их за ваучеры); продать их дважды, к сожалению, было нельзя. Папа со своей работы приносил копейки, да еще выпивал. Видать, кто-то из его же «сотрудников» взял это на заметку, так как папа трижды подвергся нападению неизвестных, и все в дни полочки. В первое нападение полочку отняли, во второе – отняли только сумку с продуктами, а в третье не отняли ничего, но папа, уже подготовленный, ножом ранил одного из двух нападавших в руку, после чего они ретировались. Милиция бездействовала. У нее было важное занятие: она охраняла картофельные поля от голодных городских жителей. Мама плакала, ругалась с папой, как в былые времена; я сохраняла нейтралитет. Даша была с головой в учебе: она училась в школе на отлично, и ей прочили золотую медаль. Мне было жаль родителей, Дашу, и я всерьез тревожилась за них, стараясь как можно меньше съездать дома и как можно больше выжимать из Костика.

Маме все больше нравилось мое поведение, а я все сильнее старалась быть примерной дочерью. Дом для меня стал местом, которым я дорожила, а мама, папа и Даша – людьми, о которых я должна заботиться. Я крутилась как могла: убирала, готовила, шила, а взамен просила лишь свободу в личной жизни. То ли мамино отношение ко мне после замужества изменилось, то ли она оценила мои старания для семьи, но конфликты между нами прекратились, и мы обо всем мирно договаривались.

Позже стало жить чуть легче. Кого-то убили, кого-то посадили, рабочие завода продали свои последние акции, и выдачу зарплаты возобновили.

Не без приключений, но хорошо начали жить торгаши.

Варя – после того как ларек, в котором она работала, сожгли вместе с продавцом (благо не Варина смена была!) – подалась на рынок, нанявшись продавщицей к челночнице, возившей из Москвы капроновые колготки. Торговля шла хорошо.

– Как ты их продаешь? – спросила я как-то Варю, так как в мозгах моих теплилось все еще не изжитое коммунистическое презрение к спекулянтам.

– Очень просто! Подходит человек, спрашивает: «А эти колготки какого размера»? А я тоже спрашиваю: «А вам какого нужно»? Он говорит: «Такого-то и такого-то». А я говорю: «Вот это он и есть».

– А он правда такой и есть?

– Да ну, что ты! Да и какая разница: колготки-то тянутся!

На свою зарплату Варя пыталась прокормить маму, которая, стоя у станка круглосуточно, полгода не получала денег, сестру, которая не могла найти работу после школы и стояла на бирже труда, и отца, у которого от пьянки начала гнить левая нога. Виталич, отец Варин, был даже рад такому повороту судьбы: ему присвоили инвалидность, и теперь он мог пропивать свои законные деньги, вымогая только на закуску. Тетя Валя, Варина мать, стала худющая как доска; а Любка

– сестра – пополнела и подурнела.

Варя жила у матери, так как Ленька ее бросил: где-то на стороне у него родилась дочка. Ни разводиться, ни жениться, как было слышно, он не собирался. Варя погрустила и запила. Так как одной пить несподручно, она обратилась ко мне за помощью.

В отношениях с Костиком я всячески подчеркивала свою независимость и вечера могла проводить где хочу и с кем хочу.

Развлекались с Варей так: заходили в забегаловку, покупали по стаканчику пива и медленно-медленно пили. За это время обязательно «нарисовывались» какие-нибудь мужчинки, предлагающие выпить за их счет. Мы пили за их счет, знакомились. Их предложения провести вместе ночь отклоняли. Если мужчинки становились очень настойчивы, то Варя (у которой на этот случай всегда были деньги) предлагала возместить стоимость выпитого нами. Как правило, ни один мужчина не брал деньги, и даже самые рьяные мирились с тем, что их «продинамили».

Был случай, когда нас в баре напоила одинокая молодая женщина. Она была вся такая крутая, в кожаном пальто с мехом, и вертела в руках сотовый телефон: эта игрушка тогда только стала появляться у зажиточных товарищей.

– Мария, – представилась она. – Мне грустно. Пить со мной будете? Я угощаю.

Мы согласились: я с недоумением, Варька – с радостью.

Выпили и закусили хорошо. Мария рассказала нам про свою беззаботную жизнь в столице, дорогую машину с личным шофером и охранника, от которого она смоталась. В наш город Мария приехала навестить какую-то родню.

Пьянка закончилась неожиданно. У Марии случилась истерика.

– Сыночек мой! – заголосила женщина, ломая руки. – Сыночек мой! Сволочь такая, увез тебя за границу! Будь проклято это обучение! Я скучаю по тебе, сыноче-е-е-к!!!

Хозяин бара кому-то позвонил, за Марией тут же приехали двое мужчин, взяли ее под руки и осторожно увели. Больше мы ее не встречали...

Пить нам с Варей нравилось. Мне нравилось и раньше, я притормозила, только выйдя замуж; а Варя всегда пила плохо. А тут ее понесло так, что я с трудом за ней поспевала.

Часто, напившись, мы с Варей шли домой, обнявшись и горланя песни. Я запевала:

Я гуляла вчера,
Я хмельного вина
Много вы-ы-ыпи-и-ила,
Много проли-и-ила-а-а.

Варя подтягивала:

Пусть кругом говорят,
Что люблю всех подряд.

Я тебя, так и знай,
Не люби-и-ила.

Потом мы завывали вместе:

Не надейся, не жди:
Все давно позади;
И не думай, что что-то жалею.

Мне давно все равно,
Мне хмельное вино
Как-то ближе, чем ты, и роднее.

Пить я пила, но к сигарете не возвращалась. Более того: вскоре после развода с Захаром взяла административный день в институте и съездила в областной центр. Весь день ходила по всяким высшим учебным заведениям, и прикидывала, куда бы направить стопы. Остановилась на одном педагогическом: там обучали заочно, предоставляли общежитие, и вступительные экзамены нужно было сдавать только по двум предметам. В приемной комиссии мне объяснили, что набор на это год закончен, но меня это не должно огорчать, так как в следующем году я тоже не поступлю, равно как и в последующем.

– Почему же? – наивно спросила я.

– Во-первых, на заочное поступают люди со льготами: те, которые проживают в сельской местности, те, которые закон-

чили педагогические училища. У вас что-нибудь такое есть?

– Нет.

– Потом, есть приоритет для тех, кто отучился год на подготовительном отделении. Вы не учились. Далее. Можно учиться на платной основе. Вы будете учиться за деньги?

– Исключено.

– Вот. И потом, не смотрите, что на стенде написано о предоставлении общежития. Оно переполнено, и мест для иногородних нет абсолютно. Мы в этом плане ничем не можем помочь студентам. Они эту проблему решают сами.

– Но вообще-то поступить бесплатно теоретически возможно?

– Возможно. Если вы наберете максимальное количество баллов: это тридцать или, на худой конец, двадцать девять, и если останутся места, на которые не претендуют льготники.

– Хорошо. Тогда я хочу учиться на подготовительном отделении.

Мне посоветовали пройти в кабинет 312.

Он был заперт, и я прождала около часа, так как в соседних кабинетах меня заверили, что Ирина Родионовна – заведующая подготовительным отделением – должна вот-вот быть. В конце концов она появилась: очень худая, нервозная женщина с короткой стрижкой и огромными золотыми клипсами. Они как-то выбивались из строгого стиля, на который претендовал ее темный жаккардовый костюм.

– Вы ко мне? – недоуменно спросила она.

– К вам.

– Пройдемте.

Мы прошли в кабинет.

– Я хотела бы учиться на подготовительном отделении.

– Один миллион.

– За что?

– Чтобы поступить на подготовительное отделение вне конкурса.

– Сюда конкурс?

– А как же! Те же экзамены, только объемом спрашиваемого поменьше. И проходят в форме собеседования.

– И платить не надо?

– Нет.

– Тогда я хочу пройти собеседование.

– Оно состоится через две недели.

– Я согласна.

– Заполните анкеты. Вы на какую специальность поступать хотите?

– Наверное, на дошкольную психологию и педагогику...

– Почему вдруг?

– Вообще-то я хочу стать учителем литературы и русского языка, но я картавлю: р-р-р-р...

– Да, – Ирина Родионовна вдруг с интересом посмотрела на меня, – картавите. Но, знаете, – улыбнулась она, – некоторые по несколько букв не выговаривают, а учатся у нас на этой специальности. Так что пишите в анкете: учитель рус-

ского языка и литературы.

Я написала и продолжила заполнять пустые графы. Споткнулась на графе «иностранный язык». Я окончила школу давно и учила там немецкий. Учила так, что ни писать, ни разговаривать на немецком не умела, да и не помнила его вообще. «Мутер», «фатер», «ихь бин» и «думмеркоф» – это все, что я знала. Да – и еще «хенде хох». Моя рука на какое-то время зависла, потом качнулась вправо, и я написала: английский.

Ирина Родионовна взяла у меня анкету, сверила ее с табелем.

– А почему английский?

– А мне все равно что заново учить. Хоть китайский. Так что выучу английский.

– Ну-ну, – покачала головой Ирина Родионовна. – Встретимся через две недели.

На собеседование я поехала с Костиком.

Когда Костик узнал о моем желании получить высшее образование, он предложил мне поступить в единственный в нашем городе институт (в котором я, кстати, и работала) и предложил свою помощь в учебе.

– Я учиться за тебя буду, и ты станешь отличницей, – сказал он мне.

Но я не согласилась и сделала свой выбор.

Костик, хоть и не одобрял его, так как не верил в положи-

тельный исход моего мероприятия, все же помогал чем мог.

Так, он получил стипендию, и мы поехали на собеседование. Я прихватила папку со своими стихами и отрывки знаний, которые успела понапихать в свою голову за две недели.

Перед началом собеседования мы с Костиком зашли в кафе, и я попросила его заказать мне стакан вина. Выпила.

Собеседование проходило в огромном зале, там была куча народу. У противоположной от входа стены стояло три стола, за каждым сидело по человеку. За одним столом спрашивали русский язык устно, за другим – письменно, а за третьим велся опрос по русской литературе.

Я успешно преодолела первый и второй стол, а когда подошла к третьему, то услышала несвязный лепет опрашиваемой передо мной девчушки. Когда она встала со стула и я уселась на него, строгая женщина напротив с прекрасным белым лицом без всякого намека на косметику, с биркой на груди «Светлана Лазаревна Петрова» устало поглядела на меня и грустно спросила:

– Ну, а вы мне что расскажете?

– Я могу рассказать вам о моем любимом поэте! – предложила я, беря инициативу на себя.

– Вот как? – устало улыбнулась она. – И кто же ваш любимый поэт?

– Михаил Юрьевич Лермонтов.

– Что ж, рассказывайте, – она кивнула и откинулась на

спинку стула.

И я стала рассказывать все, что знала о его биографии и творчестве. Я не соврала: он действительно был мой любимый поэт. Я очень много знала из него наизусть и обильно сыпала цитатами. Светлана Лазаревна все с бóльшим интересом слушала меня, и я заметила, что с других столов тоже вольно-невольно прислушиваются ко мне. Не дошла я еще и до половины того, что хотела рассказать, как Лазаревна прервала меня:

– Ваше любимое стихотворение наизусть расскажите, пожалуйста.

И я вдохновенно начала:

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душой.
Знай: мы чужие с этих пор...

Когда закончила, глаза Светланы Лазаревны игриво сверкнули:

– А кому он это стихотворение написал, вы знаете?

– Наталье Федоровне Ивановой.

Все!

На фоне остальных я казалась гигантом мысли!

– А почему вы хотите учиться на филолога? – вдруг задала дежурный вопрос Петрова.

Честно сказать, я ждала этого «вдруг», и, немножко сму-

тившись, вытащила из пакета папку:

– Я пишу стихи.

– Интересно.

Я протянула женщине свою писанину. Она полистала:

– М-да. Подражательно-элегические.

– Настроение такое.

– Да-да... Вы по всем предметам прошли собеседование, результат подождите в коридоре.

Я вышла, подождала, и через полтора часа вывесили список поступивших на подготовительное отделение: среди них была и я.

Учеба началась со следующего месяца: я должна была каждую субботу исправно посещать занятия, привозя на них выполненные домашние контрольные работы. Чтобы прибыть на занятия к девяти утра, мне надо было встать в пять, добраться пешком до железнодорожного вокзала и сесть на шестичасовой поезд, который ровно в восемь приезжал в областной центр.

Из моего города на эти занятия ездили каждую неделю еще две девушки. Мы подружились, несмотря на то что они были моложе меня: только что после школы. Одна из них – Катя – полупрозрачная, тихая девочка, такая тихая, что я удивлялась, как мама отпускает ее одну в такую даль. Катя всегда брала с собой в дорогу одно яблоко и съедала его в перерыве между занятиями. Иногда в ее животе урчало, но

она никогда при нас ничего другого не ела. Катя могла бы выглядеть вполне симпатично, но она совершенно не обращала внимания на свою внешность: старая, но аккуратная одежда, полное отсутствие косметики на лице и волосы, крепко собранные на затылке в хвостик и перевязанные простой черной резинкой. Другую девочку звали Аней. Аня чуть-чуть не дотянула в школе до серебряной медали и сожалела об этом. Аня красила волосы и подводила глаза, чувствовалось, что в ее семье есть средства на хорошую и модную одежду, но во всем, что было на Ане, и что она делала, присутствовала какая-то скрытая неуверенность. Она словно боялась в чем-то ошибиться, сделать что-то хоть немного «чересчур». И тут я. Они как замороженные слушали мои рассказы о замужестве, о прогулах в школе; они не верили, что я когда-то курила и даже умею пить водку. И что больше всего их удивляло – это то, что я попала в их компанию. Более того: я обнаруживала действительные знания на занятиях; кроме того, я тщательно к ним готовилась: работа была у меня непыльная, свободного времени предостаточно, и я училась с такой страстью, с таким желанием, что не только восполнила все школьные пробелы, но и почерпнула много нового.

Мысль о том, чтобы поступить в университет, овладевала мною со страшной силой. На подготовительное отделение я поступила играючи, но, чтобы стать студенткой, требовались деньги, знания и удача.

Деньги и знания еще как-то можно получить, а вот уда-

чу...

Когда я думала о том, что удача отвернется от меня, я приходила в ужас. Я считала себя недостойным человеком, грешницей, а свои усилия измениться – мизерными; поэтому Бог, которого я понимала как абсолютный справедливый закон, вполне может не дать мне пойти по тому пути, который я для себя наметила.

Однажды меня занесло в церковь. Вообще-то меня иногда туда заносило. Мне казалось, что разрешение всех вопросов лежит если не там, то где-то рядом. Мне казалось, что люди воцерковленные знают что-то, что недоступно моему пониманию, но если я это все тоже узнаю, то непременно спасусь для будущей жизни, в которую я всегда верила. И каждый раз, когда я оказывалась в церкви, я всеми силами старалась проникнуться духом благочестия, вникнуть в происходящее в надежде раскрыть тайны, но мне это не удавалось. Священник читал что-то, чего я никак не могла понять: если бы это были нормальные русские слова, то я, пожалуй, поняла бы, но так это было для меня невнятное бормотание. Меня угнетали старушки, бившиеся лбом об пол, угрюмые, похоронные одеяния прихожан, их шиканье на плачущих и голодных детей, ожидающих причастия. Угнетало бесчисленное количество святых: их было так много, что я никак не могла выбрать, перед кем поставить свечу...

Но я была слаба и искала силы. Поэтому и заходила иногда в церковь. Так вот, однажды я услышала, как священник,

читая проповедь, сказал о том, что люди, желающие безвозмездно помогать другим, могут обратиться к нему, и он поможет исполнить их желание. В тот момент у меня зародилась мысль: дать обет. Если я поступлю в университет, я приду к этому священнику и попрошу работы на благо других людей. Я буду в течение месяца уборщицей, санитаркой, няней, кем угодно. Только бы Бог помог поступить в университет.

После такого решения я как-то внутренне успокоилась.

Нельзя вперед мне забегать,
Иначе мысли не поймать,
Иначе обольщусь мечтой,
И выстрел будет холостой.

А если в цель не попаду,
Боюсь, потом с ума сойду.
Но верю: цель достигну я,
И сохранит Господь меня.

Как-то раз меня, Катю и Аню отпустили с занятий пораньше. Мы все возвращались домой на пятичасовом поезде, и раньше этого времени поезда не было. И тут Аня и я проголодались. Как ни странно, у нас оказались деньги, которые мы могли потратить, и мы решили посидеть в кафе, тем более что на улице стоял собачий холод. Катя после некоторых колебаний пошла с нами. В кафе я и Аня заказали мясной

салат и чай с булочкой, а Катя – стакан сока. Я недоуменно посмотрела на нее:

– Кать, ты что, есть не хочешь?

– Не хочу.

– Я не верю. Может, у тебя с желудком что-то? – спросила

Аня.

– Да нет.

– Так в чем же дело? – пристали мы к голодающей.

И первой догадалась Аня:

– Пост?

Катя кивнула.

– И ты всегда его соблюдаешь? – поинтересовалась я.

– Да. И мои родители тоже.

Мы сразу от нее отстали и стали есть свои салаты.

Съели, попили чай, посидели еще немного, а потом Аня взяла свой поднос и понесла в угол с надписью «Использованная посуда».

А я, уловив момент, дотронулась до рукава Катиной кофты и полусшепотом попросила:

– А помолись за меня, чтобы я поступила.

– Ты сама можешь это сделать, – вскинула удивленные глаза Катя.

– Я знаю. Но я не очень хорошая. А ты очень. Он тебя услышит. Ладно?

Катя нерешительно кивнула.

После этого случая мы очень редко с ней говорили, и

между нами установилась немая недоуменность-недосказывание.

– Надя, – как-то начал канючить Костик. – Зачем тебе сдавалась эта учеба? Я тебя так редко вижу! Субботы пропадаешь, воскресенье – отдыхаешь, на неделе – учишься. Да еще и с подружкой тебе зачем-то надо гулять. Неужели я хуже подружки? Я устал без тебя!

– А я устала с тобой! – огрызнулась я.

– Ах, так! – встал в позу Костик. – Между прочим, я простил тебе твоё вранье, а ты себя так ведешь!

– Какое вранье?

– Такое! Кто сказал, что пойдет в гости к Варю, а оказался в гостях у Нины?

Нина – та самая подружка Вари, с которой она познакомилась после приезда из Бузулука. По натуре боец, Нина крутилась как белка; сумела купить жилье недалеко от института, где я работала, и одна воспитывала дочь – уже второклассницу. Был случай: Нина легла в больницу, и за дочерью некому было присмотреть. Я прожила с ее дочкой две недели, и после этого мы с Ниной стали лучшими подруги. Я частенько к ней заходила, мы пропускали по стопочке, я помогала ее дочке в учебе, и все были довольны.

– Ну и что? Варя тоже хотела зайти к Нине, просто у нее что-то не получилось, – я пожалала плечами. И вспомнила, как Костик в тот день словно бешеный прискакал к Нине и начал

уговаривать меня пойти с ним. Чтобы не ругаться при ней, я пошла с Костиком. А после Нина сказала мне, что если так дело пойдет, то он скоро и к унитазу ревновать меня станет.

Нина была права.

С каждым днем управлять Костиком становилось все труднее. И куда девался тот тихий, «заученный» мальчик?

– Зачем тебе эта учеба, – начинал он в который раз. – Вот я встану немножко на ноги – сыграем свадьбу. Я начальником стану – вот увидишь. Я тебя обеспечу. Бросай все это. Тем более не сегодня-завтра забеременеешь.

Глупый, неосведомленный Костик. Бросить надо. Только не учебу, а его.

Но я не могла найти зацепку, оправдание для себя, чтобы бросить Костю. «Мы в ответе за тех, кого приручили», – так, кажется?

Я не могла найти в нем недостатка.

Назойлив? Любит. Ревнив? Любит без ума. Против учебы? Скучает.

А вот во мне что хорошего?

Совершенно случайно зашла как-то в церковь. Когда я раньше в нее заходила, то сначала подходила к большой старой иконе «Спас Нерукотворный». Мне казалось, он смотрит ласково. Но в прошлом году, я слышала, избили сторожа и украли многие иконы, в том числе и «Спаса». На их места повесили новенькие репродукции. Нарядно. Народу бы-

ло человек десять. Я встала где-то сбоку, в уголок, и заметила, что рядом священник исповедовал старушку. Закончив беседу с ней, он накрыл ее седую полулысую голову краем своей ризы и дал отпущение грехов. Старушка радостно расцеловала его руки и куда-то исчезла.

Священник вопросительно уставился на меня.

– Вы на исповедь?

– В некотором роде. А просто поговорить с вами можно?

– Подойди.

Я подошла к нему вплотную.

– Грешна?

– Да. Я и сейчас грешу. Я нечаянно сюда зашла. Но, раз так получилось, можно совета спросить?

– Спрашивай.

– Меня человек любит, очень хороший. Очень правильный. Предлагает замуж за него выйти. Я не вижу в нем никаких недостатков, и все же не люблю. Он мне не противен, я с ним доброжелательна, но нет у меня к нему любви как к мужчине. Что мне делать?

– А ты представь, что ты выйдешь за него замуж и родишь ребенка. И твой ребенок увидит, что ты не любишь его отца. Как ты думаешь, что он будет испытывать? Запомни: дети за родителей отвечают. И если родитель упрямо идет по греховному пути, то расплачиваться за его грехи будут его дети.

– А если я знаю, что детей не будет?

– Это только Бог знает. Человек предполагает.

– Спасибо. Поняла.

Я кивнула и, не оглядываясь и не дожидаясь конца службы, вышла.

Вскоре мои сомнения разрешились.

В один из понедельников, вместо того чтобы идти в школу, Даша слегла в постель с температурой тридцать девять. Вечером того дня мы с Костиком договорились, что я прихожу к нему в гости. Телефона домашнего у Костика не было, следовательно, если б я ушла, то позвонить и справиться о самочувствии Дашеньки было бы неоткуда. Поэтому, встретившись с Костей на работе, я сказала, чтобы он меня не ждал, и объяснила причину.

– Ну, не умрет же она без тебя! – сказал он мне в ответ.

И тут я увидела его недостаток: он любил только себя. Он любил и меня, но как игрушку, которая нужна ему, любимому. Он был жестокий человек, который, если ему надо, по головам пойдет.

Все это пролетело в моей голове в одну секунду. И как я оказалась права! Я тогда еще не знала, что когда он получит научную степень, то наплюет на всех, кто подставлял ему плечи; что будет «славить» меня на каждом перекрестке; что будет добиваться увольнения моих подруг... Я еще не знала, что, когда зайду к нему после ссоры, увижу его мать Тамару Ивановну, ползающую на коленках с половой тряпкой после инсульта. Я еще ничего этого не знала.

В тот момент я лишь смутно поняла, что ему наплевать на мою сестру, на меня, на всех.

Я была готова расстаться с ним в тот момент и уже хотела этого, но он впился в меня словно клещ, обвивая мнимой заботой о моем благополучии.

И я мучилась с ним еще полгода.

В итоге мы расстались очень плохо: пришлось послать его нецензурными выражениями и не раз, прежде чем он понял, как я устала от его общества. Все было очень скучно и некрасиво, но я извлекла урок, который должна была извлечь еще на примере связи с Захаром: фальшь в близких отношениях между мужчиной и женщиной неприемлема.

Испытания

До вступительных экзаменов оставался месяц. На работе я училась, дома училась, по ночам читала книги. Я загнала себя до такой степени, что казалось, мир разрушится, если не поступлю в университет.

Когда ложилась спать, то загадывала вопрос: «Поступлю ли я в вуз?» – и мне снился причал на набережной в областном центре. Несколько раз я раскладывала карты, и по ним выходило стопроцентное достижение цели. Но все это не успокаивало меня.

Почти каждый раз, когда я приезжала по субботам на занятия, я встречала в коридоре «всю из себя» Ирину Родионовну.

– Надежда Николаевна, – говорила она мне, – еще не поздно внести нужную сумму. Подумайте! Если вы заплатите, то вам может хватить и двадцати баллов из тридцати возможных! А так ваши шансы ничтожны.

– У меня нет денег, – вежливо отвечала я и проходила далее по коридору на занятия.

В день, на который был назначен первый экзамен – по литературе, – пошел сильный дождь. После того как я сошла с поезда и добралась до трамвайной остановки, вид у меня был такой, словно на голову мне вылили ведра два воды (ведь зонта я, естественно, не взяла). Мой макияж был смыт

бесследно, а прическа обвисла и прядями прилипла к щекам. Но все это придало мне сил: народные приметы гласили, что дождь, заставший в дороге, – к благоприятному путешествию.

Первый экзамен сдала словно в горячке, набрав за него максимальное количество баллов – десять.

Следующий экзамен, сочинение, был назначен через два дня.

Дали несколько тем. Я выбрала одну. Начали писать. Писали все сразу в чистовик, так как времени на переписку не было. Когда половина сочинения моего была уже написана, какая-то женщина подошла к доске, где были написаны темы, и, извиняясь, сказала: «Вот в этой теме (показала на мою) здесь следует поставить запятую». От этой запятой немножко менялся весь смысл.

Я как сумасшедшая продолжала строчить, по ходу редактируя направление мысли. Цитируя стихи, неправильно поставила знаки препинания.

За этот экзамен получила восемь баллов. Для меня это был почти провал. Теперь мое поступление зависело от случая. Даже если я наберу на следующем экзамене десятку, мое поступление зависит от результатов и кошельков других абитуриентов.

После этого экзамена я приехала домой в подавленном состоянии. Поела, взяла учебник русского языка и прилегла. Времени было около восьми вечера.

Раздался дверной звонок. Я не пошевелилась. Спустя две минуты в комнату вошла мама:

– Надь, к тебе Варя.

– Мам, позови ее сюда.

– Она хочет, чтоб ты на площадку вышла.

Я кивнула, нехотя встала и вышла в подъезд. Там стояла сияющая – иначе не скажешь – Варя.

– Привет! – радостно провозгласила она.

– Привет. Что случилось?

– Надь. Я знаю, что ты просила меня в эти дни не беспокоить, но действительно случилось нечто!

– И что же?

– Ко мне Ленька приехал!

Варя еще шире расплылась в улыбке, словно призывая меня сделать то же самое.

– И что? – почти раздраженно спросила я.

– Надя! Ведь ты мне лучшая подруга! Ты меня не брошишь! Ленька приехал на машине, с кучей выпивки и закуски и предлагает нам поехать сейчас на зеленую!

– Я вообще твоего Леньку видеть не хочу!

– Надя, он стоит на улице и ждет тебя, чтобы попросить прощения. Он раскаивается и хочет загладить свою вину.

– Не надо ничего гладить! Не поеду.

– Кроме того, у него день рождения.

Я вспомнила, что действительно где-то в этих числах у Леньки день рождения.

– Варя, поезжай с ним. Мне подготовиться надо. У меня экзамен.

– Да сдашь ты!

– Да я сегодня почти все завалила!

– Да ладно тебе!

– Варя, я не могу.

– Надя. Ты мне друг или кто? Я не могу, чтоб между вами вражда была. Если категорически не поедешь с нами, то хоть выйди на улицу, прости его.

– Ладно, простить можно.

И мы с Варей вышли на улицу.

Там стоял не менее сияющий Ленька, облокотившись на старую иномарку зеленого цвета.

– Надюха, привет! – Ленька протянул мне руки для объятий.

– Привет. Что скажешь новенького?

– Прости меня, – Ленька отпустил руки и вроде как засмутился. – Давай забудем разногласия. На меня даже Варюшка зла не держит.

– Конечно, – не выдержала и улыбнулась я, – что на дураков обижаться.

– Ну и давай помиримся. Я ведь люблю вас. Не как девчонок, а как друзей. У меня ж, кроме вас, никого нет.

Мы с Варей переглянулись.

Ленька открыл багажник. Лежали бутылки вина и закуска:

– Надь, составь Варьке компанию. Я за рулем, пить не мо-

гу, а вы бухнете.

– Мне учить надо.

– Тебе стресс снимать надо! – закричала Варюха. – Ты от этих экзаменов совсем плохая сделалась! С людьми общаться перестала, со своей лучшей подружкой! Ты мне подруга или нет? Только на два часика выехать, посидеть на бережке – не допросишься...

Короче, уговорили они меня. Я сказала маме, что мне действительно надо стресс снять, села в машину к Леньке, и мы поехали развлекаться.

Наклюкались с Варькой на каком-то бережке, и, когда стемнело, Ленька повез нас домой. На полпути машина сломалась.

– Как всегда! – крикнула я Леньке, вылезая из остановившейся машины посреди дороги. – Машина твоя, как всегда, не пойми что, и ты – тоже! Знала я, что нельзя с вами связываться! Теперь к утру не доберемся, и я завалюсь из-за вас!

Ленька вылез из машины с растерянным видом, и следом за ним – Варя, пытаясь меня успокоить:

– Леня что-нибудь придумает, не будем же мы ночевать в поле.

Я огляделась: действительно, со всех сторон нас окружали редкие кустарники и березы, за которыми простирались поля.

– Завез, – выдохнула я. – И где город?

– Там, – Ленька кивнул на далекие огни.

– И долго идти?

– Около часа. Пойдем, если хочешь. Я машину тут оставлю, завтра утром за ней с братвой приедем.

И мы пошли.

Сначала мы шли вместе, но потом я опять стала ругаться с Ленькой и, сдерживая злость на него, убежала вперед.

Я шла по безлюдной трассе, ускоряя шаг, и думала о том, что я дура, которой не сиделось спокойно дома, и о том, что мне надо успеть выспаться и повторить билеты... и вдруг ощутила сильную боль в руке.

Нечто с вонючим запахом вцепилось в меня. Я рванулась, но этот «нечто» – грязный мужик – попытался повалить меня.

Вырвавшись, я побежала почему-то в сторону редких кустарников. Он за мной. Мы пробежали метров двадцать, потом он настиг меня и, ударив в спину, повалил.

Я упала на влажную траву и ударилась лицом о какие-то камешки. Он навалился на меня сзади. «Будет синяк», – подумала я, и тут меня охватила ярость: «Из-за какого-то придурка буду сдавать экзамен с синяком!» Я сняла с ноги туфлю, повернулась к мужику лицом и, когда его косматая вонючая голова склонилась надо мной, изо всех сил ударила его в висок длиннющим каблуком с железной набойкой.

Он как-то сник, но меня из рук не выпустил. Я попыталась ударить еще раз, но он успел перехватить руку. «Ему не

больно, потому что он сильно пьян», – подумалось мне.

– Что ж, – сказала я вслух и засмеялась. – Предупреждаю, я неделю назад начала лечение от сифилиса. А еще я по-маленькому хочу.

– Врешь ты все, – с тревогой в голосе сказал мужик.

– Вот и проверим.

Мужик тяжело дышал, и, казалось, силы держать меня покидали его.

Я опять сделала попытку вырваться. Он удержал меня, но кроме этого сделать уже ничего не мог. То, что я не боюсь, ошеломило его.

– Надя! – вдруг раздалось где-то. – Надя! Куда ты делась?

– Я здесь! – громко закричала я, и мужик как-то сразу обмяк.

Прошло несколько секунд, и сверху раздался Ленькин голос:

– Мужик! Ты че, в натуре?

Ленька пнул его в бок; он свалился с меня, отполз метра на два, вскочил на ноги и побежал.

Ленька с Варей взяли меня под руки и подняли. Рукав блузки был порван.

– Он что-нибудь сделал? – со страхом спросила Варя.

– Нет. Спасибо.

Я отряхнулась и пошла к дороге, поддерживаемая Варей и Ленькой.

Пройдя метров двадцать, я заревела. Они стали утешать

меня, и я взяла себя в руки.

Минут через сорок мы были в городе, а еще через полчаса я была дома. Вымылась, выпалась и весь следующий день учила русский язык.

А на следующий день, утром, я, вся красивенькая и опрятно одетая (кстати, синяк не появился), приехала в областной центр сдавать последний экзамен.

Я ответила на все вопросы доставшегося билета без запинки, но одна из тетенок в комиссии спросила меня что-то еще. Это сбilo меня с толку, и ответ был путанный. Все тетеньки, входившие в комиссию, переглянулись, и та, которая спросила, сказала: «Девять баллов». Я, как в тумане, вскинула голову и сказала: «Мне этого мало». Тетенька пожала плечами. Не успела я осознать ее реакцию, как другая тетенька, подряхлее и поавторитетнее, громко отчеканила: «Я хочу этой девушке поставить десять баллов». И ей никто не возразил. «Иди, иди, – сказала она мне. – Десять баллов».

Ни результаты, ни кошельки других абитуриентов не помешали случиться чуду: я поступила в университет!

Катя и Аня, с которыми я училась на подготовительном, тоже поступили. Аня – на исторический, Катя – на филологический, только дневной. Но для этих девчат поступление в университет было закономерностью, для меня же – случайностью.

Итак, я стала заочной студенткой первого курса филоло-

гического факультета. В первый день зачисления нас, будущих филологов, собрали в холодной аудитории, поздравили, сообщили дату начала сессии и, обрисовав перспективы, попрощались. Не веря своему счастью, я вышла в числе других студентов из аудитории и тут же натолкнулась на Ирину Родионовну. Она мельком взглянула на меня и хотела пройти мимо, но я перегородила ей дорогу:

– Я поступила, Ирина Родионовна.

– Да?

– Да.

– Поступить мало, надо еще и учиться! – фыркнула она и пошла дальше.

Ну что за женщина! Впрочем, я всегда остаюсь ей благодарной за то, что свернула мою дорогу на филологию.

Выйдя из университета, я медленно поплелась на вокзал. Я знала, что если не побегу, то опоздаю на поезд, но мне хотелось на него опоздать.

Когда я дошла до вокзала, поезд ушел, и в моем распоряжении была куча времени. На улице казалось чрезвычайно тепло после холодной аудитории, светило солнце, и несказанно хотелось жить. Я купила бутылку пива, открыла ее, села на лавочку. Потом достала плеер, позаимствованный на время у Ленки, надела наушники и отхлебнула из бутылки. Развеселая музыка лилась мне в уши, но мне было ни грустно, ни весело.

В голове вертелись обрывки мыслей, главными из кото-

рых были «не может быть» и «что дальше».

Я жизнь люблю.
Люблю всему назло.
Пусть говорят,
Что мне частенько не везло.
Я думаю совсем иначе.
Всему свой срок.
И если плохо мне,
То это значит,
Что преступила я порог,
За коим следует удача.

А дальше... дальше надо было учить английский, учиться вообще, и главное – копить деньги на две сессии в год, чтобы два месяца жить в дорогом незнакомом городе. Кроме того, я должна выполнить обет. С него и начну, как только приеду домой. Пока есть время.

Через день после вечерней службы я подловила священника, выходящего из церкви. Объяснила ситуацию. Он сказал:

– Пойдемте со мной.

И мы пошли в какую-то деревянную двухэтажную пристройку рядом с церковью. У входа в нее стояло человек десять. Священник, я и эти люди поднялись на второй этаж и зашли в узкую комнату, посреди которой стоял стол, окру-

женный табуретками. Священник пригласил всех сесть. Все старались подсесть к нему поближе, а мне хотелось расположиться как можно дальше от него. В результате я оказалась с торца стола и прямо напротив священника.

– Итак, – начал он, – здесь собрались люди, которые желают стать ближе к жизни святой церкви, воцерковиться, так сказать. Вам, естественно, многое еще неясно, и вы желали бы получить ответы на свои вопросы...

Я была легко одета и давно замерзла. А тут мне показалось, что в комнате невыносимо холодно. Так холодно, что трудно и колко шевелить ногами под табуреткой. Я вся съежилась и сделала над собой усилие, чтобы не застучать зубами.

«Можно ли ходить в церковь без платка?» – робко спросила одна женщина. «А я в пост, так получилось, мяса съел, и что мне теперь делать?» – спросил следом за ней худощавый мужчина. А толстая женщина напротив него всхлипнув, посоветовала, что похоронила сестру без отпевания, и поинтересовалась, какие муки на том свете их всех ждут.

«Что за бред? – подумалось мне. – Как люди могут спрашивать такую чушь? Они, вероятно, никогда не читали Нового Завета».

Зубы мои стали стучать все отчетливее. Священник начал длительно и путано отвечать, пряча снисходительную улыбку. Потом ему стали задавать вопросы еще глупее, а он все отвечал, отвечал...

Прошло где-то около часа. Я терпеливо ждала, когда закончится эта комедия, и он мне конкретно скажет, в каком месте я могу послужить на благо их церкви.

А он, так как я сидела у него перед глазами, вдруг обратился ко мне с предложением:

– Девушка, спросите и вы, что вам непонятно.

Я сбросила с себя холодный озноб и, стараясь сказать как можно внятнее, произнесла:

– Да нет, мне все понятно.

– И что именно? Вы читали Евангелие?

– Да. Я поняла, что посты, платки, брюки – это не имеет никакой ценности перед Богом...

Я умолкла. Все взгляды устремились на меня.

– Что ж, – священник посмотрел на часы, – простимся до следующей недели. Мир всем.

Люди по очереди подходили к нему, целовали ручку и ухаживали.

Осталась я одна. Он молчал.

– Так как насчет меня? – тихо спросила я. – Я хочу поработать где-нибудь, где вы хотите, в течение месяца.

– А ты где сейчас работаешь?

– В институте.

– И компьютер знаешь?

– Да. У меня даже документ есть.

– И печатать умеешь?

– Да. У меня неплохой разряд секретаря-машинистки.

– Вот что, – священник подошел ко мне и взял за плечо. – Ты неглупая девушка, но недостаточно грамотная. Вот если бы ты под нашим руководством изучила Библию, то мы бы... в смысле церковь, могли предоставить тебе неплохую и даже очень хорошо оплачиваемую работу. Подумай об этом, соглашайся и приходи на следующее занятие.

Я вздохнула:

– Заманчиво. А просто поработать уборщицей где-нибудь вы мне дадите? Без изучения Библии.

– Нет. Нет и нет. Сначала вы должны Богу, а уж потом – людям.

Он убрал руку с моего плеча.

– Спасибо, – сказала я и рванула в открытые двери. Быстро сбежала на первый этаж, вышла на церковный дворик и быстрым шагом побежала за ограду. Я шла к остановке, не замечая луж, не чувствуя холода, и мне очень хотелось забыть весь этот разговор.

Когда я добралась до дома, то быстро разделась и легла в постель.

– Надя! Всего восемь часов вечера, а ты спать легла? – изумилась мама.

– Мне плохо.

И я не соврала. Мама подошла ко мне и, случайно задев мою голову, побежала за градусником. Тридцать девять и пять.

Я была «никакая» пять дней. «Должна Богу», «должна Богу...» – стучало в моей голове. Врач сказала, что я простудилась. Но я знала, что со мной. Я знала, что Бог не допустил меня к себе, и устами рядового священника сказал истину: я должна Богу. И Богу не нужны мои добрые дела – ему нужно мое сердце. Я думала, что можно спастись добрыми делами, не меняя себя. Но нет, Бог требовал измениться. И я плакала, молилась и просила Бога о помощи, и знала, что он слышит меня.

Болела я две недели. На второй неделе, в пятницу, когда мне уже закрыли больничный, после обеда раздался телефонный звонок:

- Алло! Мне бы Надежду Николаевну.
- Это я, – ответила я на голос Владислава Игоревича.
- Это Владислав Игоревич вас беспокоит.
- Я поняла.
- Как у вас дела?
- В понедельник на работу выйду.
- А в университет вы поступили?
- Да.
- Это замечательно. Я очень рад за вас.
- Спасибо.
- Надежда Николаевна... – голос Владислава Игоревича начал как-то запинаться. – А что если... То есть... А вы хотели бы сейчас прогуляться?

– Прямо сейчас?

– Ну да. Я живу недалеко от вас и через пятнадцать минут буду у вашего подъезда.

– Хорошо, – ответила я, даже не успев подумать. И положила трубку.

Через пятнадцать минут Владислав Игоревич ждал меня у подъезда с тремя гвоздиками. Ему повезло, что скамеечки при входе в подъезд давно были сломаны, иначе бабуськи раздели бы его взглядами донага.

Я вышла, поздоровалась, взяла цветы:

– Куда идем?

– Куда хочешь.

– Куда вы хотите.

Не только в этот момент, но и долгое время потом я называла его на «вы». Думаю, потому, что Владислав Игоревич был непредсказуем для меня: его вспышки страсти и нежности чередовались почти с полным невниманием и отчуждением. А я не могла быть близкой человеку, который в зависимости от своего настроения мог или приласкать, или оттолкнуть. Поэтому между нами всегда была недосказанность, дистанция, «вы».

– Я хочу подышать свежим воздухом.

– Хорошо. Только не здесь. Где-нибудь подальше. А потом можно в какое-нибудь кафе зайти.

«Подальше». Это потому, что боится случайно со знако-

мыми встретиться.

Я взяла цветы в ту же руку, что и сумочку, и с досадой подумала о том, что мне придется таскаться с ними целый вечер.

Гуляли мы долго и говорили долго, только все ни о чем, пустая болтовня: о погоде, о природе... о чем угодно...

Владислав Игоревич имел семью. Жена его занимала хорошую должность на главном заводе города, была самостоятельной женщиной и вела свою жизнь. Владислав Игоревич вел свою. У них было двое детей: мальчики. Один, Сережа, жил уже тоже своей жизнью, женившись «по беременности» в шестнадцать лет на женщине старше его; другой, Аркадий, своей жизни не имел, потому как ему только минуло двенадцать лет. Так как все были заняты своими жизнями и до Аркаши никому не было дела, он потихоньку сбивался с дороги: плохо учился, прогуливал школу, но, что хуже всего, – врал и воровал из дома.

Семейными проблемами Владислав Игоревич «не грузился». На волне перестройки он удачно воспользовался ситуацией: основанное им в то время при институте маленькое ООО потихоньку приносило доход. Неплохие деньги Владислав отдавал в семью, малые тратил на свои удовольствия, и жена к нему претензий не имела. Был им доволен также и Сережа, которому папа подбрасывал на житье. Был ли доволен Аркаша?.. Его об этом никто не спрашивал.

Спустя какое-то время Владислав Игоревич познакомил меня со своим младшим сыном. Все выглядело нелепо: Аркаша понимал, что я – любовница папы, но папа для него был, как и для меня, чужой и непредсказуемый. Аркаша молчал и вежливо мне «выкал», я «выкала» Владиславу Игоревичу. Мне было неловко и жалко Аркашу, и я предприняла слабую попытку порвать с Рушевым. Он выразил свое несогласие; мы продолжили наши встречи.

Жена Владислава узнала о нашей связи едва ли не с нашего первого свидания. Сначала, как я понимаю, она притворялась, что не знает, потом, когда поведение ее мужа стало известно всем, она стала делать вид, что ее это не задевает. В заключение она предложила снять для меня квартиру, только бы Владислав не портил репутацию супруги. Владислав любезно от предложения отказался, и мы встречались где попало.

Честно сказать, мне нужна была материальная помощь. Мне нужно было на что-то жить во время сессий, что-то есть. Мой папа хорошо выпивал, и семья нуждалась. Доходило до того, что я приглашала Владислава домой к себе, к родителям, когда их и Даши не было дома, и не ела ничего из того, что он приносил к чаю, оставляя эту еду для семьи.

Ирина Родионовна, заведующая подготовительным отделением, меня не обманула: университетского общежития не дали. Жилье приходилось искать самой. Один однокурсник,

деревенский парень Василий, подсказал вариант жилья подешевле: он его «разнюхал», подарив одной слегка влиятельной женщине банки с маслом и сметаной. Василий уже работал учителем физкультуры в деревне, но хотел стать как минимум директором школы. Филологическое высшее образование этому способствовало. Последовав советам Василия, я с однокурсницей Светланой снимала жилье недалеко от центра. Светлана была родом из Казахстана и необыкновенно красива: белейшая кожа, густые черные волосы и бездонные глаза. Мать ее, русская, вышла замуж за казаха; потом он умер, но вдова с дочерью жила безбедно в собственном доме с садом до совершеннолетия Светланы. А потом они стали беженцами. Бросив дом и сад, они ночью, в товарном вагоне, покинули дружественную ранее страну. В Нижнем Новгороде Света закончила консерваторию по специальности «дирижирование», а потом приехала в заброшенную деревню работать учителем музыки. Учебных часов было мало, и Света решила поучиться на филолога. Деревенским при поступлении на заочное давались льготы. От других однокурсников Василия и Светлану отличало то, что они были примерно моего возраста, самостоятельные, целеустремленные и умудренные опытом выживания в немыслимых условиях.

– Симпатичный у тебя отец. И выглядит молодо, – оценил Василий Владислава, когда увидел его первый раз.

– Это мой любовник, – пояснила я.

Светлана ничего не сказала. Она жила с матерью в сарае и

собиралась выйти замуж за хорошего электрика, у которого есть свой деревянный дом.

Когда с начала наших отношений с Владиславом прошло почти три года, он развелся с женой. После развода вскрылись такие подробности их семейной жизни, что воссоединение семьи Рушевых стало невозможным. На суде Аркадий изъявил желание остаться с отцом.

В нашем отделе института, да и не только в нашем, история Владислава получила огласку. За моей спиной стали шикать, женщины косились не со злостью, нет, – с завистью. Мужчины слащаво улыбались.

Мне захотелось покончить со всем разом: и с этой работой, и с Владиславом Игоревичем. Поставить жирный крест не только на нем, но и на всех мужчинах вообще.

Во время очередного отпуска я подала заявление об увольнении.

Владислав был и расстроен, и радостен.

Я надеялась, что не буду голодать: почти три года заочного обучения в университете давали мне право работать по специальности «учитель русского языка и литературы». Кроме того, в стране запахло переменами, как всем казалось, к лучшему: перед Новым 2000 годом президент Ельцин подал в отставку, и в марте 2000-го президентом избрали никому не известного Владимира Путина. Это была интрига! Зюганова

с коммунистами знали все, эпатажного Жириновского – тоже, а про Путина не было известно ничего. В нашей области за Путина проголосовало более 60 процентов избирателей. И я проголосовала за него тоже. Измученная Россия поставила на него все. И сыграла в русскую рулетку.

Взросление

– Зульфия Альбертовна, – жеманно улыбнулась мне неприлично толстая женщина с распущенными волнистыми волосами, доходящими почти до пояса. Чересчур яркий макияж скрывал черты ее лица, и вольно-невольно взгляд приковывала огромная грудь, украшенная рядами разных бус, будто стоявшая на подставке.

Зульфия Альбертовна сделала жест, приглашавший присесть, и в глаза бросились натуральные камни огромных перстней, словно выросших в ее пальцы с ярко-красными ногтями.

Я села.

– Итак, вы желаете здесь работать, – глаза ее будто удивленно распахнулись. Они были так же темны, как и подводка вокруг глаз.

– Да. Если можно.

– Можно. Условия следующие: педагогическое образование, шестичасовой рабочий день, один выходной, не всегда воскресенье. Добавка к зарплате за сельскую местность и за вредность. Наш детский интернат, как вы знаете, для туберкулезных больных.

Я кивнула.

– Однако, такие больные – лишь 25 процентов всех находящихся здесь детей. В городе всего пять детских домов,

и детей девать просто некуда. Поэтому остальные 75 процентов здесь – как бы выразиться... из социально неблагополучных семей. Они дикие, злые, они – звери! Вы знаете, что неделю назад в областном интернате случилось? Там девочку десятилетнюю два мальчика в тумбочку запихали! Она жива осталась, но инвалид: позвоночник сломали. Вы сразу должны им показать свое превосходство. Иначе они вас задавят.

Зульфия Альбертовна встала:

– Вы должны быть для них стервой, железной, непробиваемой... Только тогда они вас будут уважать. Уважать и бояться.

Зульфия Альбертовна сжала свою огромную ладонь в кулак и показала мне.

Я, не в силах говорить, опять кивнула.

– Так вы согласны? – спросила она меня.

– Да. Я постараюсь быть железной, – ответила я, понимая, что противоречить бронепоезду бесполезно. – Только у меня одна маленькая загвоздка: я хочу жить тут.

– Есть у нас деревянный флигель – наше общежитие, но ремонт там еще не закончен.

– Тогда я не смогу тут работать, а мне этого очень хотелось бы.

Зульфия Альбертовна глубоко выдохнула и решительно произнесла:

– Ладно! Жилье мы тебе предоставим.

Я еле сдерживала свое ликование.

Через неделю приступила к работе. Интернат располагался в часе езды от города. В лесу, у Волги, дети круглосуточно, а некоторые круглогодично оздоравливались, проживая и обучаясь в национализированной в годы Великой революции барской усадьбе.

Мне дали 7-й и 8-й классы. Шустрые, непоседливые дети. Неряшливые, аккуратные, сопливые, скромные, распушенные, тихие и крикливые.

У всех тоска по дому и желание увидеться с родителями. Одних мама с папой навещали каждую неделю (это была редкость), других – раз в месяц, а кого-то не забирали домой и на летние каникулы. Поскольку к работе я приступила с началом учебного года, пришлось разбираться с обратной ситуацией: родители не могли привезти детей с каникул в интернат.

Зульфия Альбертовна дала мне, как и другим воспитателям, по три городских адреса, попросив выяснить настроенные пропавших с детьми родителей.

По первому адресу встретила меня поникшая девочка-женщина и на вопрос о ее сыне Игоре Грошеве сообщила, что он сбежал из дома, как бывало не раз, но его скоро отыщут и привезут в интернат.

По второму адресу с пометкой «Катя Лихова» на мой звонок матерно заорали. Я звонила еще и еще. Среди взрослого

крика за дверью послышался плач ребенка. Выбежали соседи по площадке и, нисколько не удивляясь, вызвали милицию.

По третьему никто не отвечал, хотя я наведальась туда раз пять.

Игоря Грошева вскоре привезли. Талантливый, бравый мальчик. В интернате ему нравилось командовать другими детьми. Катя Лихова тоже появилась и наделала много шума: у нее обнаружили чесотку и отправили домой. А вместе с ней еще трех девочек.

Вообще, суматошно было. Дети убежали домой, а мы, воспитатели, ночью бегали за ними по лесу, потому что знали: по дороге асфальтовой не побегут. Подросткам неведом страх смерти, они бравируют этим. Моя водка – ничто по сравнению с тем, что могли сотворить эти сорванцы: могли наглотаться «колес», обкуриться дряни, надеть себе на голову пакет с клеем и даже душить друг друга веревками. Все это – для ухода от реальности, которую все они – от паинек до сорванцов – понимали одинаково: БЕЗДОМНОСТЬ.

Раз на прогулке мои дети забрались на заброшенную баржу, и двое ребят спрыгнули в воду, а на улице был октябрь, и я не знала, умеют ли они плавать. Обошлось...

Подопечные дрались друг с другом, Игорек Грошев колодил других нещадно. Я вмешивалась, прерывала их, выясняла отношения, но на следующий день повторялось все снова.

В конце концов не усмотрела, и Игорек сильно ударил девочку в лицо. Ее отец подал жалобу, я, как свидетель, подписалась под ней и вызвалась собственноручно отвезти Игорька в город, к маме. В автобусе он вздыхал, домой не хотел и, мне казалось, злился на меня.

– Не обижайся. Я не могла поступить иначе. Ты был неправ, – сказала я ему.

– Я не обижаюсь. Я злюсь, – процедил Игорек.

– На что?

– Зачем вы такая добрая?

Какой-то несуразный ответ. И никогда я себя доброй не считала.

Спустя время почувствовала, что мне нравится быть с детьми. Я покупала им конфеты, читала книги, танцевала с ними на дискотеке... а один раз компания ребят залезла ко мне в общежитие через форточку, и мы классно пили чай с апельсиновыми корками... Иногда у меня начинало щемить сердце от мысли о невозможности иметь детей. Я бы приложила все силы к тому, чтобы у моего ребенка был дом. Дом – не только крыша над головой, а место, где всегда любят и ждут.

Как-то раз меня в общежитии остановила напарница Люда:

– Знаешь, Надь, хотела сказать тебе: не привыкай ты к

ним.

– Да я вроде не милуюсь с ними, – удивилась я.

Люда была замужем, имела трехлетнюю дочку. Даже когда была не Людина смена, она приезжала в интернат. Или одна, или вместе с дочкой. Люда обожала интернатских детей, в выходные брала к себе домой кого-нибудь. Думаю, из-за этого у нее выходили скандалы с мужем.

Я домой редко ездила. В конце октября в интернат приехал Владислав Игоревич и сделал мне предложение.

– Я не могу иметь детей, – сказала я ему.

После небольшой паузы он ответил:

– У меня уже есть двое. Мне не надо.

– Возможно, я захочу взять ребенка из детдома.

– Я согласен.

Мы подали заявление в ЗАГС. Поженились через два месяца. Свадьба была скромной.

Зимой в интернате была холодина, трубы то и дело лопались, их наскоро чинили. Толстенные каменные стены барского здания, привыкшие к печам, не могли уловить тепла водяного отопления. Дети должны были спать раздетые, но я после отбоя всем советовала одеться. Кто-то доложил начальству. Попросили к директору. Я пришла. Зульфия Альбертовна сидела в кабине с невероятно толстым мужчиной – психологом.

– Надежда Николаевна! Вы достаточно юный специалист, и поэтому вполне логично, что у вас в работе возникают проблемы. Мы вас позвали для того, чтобы помочь эти проблемы решить, – Зульфия Альбертовна сверкнула перстнями.

– У меня нет проблем.

– Разве? Тогда объясните нам, почему вы не проводите закаливающих процедур по утрам?

– Я провожу.

– Разве? Тогда почему дети спускаются к умывальникам одетые?

– А что это меняет? Да, они спускаются одетые, и около умывальников снимают рубашки. Потом, как положено, обтираются, и тут же одеваются.

– Нет! Так не положено! Правила внутреннего распорядка гласят, что дети должны раздеваться в спальнях, потом спускаться к рукомойникам и обтираться холодной водой! И только потом, когда вы их построите и доведете до спальни, они одеваются!

– Зульфия Альбертовна! Но ведь очень холодно! Вы же знаете, что в спальнях нет отопления, что они ночью замерзают! Дай бог, если чуть больше десяти градусов! Воспитатели ходят в нескольких шерстяных кофтах... На уроках сидят в верхней одежде. Ну неужели нельзя временно отменить это закаливание. Они же больные все, кашляют... – меня вдруг стали душить подступающие к горлу слезы.

Зульфия Альбертовна увидела, что я готова расплакаться,

и, смягчившись в голосе, заговорила со мной как с душевнобольной:

– Вот именно потому, что они больные, мы и должны их закаливать. Должны. И мало ли что кашляют! У нас есть врач, и это в его компетенции решать, какие процедуры и кому можно отменять. А вы просто должны выполнять свою работу. Вам понятно?

Я не могла ответить, так как чувствовала, что если скажу хоть слово, то разревусь.

– Понятно вам, Надежда Николаевна?

– Да, – выдавила я из себя, кивнула и выбежала за дверь.

Я шла по алле и пыталась собраться с мыслями. Ноги то и дело скользили, запинались обо что-то, а ветки от кустов совалились в глаза. «Чем, чем я могу им помочь? Материальная помощь, если что-то и смогу, мало что изменит. Надо спасти их души. Как? Любовью. Но каждый из них хочет, чтобы любили только его. Такую исключительную любовь дает мать. Чтобы помочь, я должна стать их мамой. Допустим, будь у меня возможности, я усыновила-удочерила одного, двух, трех... Ну, сколько еще? Десять, двадцать. Что с того, если их больше? По какому признаку отобрать тех, кому надо помочь, а кому – не очень? В любом случае, чтобы помочь – надо стать ЕДИНСТВЕННЫМ для ребенка человеком, надо, чтобы он верил безоговорочно в твою любовь, и это – снова нереально, так как никто не застрахован от ошибок,

а твоя любая ошибка, если ты не ЕДИНСТВЕННЫЙ человек, – всегда рождает неверие и недоверие. Только родная мать может помочь. А я никак не могу ею стать. Я бессильна».

– Надежда Николаевна, здравствуйте, – прошебетали весело две девчонки из моего класса, пробегая мимо.

Я кивнула, так как судороги сводили горло. «Чем я смогу им помочь? Как излечить душу Карине, которую родная мать продала в притон? Или Олежеку, до полусмерти избитому отчимом? Или Радию, чья мать пьяная валялась у ворот интерната? Если бы они были сиротами, было бы легче. А как им объяснить и оправдать поступки их самых родных людей? Чтобы им помочь, надо, чтобы они поверили тебе. Чтобы поверили – надо стать очень близким человеком. Но у них есть близкие люди, которые их предали и обесчестили. Какую помощь после этого я могу им предложить, чтоб они ее приняли?»

Дошла до комнаты, выпила стакан холодного чая и не раздеваясь рухнула в постель. Передо мной так и шли чередой детские лица. Вот маленький Макарка – хулиган, описывающий матрасы тех, кто его обижает; вот Кирилл – почти взрослый парень, творящий молитву сатане каждый вечер. Когда я ему сказала, что если он молится злу, то должен быть злым до конца, так как сатана не умеет прощать; он согласился и спросил: «Как это?» «У тебя есть младший брат. Сатана потребует, чтоб ты убил его. Сможешь ли ты это сделать?» – «Нет, – ответил Кирилл. – Я люблю брата». «Тогда молись

Богу, – посоветовала я, – он прощает многое». А вот Алешка – сын вполне обеспеченных и образованных родителей, настолько занятых своими делами, что упустили из виду его – самое главное дело. Курит, пьет, глотает всякую дрянь.

Опять вспомнила Карину. «А что это вы такая добренькая?» – ехидно повторила она вопрос Игорька во время прогулки.

– С чего мне быть злой? Тем более к тебе, если ты мне ничего плохого не сделала?

– А если бы я вам сделала плохо?

– Я простила бы. Вот если бы ты сделала плохо моему близкому человеку – не знаю. Пожалуй, тогда я бы стала желать тебе плохого. Но если ты мне лично причинишь обиду – я тебя прощу.

– А я никогда никого не прощу!

Уткнулась лицом в подушку. «Чем помочь? Ничем». Заревела во весь голос, затыкая себе рот. «Господи, Господи! Господи! НЕ МНЕ, Господи!.. Я поняла, Я НЕДОСТОЙНА! Не мне, но – им! Ну, помоги же им, пожалуйста, Господи! Ты же все видишь... Я бессильна!»

Выревелась. Долго смотрела в потолок.

В детстве я боялась умереть. Мне представлялось, что вот я умерла, и меня никогда-никогда-никогда больше не будет. Я начинала ночью плакать, мне не хватало воздуха. Прибегали мама и папа, утешали меня:

– Ты будешь жить долго, так долго, что тебе надоест, –

говорили они.

Но этого было мало. Мне нужно было что-то знать, что-то такое... какое-то чудесное слово, которое побеждает страх.

Но я не знала. А мои родители забыли.

Это слово – БОГ.

ОН ДОЛЖЕН БЫТЬ ВО МНЕ. Тогда, может быть, кто-нибудь из тех, кто окружает меня, скажет: «Я хочу быть таким же человеком». И только таким способом можно что-то изменить. Борьбаться со злом надо, начиная с себя. В своем сердце надо поселять Бога. Я наконец-то поняла фразу, которую запомнила, когда в чередe чтения без разбора осилила «Братьев Карамазовых»: «...дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Сердце человека должно быть на стороне Бога. И бороться надо несмотря ни на что; и даже тогда, когда кажется, что ты повержен, и нет никакой надежды, и храм разрушен до основания. И в этой борьбе – жизнь. Такая жизнь, что умереть не страшно.

– Я буду бороться! Буду! – крикнула я в темноту и... успокоилась.

После Нового, 2001 года поняла, что беременна. Владислав встретил эту новость удивленно.

«Рожай, – сказал он. – Если сын, то назовем, как моего отца». Ирония судьбы: отца мужа звали так же, как мою первую любовь.

Начался жуткий токсикоз. В этот раз я забеспокоилась

сразу и прибежала в поликлинику. Оттуда мне дали направление в больницу на сохранение. Ставили капельницы, делали уколы. Жутко хотелось много мяса, но я стеснялась сказать об этом Владиславу.

Не понимая до конца, что происходит, ждала, когда же мне скажут: «Ничего не получилось, ребенка не сохранить...» В то же время сжималась внутренне, когда мне это приходило на ум, и ужасалась. Я вспоминала все выкуренные мною сигареты, весь выпитый до беременности алкоголь и плакала от страха, что все это скажется на здоровье ребенка. Но когда мне и приходили на ум все возможные уродства моего дитя, я клялась, что всегда буду любить его и никогда не брошу.

Любые взгляды мужчин, кроме Владислава, в мою сторону казались мне грязными и пачкающими моего ребенка.

Читала я, что дети с момента зарождения все понимают. Думаю, это так. Я просила прощения у зародившегося во мне человека, просила его бороться и выжить.

Лежала в больницах трижды. Сначала в желтой «истребительной» вместе с абортницами. Там мне поставили диагноз «замершая беременность» под вопросом. Следующие два раза – в отделении патологии роддома. Счастье было, когда меня тошнило: это означало, что ребенок живет.

На седьмом месяце удачно сдала сессию.

Владислав купил квартиру, из интерната я уволилась. Аркаша, сын Владислава, стал жить с нами.

Семейная жизнь никогда не бывает безоблачной, и каждый человек несет такой крест, какой может понести...

На исходе лета 2001 года меня привезли рожать в роддом. Потуги были долгими и изнуряющими. Утром две медсестры, дежурившие около меня, ушли пить чай. В этот момент я почувствовала, что должна родить. Часто женщины боятся рожать, боятся боли... Нет. Я боялась за НЕГО.

Крикнув медсестричкам и собрав последние силы, я тужилась, подставив руки так, чтобы только не уронить, не повредить ребенка.

Медсестры услышали, прибежали и помогли.

Говорят, новорожденные дети красные, сморщенные, страшные и гримасничают...

Мне дали моего мальчика: здорового, прекрасного цвета, с чистыми, распахнутыми голубыми глазами. Он посмотрел на меня и УЛЫБНУЛСЯ.

– Прощена! Прощена! Прощена! – сказала я и заплакала.

Послесловие

Родине
Поруганная, исплеванная,
До нищеты доведенная,
Терновый венец принявшая,
Убитая – но не пропавшая,

Мы ждем твоего Восстания
Под именем Бога Вечного;
Прими от детей покаяние,
И возроди человеческое.